

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый
научный журнал
Номер 2(08), 2014
Периодичность — 2 раза в год
Серия: Филология
Выпуск 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

д-р ист. наук **В. Н. Тугужекова**

Зам. главного редактора

д-р филол. наук **А. Л. Кошелева**

Ответственный секретарь

канд. ист. наук **Н. А. Данькина**

канд. филол. наук **И. М. Чебочакова**

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки
Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский
научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории»
(ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

655017, г. Абакан,
ул. Щетинкина, 23, ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
Телефон 8 (3902) 22–31–71
E-mail: **khaknauka@mail.ru**
Зав. редакцией:
Надежда Анатольевна Данькина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

И. Г. Смолина (председатель)

канд. юр. наук (Абакан)

Л. В. Анжиганова

д-р филос. наук (Абакан)

Б. В. Базаров

чл.-кор. РАН (Улан-Удэ)

К. А. Бичелдей

д-р филол. наук (Кызыл)

Н. М. Екеева

канд. ист. наук (Горно-Алтайск)

Г. А. Салата

канд. пед. наук (Абакан)

Г. С. Сурвилло

канд. физ.-мат. наук (Абакан)

Ю. С. Худяков

д-р ист. наук (Новосибирск)

<http://www.haknii.ru>

Журнал зарегистрирован в
ФС по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС 77-48678

Подписной индекс 25199
в каталоге агентства «Роспечать»

- © Министерство образования
и науки Республики Хакасия, 2014
- © ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2014
- © Оформление. ГБУ РХ «Хакасское книжное
издательство», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Абумова О. Д.

Средства выражения уступительных отношений
в русском, хакасском и тувинском языках 5

Белоглазов П. Е.

К вопросу о побудительном залоге
в хакасском языке 8

Дыбо А. В., Шеймович А. В.

Автоматический морфологический анализ
для корпусов хакасского и древнетюркского
языков 9

Каскаракова З. Е.

Типология фитонимов в хакасском языке 31

Кузьмина Е. Н., Селютина И. Я., Силантьев И. В., Широбокова Н. Н.

Язык и фольклор хакасов в исследованиях
института филологии СО РАН 34

Сунчугашев Р. Д.

Об итогах кызыльской лингвистической
экспедиции ХакНИИЯЛИ 43

Чебочакова И. М.

О некоторых вопросах структуры глагольной
словоформы в хакасском языке 48

Чертыкова М. Д.

Системные взаимоотношения глаголов эмоции
в хакасском языке 53

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Киндикова Н. М.

Проблема создания литературной биографии
Э. Палкина 59

Конышева Л. М.

Особенности исполнения хакасского песенного
фольклора в ансамбле хакасских народных
инструментов 63

Кошелева А. Л.

Транснациональная поэзия Хакасии: проблема
идентификации и специфика идиостиля лирики
А. Кыштымова 67

Кяргина С. В.

Модификация этнопоэтики в художественной
структуре малой прозы В. Шукшина 73

Майногашева В. Е.

Хакасский героический эпос алыптых ныхмах
эпохи древнехакасского (древнекыргызского)
государства VI-XIII вв. н. э. (в хунно-ирано-
хакасском историческом аспекте) 76

Теклева Л. А.

Стереотип как средство изображения персонажа
в анекдоте периода Великой Отечественной
войны 93

Чаптыкова Ю. И.

Мифологические персонажи и мотивы эпоса
«Белый жеребенок и сивый жеребенок» 98

Челтыгмашева Л. В.

Проза И. Топоева: тематика, проблематика,
художественные особенности 103

Чистобаева Н. С.

Изучение искусства хакасской
эпической традиции 107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Данькина Н. А.

О работе научной школы «Актуальные
проблемы исследования литературы
и культуры народов Южной Сибири»
(18–24 августа 2014 г.) 114

Тугужекова В. Н., Данькина Н. А.

Международная научная конференция «Народы
и культуры Южной Сибири и сопредельных терри-
торий», посвященная 70-летию Хакасского научно-
исследовательского института языка, литературы

и истории (г. Абакан, Республика Хакасия,
24–26 сентября 2014 г.) 117

ПЕРСОНАЛИИ

Кызласов А. С.

Зинаида Ефремовна Каскаракова — исследователь
современного хакасского языка 121

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ НОМЕРА
(на английском языке) 124

Сведения об авторах 129

Информация для авторов 131

CONTENT

Abumova O. D.

The means of expression concessive relations in russian
khakass and tuvan languages5

Beloglazov P. Ye.

To the question of causative in the khakass
language8

Dybo A. V., Sheimovich A. V.

Automatic morphological analysis for corpora of
khakass and old turkic languages9

Kaskarakova Z. Ye.

Typology of plant names in the khakass language 31

Ye. N. Kuzmina, I. Ya. Selyutina, I. V. Silantyev, N. N. Shirobokova

The khakass' language and folklore in researches of the
institute of philology of the sb ras 34

Sunchugashev R. D.

About results of the kyzyl linguistic expedition
of khrillh 43

Chebochakova I. M.

About some questions of structure of a verbal word
form in the khakass language 48

Chertykova M. D.

System relationship of verbs of emotion
in the khakass 53

Kindikova N. M.

Creation problem of e. Palkin's literary biography 59

Konysheva L. M.

Peculiarities of folk songs performance by the ensemble
of the khakas folk instruments 63

Kosheleva A. L.

Transnational poetry of khakassia: identification
problem and specificity of individual style of a.
Kyshtymov's lyrics 67

Kyargina S. V.

Modification etnopoetiki in artistic structure short prose
v. Shukshin 73

Mainogasheva V. Ye.

Khakass heroic epos alyptykh nymakh of the epoch of
the old khakass (old kyrgyz) government of the vi–xiii
centuries a. D. (In xiongnu-iranian-khakass historical
aspect) 76

Tekleva L. A.

The stereotype as the means of the image
of the character in the period joke the great
patriotic war 93

Chaptykova Yu. I.

Mythological characters and motives of epos «white colt
and grey colt» 98

Cheltygmasheva L. V.

I. Topoyev's prose: topics, problematic, artistic
peculiarities 103

Chistobayeva N. S.

Research of art of khakass epic tradition 107

Dankina N. A.

About work of a scientific school «current study problems of literature and culture of south siberian peoples» (august 18–24, 2014) 114

Tuguzhekova V. N., Dankina N. A.

International scientific conference «peoples and cultures of south siberia and adjoining territories» devoted to the

70th jubilee of khakass research institute of language, literature and history (Abakan, the republic of khakassia, september 24–26, 2014) 117

Kyzlasov A. S.

Zinaida yefremovna kaskarakova is a researcher of the modern khakass language 121

THE ABSTRACT (IN ENGLISH) 124

THE INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 129

THE INFORMATION FOR THE AUTHORS 131

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ, ХАКАССКОМ И ТУВИНСКОМ ЯЗЫКАХ

О. Д. Абумова

УДК 81.44

В статье сопоставительному анализу подвергаются средства выражения уступительных отношений в русском, хакасском и тувинском языках.

Ключевые слова: **уступительные конструкции, уступительные союзы, уступительные отношения, усилительная частица, деепричастная форма.**

Уступительные предложения являются одним из видов предложений обусловленности. В них соотносятся две ситуации, одна из которых поставлена в зависимость от другой. Это сложноподчиненные предложения, придаточные части которых присоединяются к главной посредством уступительных союзов и обозначают условие, вопреки которому совершается высказанное в главной части [1, с. 147].

В современном русском языке в уступительных конструкциях главная и придаточная части связаны посредством уступительных союзов *хотя, несмотря на то что, правда, пусть, как ни*. В Словаре синонимов русского языка отмечены синонимичные названным союзы *даром что, невзирая на то что, пускай, пусть, хоть, разг. вопреки тому что, разг. где бы ни, разг. как бы ни, разг. какой бы ни, разг. кто бы ни, разг. куда бы ни* [2]. Эти союзы выражают зависимость одной синтаксической единицы от другой.

В придаточном уступительном предложении высказывается мысль противоположная, несовместимая с тем, что содержится в главном предложении. Например: *На празднике люди продолжали веселиться, невзирая на то, что над городом нависла грозная туча; Ивана очень тянуло на малую родину, хотя родители его давно перевезли на запад.*

В уступительных сложноподчиненных предложениях придаточная часть обозначает обратное условие, а в главном выражается про-

тивоположное следствие. В придаточных уступительных называются ситуация, событие, вопреки которым осуществляется другое событие: *Картофель не вырос, хотя лето было теплым*. В придаточных уступительных предложениях значение противоположности осложнено семантикой преодоления [3].

В русском языке в количественном отношении различных средств связи для выражения уступительных отношений больше, чем в тюркских, в частности, в хакасском языке. Среди пяти типов предложений обусловленности уступительные предложения наиболее близки к условным. Исследователи отмечают, что они выражаются и, вероятно, формируются на базе условных, это отношения опроверженного, препятствующего условия [4, с. 177]. Ср.: *Если ты сильно меня толкнешь, я на ногах не удержусь / Хоть ты и сильно меня толкнул, я все равно удержался на ногах.*

Аналогичная ситуация наблюдается в хакасском языке, ср.: *Наңмыр чагбаза, нис тасхар парарбыс* — Если не будет дождя, то мы пойдем на улицу / *Наңмыр чаапчатса даа, нис тасхар парарбыс* — Несмотря на то, что идет дождь, мы пойдем на улицу.

В хакасском языке основным способом выражения уступительных отношений является использование сложного предложения, в придаточной части которого сказуемое, выраженное глаголом в форме условного наклонения

с аффиксом $V=ca / =ce$, сопровождается частицей *даа / дее*. Общее количество уступительных предложений, образованных данным способом, составило 55 % примеров в нашей картотеке. Например: *Ол агырыг даа пол=за, азах үстүне ник тур килген* (КН, КХ, с. 15) — Несмотря на то, что он болен, (он) твердо встал на ноги; *Тоёң, орай хараа даа полза, орнында чох полган* (НД, БА, с. 12) — Хотя и (была) поздняя ночь, Тоёна не было на месте; *Часхы читкен дее полза, чылыг полбинча* — Хотя весна и наступила, тепла (еще) нет.

Этот способ является наиболее продуктивным как в хакасском, так и в других тюркских языках. Ср.: (тув.) *Дун орайтаза-даа, таран чоруксаар кижилер чок болган* (УТЯ, с. 142) — Хотя была поздняя ночь, желающих разойтись не было // (хак.) *Орай хараа полган даа полза, ибзер маңзырапчатхан кізі чох полган* — Хотя была поздняя ночь, людей, спешащих домой, не было.

Сказуемое придаточной части всегда может употребляться в форме условного наклонения и выражать действие в будущем, настоящем и прошедшем времени, и в главной части оно может употребляться как в форме прошедшего, так и настоящего и будущего времен. Особенностью хакасских уступительных конструкций является то, что сказуемое придаточной части в форме будущего времени не сочетается со сказуемыми в главной части в форме прошедшего неопределенного на *-ган* и прошедшего обычного на *-чаң / -чең*. Чаще всего оно используется в сочетании со сказуемыми в форме настоящего и будущего времени с отрицанием или без него. Все возможные варианты сочетания форм сказуемых главной и придаточной частей мы представили в таблице 1.

Таблица 1

Придаточная часть \ Главная часть	$V=ган даа$ $V=за$	$V=са$ <i>даа</i>	$V=ар$ <i>даа V=за</i>
$V-ган$	+	+	-
$V-чаң$	-	+	-
$V(-бин/-тин/-мин) -ча$	+	+	+
$V-ар / (-бас)$	+	+	+

В русском языке уступительное значение может выражаться нетипичными, пересмысленными средствами: 1) сочетанием союза *если* с частицей *даже*; 2) частицей *пусть (пускай)* в значении союза [3]. Например: *Если даже сдам экзамен на хорошую оценку, стипендии у меня не будет; Если даже пройдет дождь, я не надеюсь собрать хороший урожай*. Действие говорящего направлено в план будущего, и если в придаточной части речь идет о положительном исходе дела, то в главной части действие выражается глаголом с отрицательной семантикой.

В хакасском языке встретились подобные уступительные конструкции. Сказуемое придаточной части в них может быть без показателя отрицания и с отрицанием, а сказуемое главной части чаще используется с отрицанием. Например: *Аалзар даа пар-ба-за-м, сірерзер кірерге маңнан-мас-нын* — Если даже и не уеду в деревню, зайти к вам не успею; *Өрт суххан кізіні піл-чет-се-м дее, чон көзіне адын адап пол-бас-нын* — Если даже и знаю имя поджигателя, людям вслух его не смогу назвать. При переводе рассмотренных предложений на русский язык формы *даа пар-ба-за-м, піл-чет-се-м дее* передаются сочетанием союза *если* с частицей *даже*.

Вторым по частоте выражения уступительных отношений является сочетание формы $V-ганда/-генде$ с усилительной частицей *даа*. Количество примеров, построенных по этой модели, составило 30 % от общего объема нашей картотеки, например: *Орай даа түзібіскенде, трактор тогынчатхан* (ГК, Т, с. 57) — Хотя наступил вечер, трактор работал; *Ягор öзібіскенде дее, ічезі, аны часхарып, истіг сарнап узутчаң* (КН, КХ, с. 112) — Несмотря на то, что Ягор стал подрастать, мать, успокаивая его, приятно напевая, убаюкивала. В данных предложениях речь идет о событиях, произошедших в прошлом, об этом свидетельствует показатель прошедшего времени сказуемого в главной части предложения: *тогынчатхан* — ‘работал’, *узут-чаң* — ‘убаюкивала’. Эти конструкции близки к временным.

5 % примеров составили предложения с деспричастной формой на $V-ып$ в сочетании

с усилительной частицей *даа*, в которых обнаруживается уступительное значение. Например: *Ипчи кизи, аны даа көрпн, оңар полбаан* (МТ, ТКӧ, с. 43) — Женщина, несмотря на то, что видела это, не поняла; *Хысхы айлар чидип тее, соохтар насталгалах полганнар* — Хотя и наступила зима, морозы еще не начались.

Деепричастная форма на *V=a* в сочетании с усилительной частицей *даа* образуют конструкции со значением уступки. Таких конструкций составило 5 % от общего количества примеров: *Миниң агыримны піле дее, піссер килбеді* (ВШ, СС, с. 41) — Несмотря на то, что знал о моей болезни, к нам не зашел; *Оолагас, хыныг чоохты исте дее, пір дее хатхырбады* — Несмотря на то, что слушал интересный (смешной) рассказ, мальчик ни разу не улыбнулся.

Два последних способа близки по своему значению. В зависимой части деепричастная форма легко подвергается замене финитной формой глагол. Ср.: *Хысхы айлар чидип тее, соохтар полгалах / Хысхы айлар читкен дее полза, соохтар полгалах* — Хотя и наступила зима, морозы еще не начались; *Оолагас, хыныг чоохты исте дее, пір дее хатхырбаан / Оолагас, хыныг чоохты искен дее полза, пір дее хатхырбаан* — Мальчик, хотя и слушал смешной рассказ, ни разу не улыбнулся.

Выделяется еще один способ выражения уступки — конструкции с формой на *V-бин* в сопровождении частицы *даа*. Частота употребления рассматриваемых конструкций аналогична двум ранее рассмотренным. Например: *Наңмыр тохтирын даа сагыбин, чиит ирен ибзер парарга сыгыбысхан* — Не дождавшись даже окончания дождя, молодой человек вышел уйти домой; *Соохты соох тібин, ол тасхар пас чӧрген* — Несмотря на мороз, он гулял на улице.

Таким образом, уступительные сложно-подчиненные предложения — это предложения, в которых придаточная часть обозначает обратное условие, а в главном выражено противоположное следствие.

Рассмотрев способы выражения уступительных отношений в русском и хакасском языках, мы выяснили, что в русском языке союзов с уступительной семантикой больше, каждый из них имеет свое определенное значение. В хакасском языке средств выражения рассматриваемых отношений пять, обязательным условием появления этих отношений является наличие усилительной частицы *даа*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. — М., 1980.
2. Словарь синонимов русского языка. — М., 2011.
3. Словарь лингвистических терминов. — Назрань, 2010.
4. Шамина, Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. — Новосибирск, 2001.

СОКРАЩЕНИЯ

хак.	хакасский язык
тув.	тувинский язык
УТЯ	Салзынмаа Е. А. Учебник тувинского языка. — Кызыл, 1980
КН, КХ	К. Нербышев. Кӧгӱм Хорымнарда. — Абакан, 1983
НД, БА	Н. Доможаков. Ыраххы аалда. — Абакан, 1960
ГК, Т	Г. Казачинова. Той. — Абакан, 1979
МТ, ТКӧ	М. Туран. Тiрiг кiзi ѓлбечен. — Абакан, 1982

К ВОПРОСУ О ПОБУДИТЕЛЬНОМ ЗАЛОГЕ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

П. Е. Белоглазов

УДК 81.373

В статье рассматривается история побудительного залога в хакасском языке в связи со словообразованием глагола.

Ключевые слова: **хакасский язык, глагол, аффикс, категория залога, этимология.**

Основой глагола в хакасском языке является форма 2 лица, единственного числа повелительного наклонения, то есть императивная форма. Различные аффиксы, присоединяясь к императивной форме, «выражают дополнительные оттенки — настойчивость, категоричность, усиливают или, напротив, ослабляют эмоционально-волевое значение» [1, с. 44].

В хакасском языке многие активные в прошлом корневые формы превратились в мёртвые благодаря аффиксальным морфемам. Многие продуктивные аффиксы на следующих этапах развития языка стали менее продуктивными или потеряли свою продуктивность вовсе. Например, выделяется своей древностью словообразовательная модель с участием аффикса *-т*. Древность этого форманта заключается в том, что он «консервировал» многие корни, превратив их в мёртвые: **ай-т* (хак.) «говорить, рассказывать о чём-л.», *ар-т* (хак.) «вешать...», *кир-т* (хак.) «делать зарубки...», *чор-т* (хак.) «схвать мелкой рысцой...», *хай-т* (хак.) «случиться, произойти, совершиться», *чыр-т* (хак.) «рвать, разрывать...» и т. д.

Во многих анализируемых нами глагольных императивах залоговые формы законсервированы в результате утраты грамматического значения побудительности. Например, Н. К. Дмитриев так расчленяет глагол *айт* «говори»: «Исторически он разлагается на две части: корень **ай*, аффикс понудительного залога *-т*. Таким образом, предполагаемое значение этой основы должно было «заставить // велеть // позволить говорить», а не просто «говорить» (*ай*). Однако, как и в других,

правда, в редких случаях, содержание понудительного залога здесь давно «выветрилось», и тогда эта составная основа *айт*- уже не осознаётся в качестве таковой. Пропорционально этому и значение «упростилось», совершенно утратив смысловые оттенки «понудительности» [2, с. 203]. Элемент **aj-* является мертвым корнем для многих тюркских языков, так как в самостоятельном виде он сохранился лишь в якутском (*ый-* «говорить»; здесь имеем соотношение *ый-* ~ *ай-* по закону соответствия широких и узких гласных в тюркских языках), в лобнорском — *aj-* «говорить» [3, с. 116], а также в диалектах азербайджанского языка и памятниках древнетюркской письменности (*аң-* «говорить, рассказывать, говорить при тяжбах при судебных разбирательствах», то есть вообще держать официальную речь [4, с. 25]). «Омертвление» элемента **aj-*, по-видимому, связано, во-первых, со слиянием его с залоговым формантом, во-вторых, с использованием в этом значении другого глагола, ср. *сөвлө-* // *сөйлө-* «сказать, сообщить».

«Удлинение» ранее односложных корней в отдельных тюркских языках путем плеонастических наращений глагольных форм, благодаря которым значения этих корней приобрели большую конкретность, есть результат их дальнейшего развития. Например, если в орхонских памятниках применялись формы: *сек-* «прыгать», *көт-* «поднимать», *уз-* «удлинять», то современные хакасские формы *сегір-*, *көдир-*, *узат-* в том же значении выражают не чистое императивное значение, поскольку в них преобладает значение глагольного словообразования, которое соответствует периоду дифференциации в языке на глаголы и имена.

Например, глаголы хакасского языка: чазар-«1) зеленеть; 2) бледнеть (о лице)», хубар-«1) бледнеть, белеть (о лице); 2) желтеть (о траве)», кизер «1) подгорать, сильно поджариваться; 2) перен. краснеть, алеть» и т. п. выражают не просто значение повелительного наклонения 2 л. ед. ч., т. е. императивное значение, а действие или процесс превращения качества и признаков, свойственных отдельным предметам. В них преобладает лексическое словообразовательное значение и в то же время отсутствует грамматическое значение залоговой категории [5, с. 23–25].

Как отметил Х. Г. Нигматов, понудительный залог является наименее грамматикализованным, следовательно, наиболее словообразовательным по сравнению со взаимным, страдательным и возвратным залогами [6, с. 60]. Отделение глагольного корня от присоединяемых к нему грамматических элементов путем поморфемного членения на их стыке дает основание считать рассматриваемые корни исконными и односложными.

В свою очередь, двусложные глагольные императивы есть не что иное, как результат усложнения односложных корней морфологическими формантами, обусловленного потребностями в выражении все более расширяющейся системы экспрессивных оттенков побуждения или повелевания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербак, А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). — Л., 1981.
2. Дмитриев, Н. К. Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарских школах. — М., 1952.
3. Малов, С. Е. Лобнорский язык. — Фрунзе, 1956.
4. Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
5. Манкеева, Ж. А. Реконструкция первичных корней глагольных основ казахского языка. — Алма-Ата, 1991.
6. Нигматов, Х. Г. Залоги глагола в восточно-тюркском языке XI–XII вв. // Советская тюркология. — 1973. — № 1.

АВТОМАТИЧЕСКИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЛЯ КОРПУСОВ ХАКАССКОГО И ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ЯЗЫКОВ

А. В. Дыбо, А. В. Шеймович

УДК 81.33

В статье описываются принципы работы автоматического морфологического анализатора для корпусов тюркских языков. Выделяются его основные компоненты: грамматический словарь языка; порядковая модель словоформы (набор позиций в словоформе и морфонологических представлений аффиксов для этих позиций); правила сочетаемости аффиксов в пределах словоформы и двухуровневые фонетические правила выбора алломорфов конкретного аффикса. В основе работы парсера лежит алгоритм анализа, разработанный Ф. Крыловым на базе системы StarLing. В качестве иллюстрации приводится версия морфологического анализатора для хакасского языка. Работа ведется в рамках масштабного проекта по созданию корпусных ресурсов языков народов России, в частности корпусов на малых тюркских языках РФ.

Ключевые слова: **корпус языка, морфологический парсер, морфологический анализ, словоизменение, компьютерная модель словоформы, система StarLing.**

Предпосылки

Уже несколько лет благодаря поддержке Президиума РАН развиваются исследования

по новой программе «Корпусная лингвистика» [1]. Отдельное направление этой программы — корпуса языков народов России.

А. В. Дыбо является одним из координаторов этого направления и руководит проектом корпусов миноритарных тюркских языков. В рамках этого проекта предполагается делать параллельные корпуса (все тексты обеспечены русским переводом) с морфологической разметкой. Аналогичный проект в рамках того же направления развивают И. В. Кормушин и И. А. Невская; это корпус древнетюркского языка, продолжающий и развивающий работу М. Эрдала и И. А. Невской в рамках корпуса VATES [2]. Все материалы по этим двум проектам будут представлены в свободном доступе в Интернете.

На территории Российской Федерации распространено большое количество (и, можно сказать, бóльшая часть) тюркских языков. Часть этих языков имеет официальный статус и литературную традицию, то есть на этих языках существует значительное количество текстов. По малым тюркским языкам и диалектам накоплен значительный текстовый материал — записи фольклора, полевые записи исследователей (в том числе участников данного проекта) и др. Значительная часть этих языков, тем более их диалектов, в настоящее время находится под угрозой исчезновения. Существующий объем материалов нуждается в компьютеризации и обеспечении общего доступа к нему, т. е. в создании открытого корпуса тюркских языков России. Открытость корпуса должна обеспечить не только дальнейшее изучение этих языков, но и внести вклад в дело их сохранения и развития.

В рамках проекта предполагается делать параллельные корпуса (все тексты обеспечены русским переводом) с морфологической (в дальнейшем и синтаксической) разметкой.

Материалом для корпуса хакасского языка служат в первую очередь параллельные (хакасско-русские) литературные тексты художественного жанра и эпические тексты, оцифрованные и приведенные к стандартному формату. В распоряжении составителей корпуса есть также оцифрованная версия Большого хакасско-русского словаря на 22 тыс. слов под ред. О. В. Субраковой (Новосибирск, 2006) и иллюстративный материал к нему.

Кроме того, планируется создание диалектного подкорпуса хакасского языка. К настоящему времени в рамках проекта производилась обработка полевых материалов по хакасским диалектам (сагайский и бельтирский). По сагайскому диалекту (Казановка) обработаны тексты, собранные экспедициями РГГУ (2001, 2002), РГГУ и ИЯз РАН (2007), около 12 часов звучания (расшифровка, перевод, частично оглоссированы); по бельтирскому диалекту частично обработаны тексты, собранные экспедицией ИЯз РАН (2011), 6 часов звучания (расшифровка, перевод). Звуковые файлы и расшифровка текстов, размеченные по времени, помещены в Интернет; в дальнейшем предполагается завершение глоссировки и размещение ее также в Интернет. Авторы проекта надеются на содействие хакасских диалектологов в деле расширения диалектного подкорпуса, в частности, на материал других диалектов. Кроме текстов, в диалектном подкорпусе вывешиваются различные анкеты-опросники, звуковые файлы в сопровождении расшифровки (100-словники, 200-словники, составленные на историческом принципе большие фонетические опросники [3], морфологические и синтаксические опросники).

Автоматические морфологические анализаторы для тюркских языков, используемые в коммерческих программных продуктах, таких как ABBYY FineReader, ABBYY Lingvo и многие другие, основаны на тех же принципах, что и анализаторы, разработанные для флективных индоевропейских языков, типа русского или немецкого. А именно, каждая лемма в словаре получает индекс типа парадигмы, который отсылает к списку образцов парадигм. Поскольку во флективных языках эти парадигмы сами по себе невелики, а число их, наоборот, велико, анализатор строит полную парадигму для каждого слова и затем сравнивает попавшуюся в тексте словоформу с этой парадигмой. Для тюркских языков используется тот же метод, что позволяет не подвергать изменениям программное ядро.

Но наша цель — разработать анализатор для языков алтайского типа; описанный метод

не является оптимальным для агглютинативных языков.

Особенности агглютинативных языков:

1. Развитая система словоизменительных аффиксов, большинство из которых грамматически однозначны (т. е. одним аффиксом выражается одно значение грамматического признака, граммема).

2. Единый тип словоизменения: отсутствие строгого разграничения между именным и глагольным типами словоизменения — склонением и спряжением (ср. флективные языки).

3. Отсутствие значимых морфонологических чередований в основах, четкая фонетическая обусловленность использования алломорфов.

Иначе говоря, агглютинативная словоформа образуется путем присоединения к основе в строгом порядке однозначных стандартных аффиксов; границы морфем отчетливы, фонетические изменения на стыках морфем подчиняются строгим правилам. Но попытки построить парадигму конкретного слова демонстрируют ее чрезвычайную сложность и множественность, что обусловлено большим числом словоизменительных аффиксов. Это подталкивает нас к построению морфологического анализатора, учитывающего все возможные в тюркских языках комбинации морфем. Существующие тюркские парсеры строят редуцированные парадигмы, ограничивая число словоформ примерно до трехсот, что пагубно сказывается на качестве их работы.

Для построения компьютерной модели тюркской словоформы был использован подход, традиционно применяющийся отечественными исследователями при описании агглютинативных языков, особенно в полевых условиях. В лингвистике этот подход принято называть «грамматикой порядков». Ее основателем является Г. Глисон, применивший этот инструмент при описании турецкой морфологии [4]. Глисон распределил турецкие морфемы по группам, известным как «порядки расположения». Порядкам присваивается номер, соответствующий их близости к основе: порядок 1 включает аффиксы, следующие непосредственно за корнем, порядок 2 состоит

из аффиксов, которые могут следовать за морфемой 1-го порядка или непосредственно за корнем, если морфема 1-го порядка отсутствует. Порядок 3 состоит из аффиксов, следующих за морфемами первых двух порядков или за корнем — в их отсутствие. Согласно Глисон, в слове может встретиться только одна морфема каждого порядка, иначе одному из двух аффиксов 1-го порядка пришлось бы следовать за другим, тогда как по определению он может следовать лишь за корнем. Поэтому «порядки — это взаимоисключающие классы морфем, которые занимают определенное место в последовательности морфем, образующих слово» [4, с. 164]. Если Глисон использовал «порядки» при описании турецкой морфологии, то в отечественной лингвистике в рамках данного подхода описывались различные тюркские и палеоазиатские языки [5; 6; 7, с. 7–9] и др. Грамматика порядков — удобный инструмент описания агглютинативных языков, морфология которых соответствует следующим требованиям: а) фиксированная последовательность словообразовательных аффиксов; б) их грамматическая однозначность; в) однократность появления в данной словоформе аффикса определенной граммема.

1. Основные компоненты морфологического анализатора

В построении морфологического анализатора задействованы три основных лингвистических компонента:

— словарь языка (словарь, содержащий частеречные пометы и чередования основ, не описанные фонологическими правилами);

— компьютерная модель словоформы, опирающаяся на адекватное грамматическое описание (ориентированное на автоматический анализ языка);

— набор правил сочетаемости, включающих правила сочетаемости аффиксов в пределах словоформы и фонетические правила выбора алломорфов конкретного аффикса.

Алгоритм анализа, разработанный Ф. Крыловым, позволяет заполнять вышечисленные позиции материалами любого

тюркского языка*. Анализ словоформы идет справа налево. Сначала программа ищет в словаре основ целую словоформу. Если ее там не оказывается, парсер ищет с правого конца словоформы словоизменительный формант и, если обнаруживается последовательность символов, похожая на какой-либо аффикс из базы, она отрезается и проходит проверку на возможность следования непосредственно за основой, а левая часть снова сравнивается со словарем основ. При положительном результате парсер предлагает для такой словоформы вариант анализа. При отрицательном результате программа снова обращается к правому концу словоформы и ищет следующий формант, сравнивая его с базой аффиксов. Так продолжается до тех пор, пока оставшаяся слева часть словоформы не совпадет со словом из словаря основ.

Ниже описана разработка версии морфологического анализатора для хакасского языка**.

1.1. Грамматический словарь основ хакасского языка

Грамматический словарь основ хакасского языка автоматическим образом извлечен из «Хакасско-русского словаря» под ред. О. В. Субраковой (Новосибирск, 2006) — далее БХРС — с использованием системы управления базами данных StarLing. Словарь основ

* Похожая методика используется в системе, анализирующей башкирскую морфологию (см. Сиразитдинов, 2003).

** Основные участники проекта, работающие над грамматической частью корпуса хакасского языка: Крылов Филипп Сергеевич, программист Центра компаративистики Института восточных культур и античности РГГУ Кыржинова Эльвира Валерьевна, к.ф.н., м.н.с. ХакНИИЯЛИ; Мальцева Вера Сергеевна и другие участники хакасской экспедиции РГГУ 2001, 2002, 2007 гг.; Чебодаева Лариса Ильинична, к.ф.н., доцент кафедры хакасской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова; Чебочакова Ирина Максимовна, к.ф.н., с.н.с. ХакНИИЯЛИ; Шеймович Александра Валерьевна, м.н.с. Института языкознания РАН.

представляет собой размеченную базу данных, содержащую полнзначные слова (основы) в начальной форме (леммы) и не восстановимые из начальной формы варианты чередований. Если начальная форма состоит не только из корневой морфемы, но включает в себя также словообразовательные показатели, эти показатели и их значения фиксируются в специальных полях базы данных для их последующего вывода в словообразовательной разметке корпуса. Инвентарь словообразовательных морфем может быть также использован при синтаксическом анализе, т. к. последний аффикс основы дает возможность определить ядерную синтаксическую функцию лексемы.

Организация статьи словарной базы

- Верхнее поле базы FIELD1 дублирует содержание словарной статьи БХРС, сохраняя ее формат и шрифтовые выделения.

- В поле HEADWORD выписано заголовочное слово словарной статьи. Как и в БХРС, это нулевой падеж или неизменяемая форма для имени и неизменяемого слова, инфинитив на -АрГА (Dat от причастия на -Ар) для глагола.

- Поле HEADNUM заполняется, если слово имеет лексические или лексикограмматические омонимы, их порядковые номера выписываются из статьи БХРС и, как и там, записываются римскими цифрами:

ААРЛЫҒ I 1. 1) дорогой...

ААРЛЫҒ II имеющий пчёл; изобилующий пчёлами...

В поле ALTERNAT автоматически скопированы основы глаголов, которые в БХРС выписаны в слэшах после формы инфинитива на -АрГА. Основа хакасского глагола в общем случае не может быть автоматически получена из формы инфинитива путем отсечения -АрГА: если основа оканчивается на глухую согласную морфему, то эта согласная перед показателем -АрГА озвончена в интервокальной позиции. Если основа оканчивается на шумную звонкую согласную морфему Г, то эта согласная перед показателем -АрГа в стандартном случае выпадает, а гласная в показателе принимает стяженную форму в зависимости

от гласной корня. Правда, встречаются и случаи сохранения Г в этой позиции, по-видимому, инодиалектные; обычно они дают дублетные формы, которые авторы БХРС часто, но не вполне последовательно, разносили (без диалектных помет) по двум словарным статьям (в этом случае в базе имеются синонимичные вхождения). Только в случае, если основа оканчивается на сонорную согласную морфемому, ее облик перед показателем инфинитива сохраняется. Если основа глагола оканчивается на гласную морфемому, то происходит стяжение этой гласной с вокалическим началом аффикса (см. об этом типе стяжения ниже). Ср.:

ААЛЛАДАРҒА /ааллат-/ принимать гостей

ПООРҒА /пог-/ перетягивать, стягивать что-л.

(но: **нуурга** /нуг-/ то же, что **нугарга** /нуг-/ закрывать глаза)

ПОРАНАРҒА /поран-/ жить в беспорядке

АҒЫННИРҒА /агынна-/ улетать на зимовку.

• В поле ALTERNATEN выписана словоизменяемая именная основа в том случае, если она не совпадает формально с начальной словарной формой имени и это несовпадение не является результатом действия регулярного правила. Именно эта основа используется при выборе морфонологического варианта добавляемого к ней аффикса. Эта основа не может быть получена из содержания словарной статьи БХРС автоматически. В БХРС при именных основах выписаны в скобках некоторые возможные чередования, представленные в словоизменении, но, если, по мнению авторов словаря, основа изменяется только по регулярным правилам, они могут не выписываться. В результате выписывание чередований именной основы в БХРС проведено крайне непоследовательно. Так, в хакасском есть регулярное правило об озвончении глухих согласных в интервокальной позиции; вот как выглядят две словарные статьи на одной странице:

ДЕКАНАТ деканат; математика факультетінің деканады деканат математического факультета.

ДЕЛЕГАТ (-ды) делегат // делегатский; съезд делегаттары делегаты съезда.

Из примера видно, что оба эти слова ведут себя одинаково в отношении озвончения в интервокальной позиции, однако их подача в словарных статьях различается. Так как правило об озвончении действует регулярно, то в статьях для обоих указанных слов поле ALTERNATEN остается незаполненным.

Нерегулярные же чередования типа **ПОЛКОВОДЕЦ (-зі)** отражены в поле ALTERNATEN (полководес). Эта форма выступает перед аффиксами, начинающимися на гласную морфемому, словарная форма — в абсолютном конце слова или перед аффиксами, начинающимися на согласную морфемому.

Для имен, содержащих беглые гласные (узкие *y, ы, i* в закрытом конечном слоге основы, находящиеся между согл. *p-n, l-n, й-n*), в поле ALTERNATEN также выписаны чередующиеся основы:

ОРЫН (-ны) место: ALTERNATEN орн

Говоря о поле ALTERNATEN, отдельно следует упомянуть заимствованные из русского языка существительные с основой на оглушающийся звонкий *б, в, д, ж, з* (*завод, скандинав*). Из выбора алломорфов при словоизменении видно, что словоизменяемая основа этих слов заканчивается на глухую морфемому *n, t, ш, с*, но пишется во всех сочетаниях со звонким. Поэтому словарная основа подобных слов совпадает с начальной формой, отраженной в поле FIELD1 (**ЗАВОД**), а словоизменяемая со знаком * выписывается в поле ALTERNATEN (*завот**), — аффиксы после этой основы выбираются в том варианте, который должен следовать после глухой согласной: *Los заводта, P1 заводтар*.

В поле FORM записаны именные и глагольные словоформы, в которых гласные словоизменяемой основы подвергаются стяжению:

ЧЫЛБЫХ (-гы, -ии): FORM чылбии

ТАБАРҒА /тап-/ I 1) находить: ALTERNAT: тап- FORM: таап

• В поле DERIV записана основа слова, расчлененная на словообразовательные

элементы. Границы между элементами обозначены знаком =; между компонентами компонента — знаком +.

Поле DERIVGLOSS содержит словообразовательную глоссировку словоформы. При глоссировке используются те же знаки, между кумулятивно выраженными грамматическими ставится точка («.»).

В поле SEMGLOSS записан перевод основы, который должен фигурировать в глоссировках текстов.

ААЛДАҒЫ сельский; **DERIV:** ААЛ=ДА=ҒЫ; **DERIVGLOSS:** село=Loc=Atr; **SEMGLOSS:** сельский

ААЛ-КҮН собир. жители села, односельчане; **DERIV:** ААЛ+КҮН; **DERIVGLOSS:** село+народ; **SEMGLOSS:** односельчане

В поле **PART** записана «частеречная помета» (собственно, помета принадлежности слова к грамматическому классу).

Помета *Verbum* («глагол») автоматически присваивалась словам, оканчивающимся на *-рга/-рге*, если перед этими буквосочетаниями в составе словарной формы имелось не менее двух гласных. Пометы для неизменяемых слов (частиц, союзов, междометий, наречий) были автоматически скопированы из БХРС, после этого оставшимся словам (существительным, прилагательным, причастиям, деепричастиям) была присвоена помета *Nomen* («имя»)*.

A I союз 1) присоед. а; **PART:** союз

A II межд. (обычно протяжное) а, а-а!; **PART:** межд.

АНАҢ I нареч. потом; **PART:** нареч.

ПОКАС сущ. и прил. проказник; **PART:** **NOMEN**

ПОЗИРҒА /позы-/ I 1) освобождаться; **PART:** **VERBUM**

Поле **REST** частично дублирует поле **FIELD1** и содержит значения слова и примеры словоупотребления, в частности, фразеологию.

* При постредактировании словаря единицы, отмеченные как наречия, были отдельно рассмотрены; те из них, которые действительно относятся к неизменяемым, т. к. представляют собой застывшую словоизменительную форму — падеж имени, деепричастие глагола — сохранили помету «наречие»; остальные получили помету **NOMEN**.

ЗАМЕЧАНИЕ: о выделении словоизменительных классов в хакасском языке.

Согласно традиции, принятой в описании алтайских языков [9; 10], в хакасском языке мы выделяем три основных грамматических класса: имена, глаголы и неизменяемые (частицы, союзы, междометия, наречия). Первые два характеризуются набором грамматических категорий, выражаемых определенными формальными показателями (аффиксами). Набор граммем определяет тип словоизменения и парадигматический словоизменительный класс слова, например: лицо, число, наклонение, время для глагола; число, принадлежность, падеж, лицо — для имени. Известно, что дифференциация между грамматическими классами выражена слабо, особенно между разрядами имен — одно и то же слово может трактоваться как существительное или прилагательное, или наречие в зависимости от синтаксической функции, выполняемой им в предложении: *kičigler oйнапчалар* ‘маленькие (мальши) играют’, *kičig aal* ‘маленькая деревня’, *miniң тазым* ‘мой камень’, *таc тура-лар* ‘каменные дома’ (ср. англ. ‘stone’: *my stone* (актант, существительное), *stone wall* (атрибут, прилагательное), *they stone adulterers to death* (предикат, глагол). Имя в атрибутивной функции ведёт себя как неизменяемое, а будучи актантом глагола, присоединяет именные показатели.

По этой причине существительные, качественные прилагательные, а также часть слов, традиционно определяемых как наречия и послелогов, в словаре были объединены в класс имен с пометой *Nomen*, глаголы получили помету *Verbum*, а часть наречий и послелогов (которые исторически представляют собой застывшие словоформы), частицы, союзы и междометия вошли в класс «неизменяемых» (более подробно — междометие, союз, наречие, частица).

1.2. Модель словоформы

Глаголы, имена и неизменяемые части речи могут демонстрировать одинаковое морфологическое поведение. Так, тюркские имена могут изменяться по лицам, присоединяя

в зависимости от синтаксических функций два комплекта лично-числовых показателей — посессивности (*миниң хол-ым* ‘моя рука’, *миниң алган-ым* ‘мое взятие’ -ым — показатель принадлежности. 1 л. ед. ч.) и лица в составе именного сказуемого: *нис хакасныс* ‘мы хакасы’, *-ныс* — аффикс. 1 л. мн. ч. Тюркские глаголы, как и глаголы в большинстве языков других групп, имеют формы с именными показателями, — причастия, которые изменяются по числам, падежам, а иногда принимают и показатели принадлежности:

(9) *хайди тогын-ып жүрген-гле-п-четкен-нер-ин чоохта-п нир-іңер*

Как работать-Conv1 учиться (Refl)-Distr-Form-Prs.Pt-Pl-Poss3-Acc говорить-Form1 дать-Imp.2pl

Расскажите, как они работают, учатся? букв. «Расскажите в настоящее время учащихся-их работая» (Мальцева 2004).

Поэтому для удобства анализа была построена объединенная модель для именных и глагольных словоформ. Каждая из позиций в этой модели (кроме основы) может иметь нулевое заполнение (быть невыраженной).

Пояснения к таблице 1

По горизонтали в таблице расположен перечень грамматических категорий, выраженных аффиксами, следующими за корнем (основой), по вертикали — аффиксы-показатели грам. категорий со всеми алломорфами. Каждая из грамматических категорий (т. е. каждый слот словоформы) в определенных ситуациях может быть не выражена, например: единственное число, именительный падеж имени, показатель 3 лица ед. и мн. числа глаголов и имен.

Условные обозначения

R(S) — основа. Это словоизменительная основа, соотносимая с заголовком одной из словарных статей словаря; она включает корень со словообразовательными показателями. Критерием включения того или иного показателя (например аффиксов деятеля) в разряд словообразовательных служит регулярное наличие показателя в словаре в составе словоизменительной основы.

Distr — дистрибутив, обозначает множественность субъекта или объекта действия; может обозначать итеративность;

Form (1, 2) — формообразующий аффикс*;

* Form1 — формообразующий аффикс (-I) Б, ъ). Нужно отметить, что явно в варианте -ып/-іп Form1 не выступает. О присутствии этого алломорфа можно судить только по формам вида хаап (*хап- + -ып > хабып > хаап*), тооп (*тоң- + ып > тоңып > тооп*), образовавшимся в результате выпадения конечной звонкой основы и образования долгой из гласных основы и аффикса.

В принятой нами модели различаются омонимичные показатели «соединительного деепричастия» (Conv1) на -ып (ГХЯ 238) и «формообразующий» показатель (названный нами вслед за В. Мальцевой: Мальцева 2004) — Form1. Соединительное деепричастие на -ып активно используется в т. н. «сериальных» конструкциях, где обозначает действие, предшествующее либо параллельное другому действию.

Form1, омонимичный Conv1, участвует в образовании синтетических и аналитических глагольных словоформ (настоящего времени, совершенного вида, начинательного вида, прошедшего «заглазного»): *таңах хатла-п-ча* ‘курица кудахчет’, *пасчатхан* (< *паз-ып-чатхан*) ‘читающий’, *узуптырбын* (< *узу-п-тыр-бын*) ‘оказывается, я спал’, *көр-тір-зің* (< *көр-іп-тір-зің*) ‘говорят, ты видел’, *ойна-п сых-* ‘заиграть’, *сох* (< *сог-ып*) *нир-че* ‘побил’ (< ‘бить давать-Prs’) (ГХЯ 239).

Последовательность показателей, анализируемая парсером как Form1 + Dur, будет «переводиться» на язык традиционной хакасской грамматики как «настоящее», а Form1 + Indir — как «прошедшее заглазное».

Главное поверхностное отличие Form1 от Conv1 состоит в том, что в позиции между двумя согласными (после основы глагола, оканчивающейся на согласную, и перед формантом (или вспомогательным глаголом), начинающимся на согласную), Form1 выпадает или, иначе говоря, выражается нулем. Этого не происходит только после односложных основ на выпадающий -п, г, з, ц (*хап-, тоң-, саг-, суг-*) (ГХЯ 238), к которым Form1 присоединяется в форме -ып/-іп: *хап- + -ып + -ча > хабыпча > хаапча* ‘хватает’.

В ГХЯ все формы на -ып называются «полными и усеченными деепричастиями на -ып» («усеченными» являются формы, подобные *сох, пас, көр*, где Form1 = ъ) (ГХЯ 239), т. е. различие между Form1 и Conv1 там не проводится.

Таблица 1

Модель изменяемой хакасской словоформы (по ГХЯ 1975)

№	0 FR (S)	1 Dist	2 Form 1	3 Pcl 1	4 Perf, Prosp	5 Form 2	6 Dur, Iter	7 Neg	8 Tense (Pres Past, Future), Conv, Mood	9 Irr/ Evid	10 Comit	11 Num (Pl)	12 Poss	13 Apos	14 Case		15 Attr	16 Pcl 2	17 Person	18 Adv
															Simple declension	Possessiv e declension				
1.		КлА	Form 1 0	Emp h ТAA	Perf (I)бIC	A	Dur чА	Neg БА	Pres чА0Ip	Irr/ Evid ЧIK	Comit ЛIIГ	ЛAp	1 pos.sg (I)м	Hu	Gen HИИ	Gen HИИ	KI	Ass OK	Full endings 1prs.sg БIи	Лу
2.			Form 1 Б	Delim лА	Prosp (dial.) (A)K		Dur чAT	Neg.Fut БАC	Pres чА0А0Ip				2 pos.sg (I)и		Dat (K)A	Dat (K)A			2prs.sg CIи	
3.			Form 1 (I)Б	Ass OK			Dur 1 up (for nar- and кил- only)	Neg.Conv Бин	Indir TIp				3 pos (з)I		Acc HI	Dat нА			3prs 0Ip	
4.			Form.Neg Бин				Dur 1 u (for nar- and кил- only)	Neg.Conv.A bl БинАи	Fut Ap				1 pos.pl (I)бIC		Loc TA	Acc H(I)			1prs.pl БIC	
5.							Iter 0Ip		Hab ЧАи				2 pos.pl (I)иAp		Abl ДАи	Loc (и)ТА			2prs.pl САp	
6.									RPast TI						All САp	Abl ДАи			2prs.pl CIи.нAp	
7.									Past KAn						Instr нАи	All (и)САp			Short endings 1prs.sg м	
8.									Cunc КАлAK						Prol ЧА	Instr нАи			2prs.sg и	
9.									Conv 1 (I)Б						Delib ДАиAp	Prol (и)ЧА			2prs.pl (I)иAp	
10.									Conv 1 АбAC dial.						Comp ТАГ	Delib ДАиAp			Others 3prs.pl ЛAp	
11.									Conv 2 А						Temp (I)и	Comp (и)ДАГ			Imp. 1prs.sg ум	
12.									Lim КАли							Temp (I)и			Imp. 3prs.sg Cи	
13.									Cond СА										Imp. 1prs.dua лАи	
14.									Opt КАи										Imp. 1prs.pl и.бIC	
15.									Assum КА0АК										Imp. 1prs.pl. Incl АиAp	
16.																			Imp. 2prs.pl (I)иAp	
17.																			Imp. 3prs.pl Cи.нAp	
18.																			Prec. 1prs.sg ум.0AK	
19.																			Prec. 2prs.sg ТАК	
20.																			Prec. 3prs.sg Cи.0AK	
21.																			Prec. 1prs.du al Аи.0AK	
22.																			Prec. 1prs.pl и.бIC.mAK	
23.																			Prec. 1prs.pl. Incl АиAp.0AK	
24.																			Prec. 2prs.pl (I)иAp.0AK	
25.																			Prec. 3prs.pl Cи.иAp.0AK	

Form. Neg — отрицательная форма формообразующего аффикса;

Ptcl — частица (пишущаяся слитно со словоформой, а также вставная);

Emph — эмфатическая частица (*и, же, ведь...*);

Delim — делимитативная (ограничительная) частица (*только, лишь...*);

Ass — ассертивная (утвердительная) частица (*также, тоже ...*);

Perf — перфектив (завершенность действия);

Prosp — проспектив (состояние, предшествующее действию), исключительно сагайский диалект;

Dur — дуратив (длительность действия);

Iter — итератив (периодичность действия);

Neg — отрицание;

Neg. Fut — отрицательная форма буд. вр.;

Neg. Conv (1, 2, 3) — отрицательная форма деепричастия;

Neg. Conv. Abl — деепричастие мгновенного следования (формально аблатив отрицательного деепр.);

Tense, Mood — время, наклонение;

Pres — настоящее время;

Indir — индиректив, косвенная эвиденциальность (очевидность либо заглазность) действия;

Fut — будущее время;

Hab — хабитуалис (привычное действие в настоящем и прошедшем времени);

Past — прошедшее время;

RPast — недавно прошедшее время;

Cunc — кункатив, еще не совершившееся действие;

Conv (1, 2, 3) — деепричастие;

Lim — деепричастие предела в прошлом;

Cond — условное наклонение;

Assum — ассумптив, предположительное наклонение, вводится оборотом «похоже, что ...»;

Imp — императив (повелительное наклонение);

Opt — оптатив (желательное наклонение);

Pres — прекатив (просительное наклонение);

Irr/Evid — «ирреалис/эвиденциалис», сослагательно-эвиденциальное наклонение;

Comit — комитатив, показатель совместности («с ...», «вместе с ...»);

Num (Sg, Pl, Dual) — число (ед., мн., двойств.);

Poss, pos — принадлежность;

Apos — показатель посессивного имени;

Case — падеж;

Simple declension — набор падежных аффиксов простого склонения;

Possessive declension — набор падежных аффиксов притяжательного склонения (после показателя принадлежности).

Падежи

Nom — номинатив, или нулевой падеж, отсутствует в таблице, т. к. не имеет поверхностного выражения;

Gen — генетив (родительный);

Dat — датив;

Acc — аккузатив (винительный);

Loc — локатив (местный);

Ail — аблатив (исходный);

All — аллатив (направительный);

Instr — инструментальный (творительный);

Prol — пролатив (продольный);

Delib — делибератив (выраж. объект речи или мысли, также причинно-следственные отношения);

Comp — компаратив (сравнительный);

Temp — темпоральный (падеж временного обстоятельства);

Attr — атрибутивный показатель;

Adv — адвербиальный показатель;

Person, prs — лицо.

Attr и Adv — показатели, которые функционируют обычно как словообразовательные, прибавляясь к чистой основе; тогда соответствующая единица попадает в словарь, и эти аффиксы не учитываются при морфологическом анализе. Но оба они могут свободно присоединяться к концу длинной словоформы, содержащей уже словоизменительные аффиксы, при помещении ее в определенные синтаксические условия; тогда их нет в составе словарной словоформы. В этом случае парсер подвергает эти аффиксы анализу.

Кумулятивно выраженные граммы разделяются точками.

Выделены специальные морфемы на месте фонем, чередующихся в зависимости от фонетических позиций. Аффиксы в таблице записаны с помощью морфем, что позволяет не выписывать в каждом случае весь набор алломорфов того или иного аффикса:

Согласные морфемы	Гласные морфемы
Б: <i>б/н/м</i>	А: <i>е, а</i>
К: <i>э/з/х/к</i>	І: <i>і, ы</i>
Г: <i>э/з/0</i>	О: <i>о, ө</i>
Т: <i>т/д</i>	
Д: <i>т/д/н</i>	
С: <i>с/з</i>	
Л: <i>л/н/т</i>	
Н: <i>н/т</i>	
Ч: <i>ч/ч</i>	

Гласный в скобках проясняется, если предыдущий морф кончается на согласный, и опускается, если предыдущий морф кончается на гласный.

Как видно из вышеизложенного, структура хакасской словоформы достаточно сложна. Количество глагольных слотов внутри этой структуры фактически утроено: глагольные формы образуются путем циклического склеивания аналитических последовательностей смыслового и вспомогательных глаголов.

1.3. Правила

1.3.1. Ограничения на сочетаемость аффиксов

1. Позиции 1–9 могут заполняться только у слов с пометой *Verbum*.

2. Заполнение позиций 10–15 может происходить либо сразу после позиции 0 (если слово имеет помету *Nomen*), либо непосредственно после заполненной позиции 8 (если слово имеет помету *Verbum*); но не в случае, если позиция 8 заполнена аффиксами *Pres чАдІр, чАдАдІр* и *Indir ТІр*.

3. Показатели позиции 2 (*Form1*) и показатель *Perf* в пределах одной словоформы встречаются только в случае заполнения позиции 2 кумулятивным показателем *Form.Neg*.

4. Показатели позиции 2 (*Form1*) и показатели *Fut, Past, RPast, Cond* непосредственно рядом не встречаются.

5. Показатель позиции 4 *Prosp* встречается только перед формами на *-ча (Dur, Pres)*.

6. Непосредственно после показателей позиции 5 *Form2 -а* и *-е* могут следовать только показатели *Iter -дыр* и *dip* соответственно.

7. Если *Form1* заполнен, то *Neg* не заполняется.

8. Показатель *Cond* заполняется только, если позиции 1–6 не заполнены.

9. Показатель *Opt* заполняется только, если позиции 1–6 не заполнены.

10. Показатель *Assum* заполняется только, если позиции 1–6 не заполнены.

11. Показатель *Cunc* заполняется только, если позиции 1–6 незаполнены.

12. Показатели *Dur* и *Dur 1* заполняются только, если заполнена хотя бы одна из позиций 2, 4, 5 (т. е. *Form (2 или 5)* или *Perf (4)*).

13. Вариант *Dur чат* выбирается только непосредственно перед *Indir тыр, Past хан* и *Нав чаң*, вариант *ча* — в прочих случаях.

14. *Irr/Evid чых* может заполняться либо если позиции 1–6, 8 все вместе незаполнены, либо если позиция 8 заполнена.

15. Показатели *Perf* и показатели *Cunc* в пределах одной словоформы не встречаются.

16. Показатели *Dur* и показатели *Pres* в пределах одной словоформы не встречаются.

17. Аффиксы посессивного склонения выбираются только в случае заполнения позиции 12 (*Poss*) или 13 (*Apos*).

18. Показатели позиции 17 (*Person*) с пометами *Imp* и *Pres* могут быть только у слов, имеющих помету *Verbum*; они следуют непосредственно после заполнителя позиции с номером ≤ 7 .

19. Непосредственно после показателя недавно прошедшего времени (*RPast*) может следовать только лично-числовой показатель (*Pers*) или показатель ирреалиса/эвиденциалиса (*Irr/Evid*).

20. Непосредственно после показателя условного наклонения (*Cond*) может следовать только лично-числовой показатель (*Pers*).

21. Полные лично-числовые показатели (Pers) могут следовать после любых морфем, за исключением показателя недавно прошедшего времени (RPast) и показателя условного наклонения (Cond) непосредственно перед ними; краткие разрешены только при незаполненных позициях с 10 по 16.

22. Личные показатели 3prs. sg -дыр, -дip (позиция 17) могут следовать только непосредственно после показателей Past и Nab.

1.3.2. Фонетические закономерности, релевантные для морфологической разметки

Необходимо отметить, что здесь мы рассматриваем только те фонетические закономерности, которые проявляются орфографически, т. к. морфологический анализатор работает только с письменными текстами.

Основные фонетические закономерности хакасского языка

1.3.2.1. Вокализм

Хакасские гласные различаются по долготы / краткости, по ряду: передний / задний, по подъёму: широкие (нижнего подъёма) / узкие (верхнего подъёма).

1.3.2.1.1. Орфографически долгие гласные отображаются удвоением соответствующих кратких гласных: *a, aa, e, ee, ы, ыы, и, ии, i, ii, o, oo, ö, öö, у, уу, ү, үү*. Всегда являются долгими гласные *o, ö* на конце неодносложного слова, хотя записываются с помощью одной буквы (*пызо* 'теленки', *көзö* 'сучок'), как краткие. Т. о., алломорфы после *o, ö* непервого слога там, где это существенно, выбираются как после долгой; правила о выпадении согласных в интервокале и о стяжении гласных также действуют как после долгой гласной. Так, выпадение согласной после долгой гласной невозможно: *салаа+га > салаага* 'пальцу', *пызо+га > пызога* 'теленку'.

1.3.2.1.2. Широкие гласные: *a, aa, e, ee, o, oo, ö, öö*;

узкие гласные: *ы, ыы, и, ии, i, ii, у, уу, ү, үү*.

1.3.2.1.3. Заднерядные гласные: *a, aa, ы, ыы, o, oo, у, уу*;

Переднерядные гласные: *e, ee, и, ии, i, ii, ö, öö, ү, үү*.

Гласные *и, ии* являются передними, когда находятся в первом слоге (*тис* 'пять', *тиин* 'белка') или в непервом слоге русских неадаптированных заимствований. Гласные *и, ии* непервых слогов являются немаркированными по рядности (нейтральными). Как правило, это результат стяжения на границе двух морфем, одна из которых заканчивается, а другая начинается на гласную нормальной долготы (*таста + арга > тастурга* 'бросать', *узу + ар > узур* 'он будет спать'), или результат стяжения с выпадением интервокальной согласной (*сурыг + ы > сурии* 'его вопрос'). С рядностью гласных связан выбор вариантов аффиксов по огласовке. Общее правило таково: выбирается алломорф аффикса с гласными того ряда, который характеризует первую из предшествующих аффиксу гласных, охарактеризованную по ряду.

1.3.2.2. Консонантизм

Согласные хакасского литературного языка:

Глухие: *п, т, к, х, ч, с, ш, ф, ц, щ*

Звонкие: *б, д, г, з, ж, з, ж*; сонорные: *м, н, ң* (носовые), *л, р* (плавные), *й*

Фонемы *ф, в, ш, ж, щ, ц* не являются исконно хакасскими и встречаются только в заимствованиях, в основном из русского языка.

1.3.2.3. Основные фонетические закономерности хакасского языка

Необходимо отметить, что здесь мы рассматриваем только те фонетические закономерности, которые проявляются орфографически, т. к. морфологический анализатор работает только с письменными текстами.

Правила выбора алломорфов в каждой из возможных в хакасском языке цепочек аффиксов определяются законами сингармонизма, аккомодации и ассимиляции.

1.3.2.3.1. Сингармонизм

Большинство словоизменительных аффиксов имеют заднерядный и переднерядный варианты, которые выбираются в соответствии с рядной характеристикой последней ненейтральной гласной словоизменительной основы.

Аффиксы, содержащие гласную морфонеми А, выбирают алломорф с *a* после заднерядной гласной; с *e* после переднерядной гласной.

Аффиксы, содержащие гласную морфонеми I, выбирают алломорф *ы* после заднерядной гласной; *i* после переднерядной гласной.

Аффиксы, содержащие гласную морфонеми О, выбирают алломорф *o* после заднерядной гласной; *ö* после переднерядной гласной.

Это влияет и на качество согласных в слове (явление аккомодации). Увулярные согласные *x*, *z* употребляются только с гласными заднего ряда, а велярные *k*, *g* — только с переднерядными: *харах-тар-ыбыс-та* ‘в наших глазах’, *кирек-тердеңер* ‘по делам’. Соответственно, для аффикса, содержащего морфонеми Г, при переднерядной основе выбирается вариант с *g*, при заднерядной — с *z*; для аффикса, содержащего морфонеми К, при переднерядной основе выбирается вариант с *k*, при заднерядной — с *x* (в дальнейшем эти варианты могут изменяться под действием поверхностных правил).

1.3.2.3.2. Прогрессивная и регрессивная ассимиляция согласных: *хус* ‘птица’ + *лар* > *хустар*.

Аффиксы, начинающиеся с определенной морфонемы, выбирают начальный алломорф в зависимости от качества конечной морфонемы словоизменительной основы (инвентарь словоизменительных морфем см. в таблице 1). Конечная морфонема словоизменительной основы — это попросту конечная буква словоизменительной основы (т. е. основы, выписанной в ALTERNAT или ALTERNATEN, либо, если эти поля в словарной статье не заполнены, то совпадающей с начальной формой слова).

Аффиксы с начальной морфонемой Б-выбирают алломорф *b* после гласной или звонкой носовой согласной, *n* после глухой, *m* после носовой;

Аффиксы с начальной морфонемой К-выбирают алломорф *g* или *z* после звонкой согласной или гласной, *x* или *k* после глухой согласной.

Аффиксы с начальной морфонемой Т-выбирают алломорф *d* после звонкой согласной или гласной, *t* после глухой согласной.

Аффиксы с начальной морфонемой Д-выбирают алломорф *ð* после звонкой носовой согласной или гласной, *n* после носовой согласной, *m* после глухой согласной.

Аффиксы с начальной морфонемой С-выбирают алломорф *z* после звонкой согласной или гласной, *s* после глухой согласной.

Аффиксы с начальной морфонемой Л-выбирают алломорф *l* после гласной или звонкой носовой согласной, *m* после глухой, *n* после носовой;

Аффиксы с начальной морфонемой Н-выбирают алломорф *n* после звонкой согласной или гласной, *m* после глухой согласной.

Аффиксы с начальной морфонемой Ч-выбирают алломорф *ç* после звонкой согласной или гласной, *ç* после глухой согласной. Подытожить сказанное можно в таблице 2.

Таблица 2

Начальные морфонемы афф. Конечные основы	Б	К	Т	Д	С	Л	Н	Ч	А	І	О
(V _{back})C _v	б	г	д	д	з	л	н	ç	а	ы	о
(V _{back})C _n	м	г	д	н	з	н	н	ç	а	ы	о
(V _{back})C _u	п	х	т	т	с	т	т	ç	а	ы	о
(V _{front})C _v	б	г	д	д	з	л	н	ç	е	і	ө
(V _{front})C _n	м	г	д	н	з	н	н	ç	е	і	ө
(V _{front})C _u	п	к	т	т	с	т	т	ç	е	і	ө
V _{back}	б	г	д	д	з	л	н	ç	а	ы	о
V _{front}	б	г	д	д	з	л	н	ç	е	і	ө

После правил выбора вступают в действие *внутренние сандхи* на границах морфем.

1.3.3. Правила сандхи

1.3.3.1. Морфонологические процессы, проходящие на границах морфем (изменения, возникающие вследствие взаимодействия между морфемами: между основой и аффиксами, между соседними аффиксами)

1.3.3.1.1. Беглые гласные [действует не всегда*].

* Даже если чередование выписано в словаре, то для ряда случаев мы не можем быть уверены, что в тексте корпуса не встретится форма без чередования. Поэтому правила формулируются с примечанием «всегда» или «не всегда», и, соответственно, при анализе следует учитывать разные возможности.

В **двусложных** нечленимых основах узкие гласные (*y, ы, i*) закрытого конечного слога, находящиеся между согл. *p–n, л–n, й–n*, выпадают при присоединении аффиксов принадлежности, начинающихся на *-ы, -i*: *пурун/пурны* ‘нос’, *харын/харны* ‘живот’, *орын/орны* ‘место’, *чарын/чарны* ‘спина’, *мойын/мойны* ‘шея’, *ирин/ирни* ‘губа’, *килин/килни* ‘невестка’, *чилин/чилни* ‘грива’; Для *i, ы* правило действует всегда. Для *y* — факультативно: *хулун* ‘жеребёнок-сосунок’ (*тибе хулуны* ‘верблюжонок’). Вид основы с выпавшей гласной представлен в словарной статье словаря в поле ALTERNATEN.

1.3.3.1.2. Выбор варианта основы *y* основ, оканчивающихся на *-ст, -ц*. У именных основ, имеющих варианты, оканчивающиеся на *-ст* и *-с, -ц* и *-с* (последнее встречается только в заимствованиях), вариант на *-с* (представлен в словарной статье словаря в поле ALTERNATEN) выбирается при следующем аффиксе, начинающемся на гласную, вариант на *-ст* — в абсолютном конце или при следующем аффиксе, начинающемся на согласную: *артист* — *артизи, артисттер, полководец* — *полководези, полководеците*.

Иначе ведут себя глагольные основы на *ст-/с-* (таких в словаре встретилось две: *истерге* ‘слушать’ и *систерге* ‘развязывать’). Вариант со *ст-* выступает перед аффиксом на гласную, вариант с *с-* — в абсолютном конце или при следующем аффиксе, начинающемся на согласную: *ист-* ‘слушать’ — *ис!* ‘слушай!’, *иснес* ‘непослушный’, *истеечи* ‘послушный’; *сист-* ‘развязывать’ — *сисне* ‘не развязывай’, *систип* ‘развязав’. В БХРС основы представлены непоследовательно: для *истерге* выписан в качестве словоизменительной основы вариант *ис-*, для *систерге* — вариант *сист-* (в словарной базе — в поле ALTERNAT).

1.3.3.1.3. Выпадение конечной губной *-n* **односложной** глагольной основы при прибавлении афф. деепр. *-ын* [всегда]: *тап* ‘находить’ + *-ын* > *таап* ‘найдя’, *сап* ‘ударять’ + *-ын* > *саап* ‘ударяя’, *теп* ‘толкать’ + *-ин* > *тееп* ‘толкая’. Вид основы с *n-* представлен в словарной статье словаря в поле ALTERNAT, форма деепричастия со стяжением — в поле FORM.

1.3.3.1.4. В глаголе поглощение первой гласной аффикса императива предыдущей любой гласной основы (другими словами: выпадение любой последней гласной основы при присоединении личных афф. императива на *-и* (*-им, -ибыс, -ибис, -имдах, -имдек, -ибыстах, -ибистек*) [всегда]: *ырла-* ‘петь’ + *-им* > *ырлим* ‘пусть я спою’; *сине-* ‘мерить’ + *-им* > *синим* ‘пусть я измерю’; *ырла-* + *-ибыс* > *ырлибыс* ‘споём’; *сине-* + *-ибис* > *синибис* ‘измерим’.

1.3.3.1.5. В глаголах правила слияния с фонетическими преобразованиями для афф. буд. вр. *-ар*, афф. деепричастий *-а* и *-абас* и аффикса формообразования *-а*.

Афф. *-ар/-ер, -а/-е, -абас/-ебес* не имеют вариантов, начинающихся на согласную. При присоединении афф. *-ар/-ер, -а/-е, -абас/-ебес* к основе на гласную происходит стяжение двух кратких гласных в нейтральную *и* без долготы: *узир* ‘он будет спать’ < *узу-й-ар, санибас* ‘считая’ < *сана-й-абас, сөлибес* ‘говоря’ < *сөле-й-ебес, сани* ‘считая’ < *сана-й-а, төзи* ‘расстилая’ < *төзе-й-е* (*-й* — исторический).

1.3.3.1.6. Выпадение конечного сонанта из афф. прошедшего времени *-ган/-хан/-ген/-кен* и будущего времени *-ар/-ер*.

Перед афф. 1 и 2 л. ед. и мн. ч. *-м, -быс/-бис, -зың/-зиң, -зар/-зер* — *-ган* и его алломорфы теряют конечную *-н*: *тоң-ган-м* > *тоң-а-м* ‘(я) мёрз’, *тоң-ган-зың* > *тоң-а-зың* ‘(ты) мёрз’; *сырла-ган-м* > *сырла-а-м* ‘(я) красил’, *сырла-ган-зар* > *сырла-а-зар* ‘(вы) красили’; *пил-ген-зиң* > *пил-ге-зиң* ‘(ты) знал’, *пил-ген-бис* > *пил-ге-бис* ‘(мы) знали’, *пас-хан-зар* > *пас-ха-зар* ‘(вы) писали’ (ГХЯ 211);

Перед афф. 1 л. ед. ч. *-м* из афф. буд. вр. *-ар/-ер* выпадает конечная *-р*: *пар-ир-м* > *пар-и-м* ‘(я) иду/пойду’, *ада-ар-м* > *ади-м* ‘(я) буду называть’, *сом-ар-м* > *сом-а-м* ‘(я) буду купаться’.

1.3.3.1.7. Выпадение сонанта *ң* из личного афф. 2 рI в интервокальной позиции и последующее стяжение двух обрамлявших его гласных в одну, но краткую гласную [не всегда]: условное накл. + 2 л.: *пас-са-ңар* > *пас-сар* ‘если будем писать’, *пас-па-за-ңар* > *пас-па-зар* ‘если не будем писать’ (ГХЯ 192).

1.3.3.1.8. Выпадение конечной краткой гласной основы или аффикса перед аффиксом *-ох, -өк* (производным от одноименной усилительной частицы) [всегда]: любая краткая гласная, будь то гласная основы или аффикса, предшествующая аффиксу *-ох, -өк*, выпадает: *андох* ‘там же’ < *анды* ‘там’ + *ох* ‘же’. С долгой гласной этого не происходит: *магаа* (Dat от *мин*) + *ох* > *магааох*.

1.3.3.2. Фонетические процессы, происходящие в словоформе (поверхностные правила интервокального озвончения, выпадения и стяжения)

1.3.3.2.1. Выпадение согласной в интервокальной позиции и стяжение двух обрамлявших ее гласных в одну долгую [не всегда]. Выпадение согласной происходит в позиции только после краткой гласной перед другой гласной. Невозможно выпадение согласной после долгой гласной. Выпадать могут (по данным грамматики): *г, з, х, к, ң, п, Ғ, г* выпадают почти регулярно; может быть, те случаи, когда они не выпадают, следует расценивать как неправильно выписанную в словаре основу, которая, вероятно, оканчивается на *х, к*; но это предмет будущего исследования.

1.3.3.2.1.1. Выпадение звонкой заднеязычной (*г, з*)* в интервокальной позиции и стяжение двух обрамлявших ее гласных в одну долгую [не всегда].

Ср.: **Многосложная** основа [выпадает всегда]: *сурьг* ‘вопрос’ + *-ы* > *сурии* ‘его вопрос’, *марьг* ‘парь’ + *-ы* > *мари* ‘его парь’, *абылаг* ‘нападение’ + *-ы* > *абылаа* ‘его нападение’, *чөгиг* ‘зной’ + *-i* > *чөгии* (*күн чөгии* ‘дневной зной’), *чөлег* ‘опора’ + *-им* > *чөлеем* ‘моя опора’, *сүрдег* ‘тревога’ + *-i* > *сүрдее* ‘его тревога’;

односложная основа [выпадает не всегда]: *суг* ‘вода’ + *-ы* > *суу* (*саңыс суу* ‘сок калины’), *пуг* ‘каприз, прихоть’ + *-ы* > *пуу* ‘его прихоть’, *таг* ‘гора’ + *-ы* > *таа* ‘его гора’, *саг* ‘сила’ + *-ы* > *саа* ‘его сила’, *паг* ‘веревка’ + *-ы* > *паа* ‘его веревка’, *көг* ‘песня’ + *-i* > *көд* ‘его песня’, *сиг*

* *г, з* может принадлежать основе, аффиксу датива (*-га, -ге*), афф. прич. прош. вр. *-ган, -ген*, афф. желательного накл. *-гай, -гей*, прич. *-галах, -гелек* и т. п.

‘черта’ + *-i* > *сии* ‘его черта’; но *хан-ниг* ‘правитель’ + *-i* > *хан-ниги* ‘его правитель’, *аг* ‘сеть’ + *-ы* > *палых агы* ‘рыболовная сеть’, *сог* ‘жар’ + *-ы* > *согы* (*көс согы* ‘жар углей’), *чүг* ‘перо’ + *-i* > *чүги* ‘его перо’.

С дативом: *уйгу* ‘сон’ + *-га* > *уйгаа* ‘сну’, *тура* ‘дом’ + *-га* > *тураа* ‘дому’, *кизи* ‘человек’ + *-ге* > *кизее* ‘человеку’, *түлгү* ‘лиса’ + *-ге* > *түлгее* ‘лисе’.

После долгих гласных выпадения и стяжения не происходит:

салаа ‘палец’ + *-га* > *салаага* ‘пальцу’, *көзө* ‘сучок’ + *-ге* > *көзөге* ‘сучку’, *нызо* ‘теленок’ > *нызога* ‘теленку’ (NB: морфонологически долгими являются гласные *о, ө* на конце неодносложного слова, хотя записываются с помощью одной буквы (*нызо* ‘теленок’, *көзө* ‘сучок’), как краткие).

1.3.3.2.1.2. Выпадение конечных заднеязычных глухих в основах на *-х, -к*. Это происходит в **многосложных (!)** основах в интервокальной позиции и сопровождается последующим стяжением двух обрамлявших его гласных в одну долгую (см. правило 2.2) [не всегда]. Многосложная основа на *-х, -к* + *-ы, -i* либо теряет указанную конечную согласную и образуется долгая *аа, ее, ии* (*ии* — если гласная основы была узкой *ы, и, i, у, ү*), либо указанная конечная согласная озвончается в *г, з* и сохраняется: *харах* ‘глаз’ + *-ым* > *хараам / харагым* ‘мой глаз’, *хузух* ‘орех’ + *-ым* > *хузиим / хузугым* ‘мой орех’, *изик* ‘дверь’ + *ым* > *изиим / изигим* ‘моя дверь’, *пөрик* ‘шапка’ + *-им* > *пөриим / пөригим* ‘моя шапка’. Формально это те случаи, когда в словаре в поле ALTERNATEN выписана альтернативная запись основы, оканчивающаяся на *-г* или *-з*, а в поле FORM — словоформа на *-ии*.

Из **односложных** основ на *-х, -к* согласные не выпадают, но озвончаются [всегда] (см. правило 2.3):

хах ‘душло’ + *-ы* > *хагы* (*тыт хагы* ‘душло лиственницы’), *чүк* ‘котомка’ + *-i* > *чүги* ‘его котомка’, *чух* ‘смола’ + *-ы* > *чугы* (*харагай чугы* ‘сосновая смола’), *түк* ‘овечья шерсть’ + *-i* > *түги* (*хой түги* ‘овечья шерсть’).

1.3.3.2.1.3. Выпадение сонанта *ң* в интервокальной позиции и последующее стяжение

двух обрамлявших его гласных в одну долгую [не всегда]. В многосложных основах эта согласная должна выпадать, в односложных — может выпадать. Ср.:

Многосложные основы: *чiлiң* ‘мозг’ + *-i* > *чiлии* ‘его мозг’ (один пример).

Односложные основы: *öң* ‘цвет’ + *-i* > *öö* (для односложных: *суг öö чох* ‘вода бесцветна’), вариант *öңи* ‘его цвет’, *маң* ‘досуг’ + *-ы* > *маа* ‘его досуг’, *тоң* ‘замерзатъ’ + *-ып* > *тооп* ‘замерзая’, *тоң* + *-ар* > *тоор* ‘замерзнет (буд.)’;

ага > аа ыга > аа угы > ии огы > оо еге > ее иг ¹ > ии öге > öö үге > ее
агы > аа ыгы > ии угы > уу ога > оо еги > ее иги > ии öги* > öö үги > ии
агу* > аа ыгу* > ыы* уга > аа огу > оо еги > ее иге > ее öги > öö үги > ии
аго* > аа ыго* > оо угу* > уу ого > оо егö* > ее игö* > öö öгö > öö үгö* > öö
уго* > оо егү* > ее игү* > ии öгү* > öö үгү* > үү

Однако *уга* > *уу*: если *у* принадлежит 1-му слогу основы, она не поглощается широкой гласной (*чуг* ‘мыть’ + *-арга* афф. инфинитива > *чуурга*); *угы* > *уу*: то же о 1-м слоге основы — *суг* + *-ы* > *суу* ‘его вода’

1.3.3.2.3. Озвончение глухой согласной в интервокальной позиции [действует всегда (кроме отмеченных в словаре случаев, как правило, это заимствования)]

Если морфема заканчивается на сочетание «гласная + глухая согласная» (*п, ф, т, ш, с, к, х*), то при прибавлении аффикса на гласную согласная в интервокальной позиции озвончается и переходит в парную звонкую (*б, в, д, ж, з, г, е*). Примеры: *ат* ‘лошадь’ / *ады* ‘его лошадь’, *пас* ‘голова’ / *пазым* ‘моя голова’, *алып* ‘богатырь’ / *алыбы* ‘его богатырь’, *рудник* / *рудниги* (чис *рудниги* ‘медный рудник’), *түк* ‘шерсть’ / *түги* (*адай түги* ‘собачья шерсть’), *харах* ‘глаз’ / *харагы* ‘его глаз’, *хах* ‘дупло’ / *хагы* (*тыт хагы* ‘дупло листовницы’), *чүк* ‘котомка’ / *чүги* ‘его котомка’, *икіс* ‘двойня’ / *икізі* ‘его двойня’.

1.3.3.2.4. Сочетание заднеязычных согласных основы и аффикса.

но: *аң* ‘зверь’ + *-ы* > *аңы* ‘его зверь’. Формы с выпадением выписаны в поле FORM.

Для основ на *-үң* (*үрдүң* ‘наковальня’, *өрүң* ‘обух’) в словаре ничего не сказано про выпадение, приведен один пример: *сапхы үрдүңи* ‘наковальня для отбивания литовки’.

1.3.3.2.2. Правила стяжения гласных при выпадении интервокальной согласной: узкая гласная независимо от позиции (первой она идет или второй) поглощается широкой. Узкие гласные: *ы, и, і, у, ү*; широкие гласные: *а, е, о, ö*.

При стечении последней согласной основы на *-г, -з, -ң* и любого аффикса на *-г, -з, -ң* первая согласная аффикса выпадает: *суг* + *-га* > *суг-а* ‘воде’, *көг* + *-ге* > *көг-е* ‘песне’.

2. Пример автоматической разметки текста хакасского эпоса

Героический эпос Ай-Хуучин был записан В. Е. Майногашевой в сентябре 1964 г. от сказителя П. В. Курбижекова в селе Устинкино, Хакасия (кызыльский диалект хакасского языка); издан в 1997 [11]. Ниже приведен его фрагмент (с параллельным русским переводом), обработанный описанной программой. Формы, которые парсер не смог проанализировать, маркированы серым. Комментарии программы отмечены одной звездочкой (*), наши комментарии отмечены двумя звездочками (**). Этот пример иллюстрирует возможности автоматического анализа. Формы, оставшиеся непроанализированными, являются диалектными.

¹ Сверхкратная гласная *і* не имеет долгой пары.

Ай-Хуучин

<p>чир <i>н</i> чир 'земля' ----- <u>пастап</u> <i>ν</i> пастирга 'приступать' паста-----Conv1----- <u>пүткен</u> <i>ν</i> пүдереге 'возникать' пүт-----Past----- <u>соонда</u> <i>н</i> соонда 'после'----- <u>чис</u> <i>н</i> чис 'медь'----- <u>пағырлар</u> <i>н</i> пағыр 'красная медь'-----Pl----- <u>табыл</u> <i>ν</i> табыларга 'страд. к тап- находить' табыл--Form----- <u>турған</u> <i>ν</i> турарга 'стоять' тур-----Past----- <u>тус</u> <i>н</i> тус 'время' ----- <u>полған</u> <i>ν</i> поларга 'быть' пол-----Past----- <u>азырлап</u> <i>ν</i> азырарга 'разделять' азыр---Delim---Conv1----- *Stem азырла- not in dictionary was trying: азырла-----Conv1----- **(в словаре основ имеется только форма Refl этого глагола, азырлан- 'разветвляться') <u>аххан</u> <i>ν</i> агарга 'течь' ах-----Past----- <u>суғлары</u> <i>н</i> суғ 'вода' -----Pl-3pos----- <u>атығыш</u> <i>ν</i> атыгарга 'устремляться, хлынуть' атых-----Conv1----- <u>киліп</u> <i>ν</i> килерге 'приходить' кил-----Conv1----- <u>аххлапчададыр</u> <i>ν</i> агарга 'течь' ах -Distr-Form----Pres1-----</p>	<p>После того как впервые земля сотворилась, Было время, когда нахо- дили куски красной меди, [А] быстрые реки, рука- вами разлившись, [По камням] попрыгивая, текли. After the Earth was for the first time created There was a time when pieces of red copper were found, [And] fluid rivers, divided in streams, Jumping [on the rocks] were flowing.</p>
<p><u>ах</u> <i>н</i> ах 'белый' ----- <u>тиректің</u> <i>н</i> тирек 'тополь'-----Gen---- <u>салаалары</u> <i>н</i> салаа 'ветка'-----Pl-3pos----- <u>узуннаан</u> <i>ν</i> узуннирга 'удлиняться' узунна-----Past----- <u>син</u> <i>н</i> син 'рост' ----- <u>өслеп</u> <i>ν</i> өзереге 'расти' өс---Delim---Conv1----- <u>парған</u> <i>ν</i> парарга 'идти' пар-----Past----- <u>син</u> <i>н</i> син 'пора' ----- <u>полған</u> <i>ν</i> поларга 'быть' пол-----Past----- <u>атығыш</u> <i>ν</i> атыгарга '1)' атых-----Conv1----- <u>киліп</u> <i>ν</i> килерге 'приходить' кил-----Conv1----- <u>ханым</u> <i>н</i> ханым 'величественный' ----- <i>н</i> хан 'хан' -----1pos.sg----- <u>талай</u> <i>н</i> талай 'море' ----- <u>абыдылып</u> <i>ν</i> абыдыларга 'качаться' абыдыл-----Conv1----- <u>киліп</u> <i>ν</i> килерге 'приходить' кил -----Conv1----- <u>ахчададыр</u> <i>ν</i> агарга 'течь' ах -----Pres1-----</p>	<p>Это было тогда, когда ветви белого тополя Длиннющими выросли, [А великая река] Ханым- талай текла, То прыгая, то покачиваясь*. It was a time when branches of the white poplar Grew most long [And the great river] Khanym-talay flew Jumping and rocking</p>
<p><u>ханым</u> <i>н</i> ханым 'величественный' ----- <u>талайдың</u> *Stem талайдың not in dictionary was trying талайдың ----- **Эта форма — генетив из кызыльского диалекта, лите- ратурная хакасская форма — талайның. См. Боргоя- ков 1976, 39 (-ның/-дың после звонких не-носовых) <i>н</i> хаста 'кыз. берег' -----Loc----- **Снова кызыльская форма, помеченная в словаре <u>халых</u> <i>н</i> халых 'народ' ----- <u>чон</u> <i>н</i> чон 'народ' ----- <u>чуртапчададыр</u> <i>ν</i> чуртирга 'жить' чурта--Form----Pres1-----</p>	<p>На берегу [великой реки] Ханым-талай Люд-народ живет. On the shore of [the great river] Khanym-talay the Folk live</p>

<p><u>сіліг</u> <i>н</i> сіліг ‘красивый’ ----- <u>аалның</u> <i>н</i> аал ‘село’ -----Gen---- <u>алынды</u> <i>н</i> алынды ‘спереди’ ----- <u>сыннан</u> <i>н</i> сын ‘хребет’ -----Ail---- <u>пöзік</u> <i>н</i> пöзік ‘высокий’----- <u>ханым</u> <i>н</i> ханым ‘величественный’ ----- <u>сын</u> <i>н</i> сын ‘хребет’ ----- <u>ағып</u> <i>у</i> ағарға ‘течь’ ах -----Conv1----- <u>түскен</u> <i>у</i> түзерге ‘падать’ түс -----Past----- <u>ханым</u> <i>н</i> ханым ‘величественный’ ----- <u>талайға</u> <i>н</i> талай ‘море’ -----Dat---- <u>азырлап</u> <i>у</i> азырарға ‘разделять’ азыр---Delim---Conv1----- *Stem азырла- not in dictionary was trying: азырла -----Conv1----- ** (в словаре основ имеется только форма Refl этого глагола, азырлан- ‘разветвляться’) <u>парып</u> <i>у</i> парарға ‘идти’ пар-----Conv1----- <u>чеч</u> <i>н</i> чеч ‘кыз. волосы’ ----- **На самом деле это форма кызыльского диалекта, соответ- ствующая лит. как. сас- ‘втыкаться’ и не отмеченная в словаре <u>парған</u> <i>у</i> парарға ‘идти’ пар -----Past-----</p>	<p>С передней стороны красивого <i>аала</i>* Ханым-сын, высочайший из хребтов, [стоит,] В быстрюю [великую реку] Ханым-талай Он, раздвоившись, уткнулся.</p> <p>In front of a beautiful <i>aal</i>* The Khanym-Syn, the high- est of all ridges, [stands] Into the fast [great river] Khanym-talaj He presses, while forked.</p>
---	--

3. Модель словоформы и правила автоматического анализа древнетюркского языка

Таблица построена аналогично хакасской. NB, что для древнетюркского последовательность слотов именных категорий дублирована. Это сделано из-за многих явлений: двойных падежей, возможности изменения по падежам атрибутивизованных падежных форм, возможности изменения по падежам комитатива и делибератива и нек. др. Примеры: *mäniñlär ol* ‘они мой’, *mäniñsiz* ‘состояние «не-я» (букв. «без моего)», *žiniñčä* ‘как его собственный’, *biziñtäkičä* ‘как в одном из наших’, *barmiš-lar-niñ-ï-nda* ‘от одного из тех, кто шел’, *kutinliñ* ‘принадлежащий к его богатству’ [12].

Морфы в строке морфов и граммы в строке грамм разделяются дефисами.

Кумулятивно выраженные граммы разделяются точками, субморфы внутри морфа (аффикса, занимающего слот) также разделяются точками.

Части композита разделяются знаком +.

Условные обозначения

S — основа

1. «Глагольные» слоты

Neg — отрицание

Tense, Mood — время, наклонение

Sequ — секвентатив, действие, предшествующее главному

Praes — презенс

Fut — будущее время (в чем семант. разница первого и второго будущего, неясно, возможно, они распределены по диалектам)

Indir — индиректив, прошедшее время (перфект) с косвенной эвиденциальностью (заглазностью; может также выражать мипротив и еще многое)

Perf — перфект (действие в прошлом, рез-т которого имеется в настоящем), как будто не маркированный по эвиденциальности

Res — результатив (перфект, маркированный по прямой эвиденциальности — это либо действие, свидетелем которого был говорящий, либо действие, имеющее результат, наблюдаемый в настоящем)

Praet — претерит (немаркированное прошедшее)

FutIm — непосредственное будущее

Inf — инфинитив

PrtImpf — имперфективное причастие

PrtAct — активное причастие

PrtHab — хабитуальное причастие

PrtAuct — агентивное причастие

Таблица 4
 Модель древнетюркской словоформы и набор древнетюркских словоизменятельных аффиксов (основана на Erdal 2004 i ntrcnfl ip VATEC)

Nö	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Nö п/п	S	Neg	Tense/Mood	Num ₁	Poss ₁	Coord _{d1}	Case ₁	Atr ₁	Modif. ₁	Num ₂	Poss ₂	Coord ₂	Case ₂	Atr ₂	Modif. ₂	Person
							Simple declension	Possessive declension					Simple declension	Possessive declension		
1.	Neg -mA	Neg.Indir -mA.dUk		Pl -lAr	Poss1.sg - (X)m	Coord d -ll	Gen - (n)Xy Gen -nXy Gen -nXg Gen -nUy	Atr - kl	Rel - lXg	Pl -lAr	Poss1.sg - (X)m	Coord -ll	Gen -(n)Xy Gen -nXy Gen -nXg Gen -nUy	Atr - kl	Rel - lXg	1.sg -mA 1.sg -bAn
2.		Neg.Sequ - mAIn			Poss2.sg - (X)ŋ Poss2.sg - (X)g		Acc -(X)g Acc -nI Acc -In	Delib - sXz					Acc -nI Acc -In		Delib - sXz	2.sg -sAn
3.		Neg.Praes - mAz Neg.Praes - mAs			Poss3 - (s)I(n-)		Dat -kA Dat -gA Dat -A	Comp - dAg					Dat -kA Dat -gA Dat -A		Comp - dAg	1.pl -bXz 1.pl -mXz
4.		Neg.Fut ₂ - mAçl			Poss1.pl - (X)mXz Poss1.pl - (U)mUz		Loc -tA Loc -dA	Dimin - kyA Dimin - klñA					Loc -tA Loc -dA		Dimin - kyA Dimin - klñA	2.pl -sXz 2.pl.Pol -sXz.lAr
5.		Indir -mİš			Poss2pl - (X)ŋXz Poss2pl - (X)gXz		Abl -dIn Abl -tIn Abl -dAn Abl -tAn						Abl -dIn Abl -tIn Abl -dAn Abl -tAn			3.Pl -lAr
6.		Sequ -(X)p Sequ - (X)p.An			Poss2.pl.Pol -(X)ŋXz.lAr Poss2.pl.Pol -(X)gXz.lAr		Instr -(X)n						Instr -(X)n			Imp.1.Sg -(A)yIn
7.		Perf -dUk Perf -tUk					Equ -çA						Equ -çA			Imp.2.Sg -0 Imp.2.Sg.Emp h ₁ -gIl Imp.2.Sg.Emp h ₂ -çU
8.		Res -yUk					Dir -gArU Dir -ArU						Dir -gArU Dir -ArU			Imp.3 -zUn Imp.3 -sUn Imp.3 -çUn
9.		[Praet -d Praet -t]					Part -rA						Part -rA			Imp.1.Pl - (A)Ilm

PrtProsp — проспективное причастие
 PrtProj — проективное причастие
 PrtNecess — причастие необходимого следствия
 Conv — деспричастие (семантическая разница 1 и 2 неясна, 2 употр. гораздо реже)
 ConvFin — деспричастие цели
 ConvDelim — деспричастие ограниченного действия
 Cond — кондиционалис, условное наклонение
 Imp — императив, повелительное наклонение

2. «Именные» слоты
 Num — число. NI: Sg, единственное число отдельно не маркируется, бывает только кумулятивно с лицом или принадлежностью.
 Pl — множественное число
 Poss — посессивность, принадлежность
 Poss1 — 1 лицо посессора
 Poss2 — 2 лицо посессора
 Poss3 — 3 лицо посессора
 Apos — апозитив
 Coord — координатив (при перечислении однородных членов предложения)
 Simple declension — набор падежных аффиксов простого склонения
 Possessive declension — набор падежных аффиксов притяжательного склонения (после показателя принадлежности)

Список падежей
 Nom — основной падеж, не маркируется
 Gen — генетив (родительный)
 Dat — датив
 Acc — аккузатив (винительный)
 Loc — локатив (местный)
 Abl — аблатив (исходный)
 Instr — творительный
 Equ — экватив
 Dir — директив
 Part — директив-партитив
 Simil — симилятив
 Comit — комитатив
 Atr — атрибутивизатор
 Модификаторы
 Rel — модиф. относительности
 Delib — делибератив
 Comp — компаратив

Dimin — диминутив
 Финитный слот
 Pers — лицо у предиката главной предикации

1, 2, 3 — лица

Emph — эмфатическая частица

3.1. Ограничения на сочетаемость аффиксов

1. Слоты (позиции) 1–2 могут заполняться только у слов с пометой Verbum; заполнение слотов 3–15 возможно для таких слов только если заполнен слот 2.

2. Кумулятивные показатели Imp.Pers и Praet.Pers. состоят из заполнения слота 2 + заполнения слота 15; поэтому могут стоять только непосредственно за заполнением слотов 0 или 1 и только у слов с пометой Verbum.

3. Аффиксы посессивного склонения употребляются только в словоформах с заполненными слотами 4 (Poss1) или 10 (Poss2)

3.2. Правила выбора алломорфов

Гласный в скобках: проясняется, если предыдущий морф кончается на согласный, опускается, если предыдущий морф кончается на гласный.

Согласный в скобках: проясняется, если предыдущий морф кончается на гласный, опускается, если предыдущий морф кончается на согласный.

У посесс. афф. 3 л n- выступает обязательно перед гласной и факультативно перед согласной и # (пауза, диэрема).

Если встречаются две скобки:

-sI(n)-(n)Xŋ >-sIn-Xŋ

sI(n)-(X)n >-sI-n

Т. е. прояснение или опущение буквы в скобках отсчитывается слева направо.

Если внутри одной клетки стоят несколько аффиксов, то это варианты аффиксов с невыясненными позициями появления, т.е. считающиеся свободными вариантами.

3.3. Правила сандхи

3.3.1. Морфонологические процессы, проходящие на границах морфем

3.3.1.1. Сингармонизм

Гласные морфемы:

X = i, ī, ü, ü

I = i, ī

U = ü, u

A = ä, a

3.3.1.2. Беглые гласные

В **двусложных** нечленимых основах со вторым узким гласным, отмеченных в словаре как чередующиеся, выбирается редуцированный вид основы при присоединении аффиксов, начинающихся на гласный.

3.3.2. Фонетические процессы, происходящие в словоформе

-n + ga = -җа

-җ + ga = -җа

ЛИТЕРАТУРА

1. Ляшевская, О. Н., Плунгян, В. А., Сичинава, Д. В. О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. — М., 2005. — С. 111–135.
2. Vorislamische Alttürkische Texte: Elektronisches Corpus. vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de.
3. Дыбо, А. В., Мудрак, О. А. Об историческом принципе при составлении фонетической анкеты для полевого обследования диалекта // III Международная конференция по полевой лингвистике. Тезисы и материалы. — М., 2009.
4. Introduction to descriptive linguistics. New York, 1955: Holt, Rinehart and Winston.
5. Ревзин, И. И., Юлдашева, Г. Д. Грамматика порядков и ее использование // Вопросы языкознания. № 1. — С. 42–56.
6. Володин, А. П., Храковский, В. С. Типология морфологических классификаций глагола (на материале агглютинативных языков) // Типология грамматических категорий: Мешаниновские чтения. — М., 1975.
7. Мальцева, В. С. Структура глагольной словоформы в сагайском диалекте хакасского языка (говор с. Казановка) // Дипломная работа (graduation work; printed as manuscript). — М., 2004.
8. Крылов, С. А. Стратегии применения интегрированной информационной среды StarLing в корпусной лингвистике и в компьютерной лексикографии // *Orientalia et classica*. Выпуск XIX. Аспекты компаративистики. 3. — М., 2008. — С. 649–668. Крылов, С. А. Использование системы StarLing при создании морфологически аннотированного корпуса современного монгольского языка. [Рукопись]
9. Хакасско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова, с приложением грамматического очерка хакасского языка Н. А. Баскакова. — М., 1953.
10. Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. — М., 1975.
11. Ай-Хуучин. Хакасский героический эпос. [запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой]. — Новосибирск, 1997.
12. Erdal, M. A Grammar of Old Turkic. — Leiden: Brill, 2004.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

- [1] <http://www.eki.ee/books/redbook/Khakass.shtm>
- [2] http://ru.wikipedia.org/wiki/Тюркские_языки
- [3] <http://corpling-ran.ru/n3.html>
- [4] <http://www.sanasoft.kz/a/node/52>
- [5] <http://www.azerispellcheck.com/AzeriSpeller.asp>
- [6] <http://mfbl.ru/bashdb/algram/algram.html>
- [7] <http://khakas.altai.ru>

ТИПОЛОГИЯ ФИТОНИМОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

З. Е. Каскаракова

УДК 81.373

Цель статьи — описать типологию терминов, названий растений, в хакасском языке. Выявленные термины расклассифицированы по нескольким критериям — по форме, содержанию, происхождению.

Ключевые слова: типология терминов, классификация, исконные и заимствованные термины, консубстанциальные термины, дескрипторы.

В данной статье представлен типологический анализ названий растений, который позволяет выделить основные их классы.

Типология в широком смысле слова значит «классификация». Термины можно группировать по разным основаниям — по содержанию, языковой форме, функции, по внутриязыковым и внеязыковым принципам. Однако необходимо отметить, что ряд ученых, в том числе В. М. Лейчик, призывает различать типологию и классификацию. Согласно В. М. Лейчику, «типология классифицирует объекты, но не сводится к классификации. Типология как результат выделения типов определяет объекты по их сущностям. Классификация же с большей или меньшей степенью искусственности членит рассматриваемую область (реальность) по отдельным основаниям.

В типологии термины должны быть распределены по некоторым существенным признакам, которые присущи им независимо от конкретной терминосистемы и которые проявляются в максимальном количестве частных признаков термина» [1, с. 9].

В. М. Лейчик выделяет термины категорий («материя», «пространство», «время»), общенаучные и общетехнические («система», «структура», «метод», «закон», «производство», «полуфабрикат»), межотраслевые («информация», «управление», «моделирование», «элемент»), специальные (отраслевые) термины. Так, по мнению В. М. Лейчика, может быть представлена типология терминов. Различные отдельные стороны терминов служат основанием различных их классификаций. В данной работе типологи-

ческий анализ названий растений будет опираться на широкое понимание типологии.

Поскольку термины являются знаковыми единицами, т. е. имеют план выражения и план содержания, их можно рассматривать в трех аспектах: с точки зрения формы и структурных особенностей, с точки зрения значения и особенностей их употребления и функционирования. Кроме того, необходимо учитывать и исторические характеристики терминов [2, с. 50].

С точки зрения происхождения можно выделить исконные и заимствованные термины. Среди исконных хакасских терминов — названий растений — можно выделить, с одной стороны, так называемые «консубстанциальные» термины, т. е. термины, заимствованные из общетюркского языка, и, с другой стороны, термины, заимствованные из других вариантов данного языка. Общетюркский фонд состоит в основном из исконно тюркской лексики, восходящей к пратюркской эпохе, и заимствованных слов, ставших общетюркскими благодаря языковым контактам. Так, к общетюркским относятся следующие хакасские слова — основные названия растений, деревьев лесных пород и садовых: *тал* «ива», *хазың* «береза»; кустарников: *нымырт* «черёмуха», *табылгы* «таволга, таволожник», трав: *от* «трава», *өзім* «растение», *чичек* «цветок»; огородных культур: *салгын* «репа»; злаков: *пугдай* «пшеница», *арба* «ячмень»; ягод: *чистек* «ягода»; частей растений: *пазах* «колос» и т. д. Перечисленные общетюркские названия растений

бытуют не только в хакасском, но и в других тюркских языках [3, с. 45–52; 4, с. 103–136].

В хакасской фитонимической терминологии имеется также ряд терминов, заимствованных из терминологии других областей знания. Так, например, *вид* 1) *körim*; 2) грам. вид; 3) биол. вид; *семейство* 1) (семья) *söbire*; 2) биол. семейство; *класс* ‘класс’, *классификация* ‘классификация’, *группа* ‘группа’ и т. д. были заимствованы соответственно из терминологий политики, лингвистики, права и приобрели в рамках фитонимической терминологии другие значения.

Выделены два основных пласта заимствованных фитонимов, это монголизмы и русизмы. К монголизмам в хакасской растительной лексике относятся обозначения таких растений, как *хычыган* ‘гусиная лапчатка’, *хазырган* ‘смородина щетинистая’ и т. д.

Большое количество заимствованных названий растений составляют слова, вошедшие в хакасский язык из русского или через русский из других языков. Приведем примеры: *груша*, *ежевика*, *роза*, *сирень*, *георгин*, *хрен*, *магнолия*, *маис*, *мак*, *маслина*, *бамбук*, *бегония*, *кактус*, *пальма*, *банан* и др.

С точки зрения плана выражения фитонимические термины можно подразделить на односоставные слова (*миге* ‘прошлогодня отава’, *нимис* ‘плоды’) и многосоставные (*хайа оды* ‘зверобой’, *хазың чайы* ‘чага’, *сорокин от* ‘чертополох’).

Односоставные термины делятся на корневые, основа которых совпадает с корнем, например *сип* ‘сарана, саранка’, *ос* ‘осина’, *тыт* ‘лиственница’, *пача* ‘одуванчик’, и аффиксальные производные, основа которых содержит корень и аффиксы, например *хазалчых* ‘терновник’ (*хазал-* ‘колоться’ + словообр. афф. *-чых*).

Многосоставные термины можно далее подразделить на двухкомпонентные (*от тобыны* ‘травяная труха’, *сосха оды* ‘мокрица’, *айран от* ‘щавель’) и трехкомпонентные термины (*марха настыг от* ‘пижма’, *хан тартчаң от* ‘подорожник’, *чылан частых от* ‘молодило’). Среди сложных терминов выделяем основные структурные модели,

свойственные названиям растений хакасского языка: N+N (сущ. + сущ.): *ир от* ‘полынь’; Adj+N (прил. + сущ.): *сарыг от* ‘горчица’, *пора от* ‘лебеда’.

С точки зрения плана содержания термины классифицируются по следующим признакам: по месту обозначаемого понятия в иерархии понятий данной системы, по степени абстракции, по характеру семантической структуры терминов. С учетом места называемых терминами понятий в иерархии понятий различают родовые и видовые термины.

Следует отметить, что ботаническая номенклатура имеет и особенности, отличающие ее от собственно терминов, таких как сорт, вид, дерево, соцветие, стебель, тычинка и т. д. Особенности эти связаны как с системой отражаемых реалий (иерархия: род — вид — подвид), так и с чисто языковыми моментами (ср. сложные и составные названия видов растений).

Любая терминология представляет систему взаимосвязанных терминов и строится на основе принципа родо-видовой иерархии, который является основным для построения любой системы терминов. Суть его в следующем: некоторые термины, состоящие из двух компонентов, имеют общий компонент для всех терминов, и различительный элемент, который видоизменяет понятие, выраженное общим компонентом. Сбор материала для анализа производился из словарных источников [5; 6].

В хакасской фитонимической лексике представлены следующие родо-видовые группы наименований растений с общим компонентом *от* ‘трава; зелень’: 1) *им оттар* ‘лекарственные травы’; 2) *чичең оттар* ‘травы, применяемые в пищу’; 3) *мал азыгына чарапчатхан оттар*, *азырал оттар* ‘кормовые травы’; 4) *иб аразында тузаланчатхан оттар* ‘травы, применяемые в быту и хозяйстве’; 5) *оолыг оттар* ‘ядовитые травы’; 6) *пуртах оттар* ‘сорняки’.

Например, для терминов *сыын оды* ‘маралий корень’, *изірік от* ‘термопсис ланцетный’ (букв.: пьяная трава) термин *от* ‘трава; зелень’ — общий элемент, а вторые

элементы во всех терминах — различительные, видоизменяющие элементы, т. е. термин *от* ‘трава; зелень’ является родовым термином, а термины *сыын оды* ‘маралий корень’, *изірік от* ‘термопсис ланцетный’ — видовыми. Термины *чахайах* ‘цветок’, *порчо // морчо* ‘цветок’ являются родовыми терминами для видовых терминов *пага чахайагы* ‘калужница’, ‘куриная слепота’, *көк чахайагы* ‘медуница’, *хой порчозы* кач. ‘подснежник’, *адай морчозы* ‘чистотел’. Термин *ирбен* ‘богородская трава’ является родовым, а термины *ах ирбен* ‘панцерия шерстистая’, *инек ирбені* ‘польнь (полевая)’ — видовыми.

Таким образом, в рамках фитонимической терминологии можно выделить термины с широким значением, которые могут заменить термины с более узким значением, и термины с узким значением, которые уточняют термины с широким значением. Это приводит к необходимости установления дескриптора [2, с. 53].

Согласно О. С. Ахмановой, дескриптор — это слово или словосочетание, которое лучше всего отражает природу рассматриваемого феномена и может эффективно использоваться в научной интерпретации и классификации этого феномена. В каждой терминосистеме выделяется несколько семантических полей, и в каждом семантическом поле есть свой дескриптор. Дескрипторы являются ключевыми терминами в иерархии терминов, в то время как термины с более узким значением — периферийными [7, с. 157; 8]. Так, например, в фитонимической терминологии хакасского языка термины *от* ‘трава’, *чахайах* ‘цветок’, *порчо // морчо* ‘цветок’, *чай // чей* ‘чай’, *чистек* ‘ягода’, *хат* ‘ягода’, *ирбен* ‘богородская трава’ как дескрипторы широко используются в образовании составных названий растений.

С точки зрения семантической структуры фитотермины могут быть мотивированными и немотивированными. В процессе нашего исследования мы исходили из того, что семантика и словообразование находятся в постоянном взаимодействии, а ономазиология располагает эффективным аппаратом анализа семантико-функциональных свойств произ-

водных номинативных единиц. В процессе номинации можно выделить два этапа: выбор мотивировочного признака из ряда возможных и выбор на основе этого мотивировочного признака языковой формы [9, с. 101].

Термин является мотивированным, если его значение полностью объясняется суммой значений элементов, входящих в структуру этого термина. Так, наименование растений осуществляется на основе обобщения мотивировочных признаков, связанных с формой и величиной растений, а также со сходством растений с какими-либо предметами, на основе этого сформировался принцип номинации по форме, т. е. термины, образованные путем метафоры (*ит нурун* ‘плоды шиповника’ (букв. ‘собачий нос’), *адай ызыргазы* ‘жимолость’ (букв. ‘собачьи серьги’)).

На основе обобщения мотивировочных признаков по цвету, запаху, вкусу и др. реализуется принцип номинации по свойству (*хызыл албан* ‘красные жарки’, *ах сип* ‘белая сарана’, *сахчаң от* ‘крапива’ (букв. ‘жалящаяся трава’)). По признакам, связанным с использованием растений в производстве, в быту, в медицине и др., — принцип номинации по функции, назначению (*адай агазы* ‘бузина’ (букв. ‘собачье дерево’), *хой порчозы* ‘лютик’ (букв. ‘овечий цветок’), *инек чистегі* ‘кровохлебка лекарственная’ (корова ягода=ее) и т. д.

Что касается классификации терминов по степени абстракции, то большинство из них — конкретные термины, они обозначают конкретные понятия, например *көлей чайы* ‘душица’ (залежь чай=ее), *чөкен чай* ‘бадан’ (бадан чай), *көдірее чистегі* ‘клюква’ (болото ягода=его) и др.

Итак, в настоящей статье были рассмотрены основные классы фитонимической терминологии. Термины были расклассифицированы по нескольким критериям — по форме, содержанию, происхождению. Типологический анализ терминов названия растений хакасского языка позволяет глубже изучить структуру и состав рассматриваемой терминологической системы, ее происхождение, особенности и характерные признаки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. — М., 2006.
2. Семенова, И. Б. Типология терминов банковского дела // Филологические науки. — 2010. — № 4.
3. Исааков, Ф. Г. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. IV. Лексика. — М., 1962.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. — М., 1997.
5. Хакасско-русский словарь. — М., 1953.
6. Хакасско-русский словарь. — Новосибирск, 2006.
7. Akhmanova, O. S., Agarova G. Terminology: Theory and Method. — М., 1974.
8. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1969.
9. Языковая номинация (общие вопросы). — М., 1977.

ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР ХАКАСОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ФИЛОЛОГИИ СО РАН

Е. Н. Кузьмина, И. Я. Селютина, И. В. Силантьев, Н. Н. Широбокова

УДК 1751

Статья содержит анализ исследований в области хакасского языка и фольклора, ведущихся в институте филологии СО РАН. Отмечена роль основателей тюркологической школы в Новосибирске — Е. И. Убрятовой, М. И. Черемисиной, внесших большой вклад в развитие хакасского языкознания.

Ключевые слова: хакасский язык, диалектология, синтаксис, словообразование, звуковые системы южносибирских тюркских языков, хакасский фольклор.

Основатели научных школ Института филологии СО РАН (ИФЛ СО РАН), а затем и их ученики уделяли большое внимание изучению языка и фольклора хакасов.

Анализ данных хакасского языка в изучении истории тюркских языков в Сибири наиболее ярко представлен в трудах Елизаветы Ивановны Убрятовой, в частности, в статье «Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири». Исторические исследования по хакасскому языку тесно связаны с изучением диалектологии хакасского языка, и здесь уместно вспомнить совместную работу над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР», руководителем сибирской части проекта была Елизавета Ивановна.

Вторым направлением изучения хакасского языка был синтаксис. Майя Ива-

новна Черемисина широко использовала данные хакасского языка при сопоставлении с другими тюркскими языками. При этом в ряде статей хакасский язык выступает у нее как основной объект описания, например в статье «О хакасском причастии на *-галах / -гелек* в роли зависимого предиката» (совместно с Т. Н. Боргояковой) [1]. Под руководством Майи Ивановны группа аспирантов провела оригинальные исследования на границе изучения синтаксиса и глагольной лексики. Это работы А. Н. Чугунекковой, О. Д. Абумовой и М. Д. Чертыковой. Важность и оригинальность этих исследований не только в установлении моделей предложений, но и в определении того, какую роль играет глагольная семантика в формировании этих моделей и их вариантов. В рамках этого подхода выявлены модели полипредикативных конструкций с временной

и каузативной семантикой, а также модели простых предложений с глаголами движения, установлены списки глаголов, формирующих эти модели, описаны средства связи между компонентами полипредикативных конструкций. Эти работы положили начало новому направлению как в изучении синтаксиса, так и в изучении глагольной лексики на материале хакасского языка.

Еще одной темой, получившей развитие в изучении хакасского языка в Институте филологии СО РАН, является словообразование. Так, И. М. Чебочаковой (Таракановой) была написана диссертация по словообразованию имен существительных в хакасском языке в сопоставительном аспекте. Результаты этой работы, а также дальнейших исследований автора получили отражение в двух опубликованных монографиях [2; 3].

Особое место занимают проводимые в Институте инструментальные исследования звуковых систем южносибирских тюркских языков. Эти исследования позволили построить типологию структурно-таксономической организации вокальных и консонантных систем, выявить общее и единичное в их субстантных базах и иерархии единиц, определить тип языковых взаимодействий, приведших к формированию и модернизации систем. Изучение и обобщение объективных экспериментально-фонетических данных как важнейшего историко-лингвистического источника особенно важно и продуктивно для языков алтае-саянского региона, находящихся в зоне пересечения ряда культур — тюркских и нетюркских.

Фонико-фонологическая система хакасского языка, вписываясь в общий контекст тюркских языков Южной Сибири, занимает, тем не менее, особое место в их ряду.

Проблемы звукового строя хакасского языка активно разрабатывались в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН под руководством её основателя, заслуженного деятеля науки Республика Тува В. М. Наделяева [4], а позднее — доктора филологических наук И. Я. Селотиной [5]. Исследования

проводились аспирантами — ныне докторами и кандидатами филологических наук: доктором филологических наук К. Н. Бурнаковой (Бичелдей) — бывшей заведующей кафедрой иностранных языков Тывинского госуниверситета, в настоящее время она профессор Московского городского педагогического университета; Г. В. Кыштымовой — доцентом Хакасского государственного университета; В. В. Субраковой — старшим научным сотрудником Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вопросы суперсегментной фонетики хакасского языка получили освещение также в трудах А. В. Кабанова [6], заочного аспиранта ЛЭФИ ИФ СО РАН, преподавателя Хакасского государственного университета.

Вокализм хакасского языка был изучен Г. В. Кыштымовой на большом экспериментальном материале [7; 8]. Систематическое научное исследование сагайского и качинского вокализма, выполненное в рамках кандидатской диссертации в 1990 г., позволило выявить общность и специфику инвентарей фонем и субстантной основы фонологических систем в двух базовых диалектах хакасского литературного языка, определить принципы структурно-таксономической организации вокализма, дистрибутивные и фонотактические закономерности, особенности реализации и фонологический статус стяженной и позиционной долготы гласных. Позднее результаты были опубликованы в монографии «Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование» (Новосибирск, 2001) под грифом Института филологии СО РАН и Хакасского госуниверситета.

Г. В. Кыштымовой удалось установить, что потенциально общие возможности артикуляционно-акустических баз имеют специфику преломления в сагайском и качинском диалектах: общая настройка речевого аппарата сагайцев является более передней, чем у качинцев: если в сагайском диалекте выделяются три фонематических артикуляторных ряда — передний, комбинированный передне /

центральнозадний и центральнозадний, при отсутствии центральнорядных и заднерядных настроек, то в качинском, напротив, не констатированы переднерядные, а также центральнорядные реализации при наличии четырех фонематически релевантных артикуляторных рядов: комбинированного передне / центральнозаднего, центральнозаднего, комбинированного центральнозадне / заднего и заднего.

При этом сагайские гласные являются более закрытыми, чем качинские: если сагайские гласные определяются как настройки I–IV ступеней отстояния при отсутствии V и VI ступеней, то для качинского вокализма характерны пять ступеней снижения — II–VI при отсутствии в диалекте вокальных настроек минимальной — I ступени.

Как отмечает Г. В. Кыштымова, отражением диалектной специфики артикуляционно-акустических баз являются особенности корреляции артикуляторной рядности с сингармонической: в сагайском диалекте к мягкому гармоническому ряду относятся гласные переднего и комбинированного передне / центральнозаднего артикуляторных рядов, к твердому гармоническому ряду — центральнозадние репрезентации, в то время как в качинском диалекте в сингармонически мягкорядных словоформах функционируют гласные комбинированного передне / центральнозаднего и центральнозаднего артикуляторных рядов, а твердый гармонический ряд представлен комбинированными центральнозадне / задними и задними вокальными настройками.

Таким образом, фактически впервые в информационное поле сибирских тюркологов было введено представление о необходимости четкого разграничения артикуляторной и сингармонической рядности, что привело исследователей к отказу от целого ряда стереотипов при трактовке сингармонических моделей в тюркских языках.

Особый интерес представляет анализ процессов так называемого «перелома» гласных в хакасском языке. Выявленное впервые для татарского и башкирского языков, это явление трактуется как смена подъема гласного, как переход древнетюркских широких в узкие:

*ä > i, *ö > y, *o > u и, наоборот, расширение древнетюркских узких до полушироких: *i > e, *y > ё, *y > ö. Г. В. Кыштымова не только показала на объективном материале, что «перелом, перебой» гласных характерен для вокализма сагайского диалекта хакасского языка и — в меньшей мере — для качинского, но и установила его специфику. В хакасском реализации процесса «перелома» гласных фонически иная, нежели в татарском и башкирском: если в поволжском регионе отмечается лишь изменение степени подъема гласных, то в хакасском наряду с расширением или сужением вокальных настроек происходит сдвиг их по ряду: расширяясь, гласные становятся и более задними, сужаясь, продвигаются вперед.

Не менее значимо наблюдение Г. В. Кыштымовой о том, что изменив в результате «перелома» свои артикуляторные качества, гласные сохранили квантитет и дистрибутивные характеристики, свойственные их историческим прототипам, что, по справедливому замечанию автора, является отражением генетической языковой памяти этноса.

Аналогичный процесс фиксируется на большей части территории распространения языка кумандинцев, не охватывая ареал Солтонского района Алтайского края, где сохраняется преимущественно древнетюркских огласовка. В Красногорском (Алтайский край) и Турочакском (Республика Алтай) районах древнетюркский широкий мягкорядный неогубленный *ä реализуется в узком переднерядном i, а исходный широкий мягкорядный огубленный *ö коррелирует с узким центральнорядным ö. При этом в кумандинском, как и в хакасском, при «переломе» меняется не только подъем гласных, но и, что значительно существеннее, их артикуляторная рядность [9].

Исследование Г. В. Кыштымовой явилось теоретической и методической базой для изучения вокальных систем в тюркских языках на качественно ином уровне, послужило основанием для пересмотра представлений ученых о специфике тюркского вокализма.

Первое систематическое исследование консонантизма хакасского языка было выполнено Д. И. Чанковым [10]. Позднее выдвинутые им

идеи получили развитие в кандидатской диссертации В. В. Субраковой [11], доработанной позднее и изданной в виде монографии «Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект» (Новосибирск, 2006) совместно с Институтом филологии СО РАН и Хакасским НИИ языка, литературы и истории. В. В. Субракова предложила свою трактовку системы согласных сагайского диалекта (на материале ниже-тёйского говора) [12].

Как свидетельствуют инструментальные данные, в языках народов Сибири и сопредельных регионов функционируют следующие типы консонантных систем: 1) системы, структурируемые оппозицией по степени напряженности, представлены двумя подвидами: а) системы с бинарной оппозицией слабых / сверхслабых согласных (уральские угро-самодийские языки: энецкий, ненецкий, нганасанский, селькупский, хантыйский); б) системы с тройным противопоставлением сильных / слабых / сверхслабых согласных (байкало-саянские тюркские и монгольские языки: тувинский, тофский, саларский, сарыг-югурский; халха-монгольский, калмыцкий); 2) системы, базирующиеся на противопоставлении по количественному признаку: краткие / долгие / долготнонеопределенные консонанты (тюркские языки алтае-саянского региона: алтайский, кумандинский, чалканский, тубинский, теленгитский, бачатско-теленгитский; сагайский диалект хакасского языка); 3) системы с оппозицией по звонкости / глухости (северные тюркские языки — якутский и долганский) [13; 5].

Позднее на материале по шорскому и барабинско-татарскому языкам были внесены дополнения в типологическую классификацию консонантных систем языков Сибири — выделены системы, структурируемые противопоставлением единиц по глоттализованности / неглоттализованности. В основе построения шорской системы согласных лежит тройная оппозиция фонем по положению гортани и языка: инъективные / статичные / эйективные единицы [14; 15]. В языке барабинских татар согласные фонемы делятся на шумные

фарингализованные напряженные / шумные нефарингализованные ненапряженные / малолучные нефарингализованные слабонапряженные [16].

Выполненный В. В. Субраковой анализ качественно-количественных характеристик согласных показал, что подсистема шумных консонантов сагайского диалекта хакасского языка строится на противопоставлении по краткости / долготе, а не на оппозиции по глухости / звонкости, как было принято считать в хакасоведении, то есть, различие согласных по количественным параметрам является фонематическим, а характеристика по работе голосовых связок — сопутствующим признаком. Данная закономерность отчетливо реализуется в интервокальной позиции, в то время как медиально-постсонантные согласные находятся в оппозиции как по звонкости / глухости, так и по длительности.

Следует отметить, что, хотя в монографии Д. И. Чанкова хакасские согласные трактуются как противопоставленные по звонкости и глухости, приведенные автором инструментальные материалы свидетельствуют в пользу количественности как системообразующего признака. Результаты, полученные В. В. Субраковой, указывают на переходный характер системы: базируясь на количественности как доминантной характеристике, система использует параметр звонкости-глухости в качестве дополнительного конститутивно-дифференциального признака (КДП); подчиняясь законам внутреннего развития, а также испытывая сильное влияние русского языка, количественно ориентированная система согласных перестраивается на оппозицию по звонкости-глухости.

Системы согласных, для которых основным КДП является наличие-отсутствие работы голосовых связок, зарегистрированы в северных тюркских языках — якутском и долганском, а также в западных уралоповолжских тюркских языках, в частности, в казанско-татарском. Несколько иной тип переходной системы зафиксирован в языке калмаков — малочисленной тюркоязычной народности, проживающей в Кемеровской области:

при ведущей роли глухости / звонкости как системообразующего признака на периферии системы сохранились реликты оппозиции единиц по степени напряженности [15]. Кажущаяся эклектичность отражает реальное состояние объекта исследования, являющегося результатом взаимодействия двух систем — древнетюркской, основанной на противопоставлении согласных по степени напряженности и сохранившейся в южносибирских тюркских языках (например в тувинском), и казанско-татарской, структурируемой по звонкости-глухости. Для калмакского языка, подвергнутого существенному влиянию со стороны поволжских татар-переселенцев, оппозиция согласных по работе голосовых связок относится к числу инноваций, поддерживаемых также сильным влиянием русского языка — особенно если учесть крайнюю ограниченность контингента говорящих на нем.

Кроме принципов системно-структурной организации, хакасский консонантизм имеет ряд других отличий, определяющих его специфику на фоне близкородственных тюркских языков.

Данные по консонантным системам южносибирских тюркских языков алтае-саянской группы циркумбайкальского языкового союза [13] свидетельствуют о наличии типологической общности, в значительной мере определяемой как наследие угро-самодийского субстрата.

Вместе с тем, по ряду фонетических признаков, в частности, по наличию или отсутствию малошумной (сонорной) увулярной фонемы ʁ, алтае-саянская ветвь подразделяется на две подгруппы — северную (кумандинский и чалканский языки северного Алтая, сагайский и качинский диалекты хакасского, шорский язык) и южную — алтай-кижи, бачатско-телеутский, теленгитский; язык туба-кижи находится на стыке двух ветвей — алтае-саянской ветви с системной организацией консонантизма *g* по квантитету и утратой древнетюркского *g* по южно-алтайскому типу, и саяно-байкальской ветви с фарингализацией гласных.

Исследование В. В. Субраковой показало, что по сравнению с родственными тюркскими языками Южной Сибири сагайский консонантизм отличается ограниченностью подсистемы среднеязычных согласных — она представлена лишь малошумной фонемой [ʃ]. Функционирующие в соседних тюркских языках среднеязычные консонанты *h*, *ḥ* и *ɣ* в сагайском отсутствуют, фонемы [tʃ] и [ʃʰ], определяемые в тюркских языках Южной Сибири как среднеязычные или переднеязычно-среднеязычные, реализуются в сагайском диалекте хакасского языка как переднеязычные с различной степенью палатализованности оттенков [12, с. 209].

По инвентарю малошумных единиц сагайский диалект совпадает с языком туба-кижи и с сут-хольским говором тувинского, то есть с языками, входящими (полностью или по ряду признаков) в уйгуро-уряньхайскую группу. Хакасский и тувинский, а также язык барабинских татар объединяет отсутствие малошумной среднеязычной фонемы [ɲ], функционирующей в алтайском, кумандинском, чалканском и шорском языках; в языке туба-кижи согласный «ɲ» зафиксирован в качестве аллофона фонемы [j].

Отсутствие в хакасской консонантной системе среднеязычной фонемы [ɲʰ] сближает хакасский язык с тюркскими языками байкало-саянской ветви циркумбайкальского языкового союза, в то время как по большинству остальных признаков он относится к саяно-алтайской группе.

Специфической особенностью хакасского консонантизма, выделяющей его на фоне других тюркских алтае-саянских языков, является функционирование гуттуральных фонем в смычных заднеязычных аллофонах «k», «q», «k:» в составе мягкорядных словоформ и в щелевых язычковых «χ», «qʰ», «χ:» — в твердо-рядных лексемах. В то же время класс заднеязычно-язычковых согласных в хакасском языке представлен меньшим количеством вариантов, по сравнению с шорским, алтайским и тувинским языками. Щелевой заднеязычный согласный «x» так же, как смычные язычковые «q» и «qʰ», констатируемые в различном фонологическом статусе в контактирующих тюркских

языках, неприемлемы для хакасской артикуляционно-акустической базы и противоречат принципам системно-структурной организации хакасского консонантизма.

Бедность локальных классов среднеязычных и гуттуральных согласных обуславливает более передний характер хакасского консонантизма, определяя его специфику в южносибирском регионе и сближая, наряду с процессами «перелома» гласных и фонологизации позиционной длительности, с западными тюркскими языками.

С другой стороны, рассматриваемая особенность подсистемы гуттуральных согласных детерминирует специфику хакасского сингармонизма: мягкорядные и твердорядные словоформы маркируются не только дифференциацией согласных по активному и пассивному артикулирующим органам — заднеязычный заднетвердонецкий / язычковый верхнекорнеязычный, — но и по способу образования — смычный / щелевой.

Исследования К. Н. Бурнаковой (Бичелдей) посвящены изучению хакасской просодической системы. Их актуальность и научная значимость определяются тем, что тюркская и, в частности, хакасская суперсегментная фонетика, включающая ударение и интонацию, всё ещё слабо разработана, приведённые в грамматиках данные неоднозначны и зачастую противоречивы, отдельные высказывания по вопросам речевой интонации — важнейшего индикатора коммуникативных установок предложений и их коммуникативно-модальных разновидностей, фрагментарны, основаны на слуховых впечатлениях и бессистемны.

Уже в своей кандидатской диссертации «Ритмомелодика хакасских простых нераспространенных предложений» [17] К. Н. Бурнакова выявила на объективном инструментальном материале пять ритмомелодических рисунков: 1) восходяще-нисходящий для односоставных повествовательных предложений; 2) восходяще-нисходяще-восходяще-нисходящий для двусоставных повествовательных предложений; 3) восходяще-нисходящий для вопросительных предложений; 4) восходящий для односоставных побудительных предложе-

ний; 5) восходяще-нисходяще-восходящий для двусоставных побудительных предложений. Каждая коммуникативная установка имеет только ему присущую ритмомелодику, что свидетельствует о фонологической значимости просодических элементов для каждого из указанных типов предложений, о зависимости просодических элементов от структуры, семантических и лексико-грамматических особенностей предложения.

Позднее К. Н. Бурнакова продолжила исследования проблем хакасской интонологии, полученные результаты нашли отражение в целом ряде монографий [18; 19; 20]. В этих работах впервые в хакасоведении успешно решен на большом материале уникальной научной ценности ряд сложных проблем общей теории и типологии речевой коммуникации. Научная значимость работ, выполненных на стыке фонетики и синтаксиса, а также сложность их осуществления определяются ориентацией исследования на системный анализ интонационной семантики в свете основных положений семиотики, что позволяет определить место ритмомелодики среди других подсистем языка.

Таким образом, инструментальные исследования показали, что фонико-фонологическая система хакасского языка, вписываясь в фонетический ландшафт южносибирских тюркских языков, имеет свою специфику как на уровне структурно-таксономической организации, так и в материальной звуковой базе, в принципах сохранения традиций и реализации инновационных процессов, обусловленных как историческими и ареальными контактами этносов, так и современными процессами экстралингвистического характера.

Особенностью работ по хакасскому языку является то, что они написаны аспирантами Института филологии СО РАН и кафедры языков и фольклора народов Сибири НГУ, преподавание на которой велось сотрудниками Института. Эта особенность ИФ, в котором значительная часть трудов выполнялась привлекаемыми к научной работе студентами и аспирантами. Только это давало возможность институту разрабатывать весьма трудоемкие и требующие большого количества участников

проекты, после такой подготовки аспиранты легко включались в научную работу в университетах и научно-исследовательских институтах, куда они поступали на работу после защиты диссертации.

Институт филологии продолжает подготовку специалистов по хакасскому языку через аспирантуру института и через аспирантуру НГУ. В институте в качестве научного сотрудника в настоящее время работает О. Ю. Кокошникова, которая занимается семантической структурой многозначных глаголов в хакасском языке [21].

В области фольклористики Институтом филологии СО РАН разрабатывается крупный долгосрочный проект, связанный с подготовкой и изданием академической 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Институт является научным центром, координирующим работу авторских коллективов ряда других научных институтов, вузов, центров народного творчества всей Сибири, Дальнего Востока и европейской части России, включая ведущих ученых Москвы, Санкт-Петербурга, Чебоксар, а также учёных из Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси.

Основная цель Серии — фиксация, публикация и изучение самобытного культурного достояния народов сибирско-дальневосточного региона, многие из которых стремительно утрачивают родной язык в меняющемся современном мире. Концепция Серии основана на подходе к фольклорному явлению как синкретическому феномену, органично вобравшему в себя реалии духовной и материальной жизни. Поэтому в подготовке томов задействованы усилия специалистов разных областей: фольклористов, этномузыкологов, этнографов, лингвистов, культурологов. Достижения мультимедийной технологии активно внедряются в подготовку томов, тем самым расширяя возможности демонстрации публикуемых фольклорных образцов на CD и DVD. Уникальность Серии состоит в том, что она ширококомасштабно и в полноте выявляет и демонстрирует фольклорное богатство более 30

народов сибирско-дальневосточного региона. В пору угасания фольклора, исчезновения языков и культур малочисленных народов эта работа по фиксации и публикации современного состояния традиционной культуры становится неопределимой.

В Серии, наряду с фольклором тюрков Южной Сибири — алтайцев и тувинцев, запланированы 5 томов фольклора хакасов, посвящённые героическому эпосу, сказкам, мифам, легендам и преданиям, а также обрядовому фольклору и песенной лирике. Из этих книг опубликован пока только один том героического эпоса, посвящённый героическому сказанию «Ай-Хуучин» [22]. Объём тома составляет 37,5 печ. л. Составителем тома является известная хакасская исследовательница Валентина Евгеньевна Майногашева. Надо особо подчеркнуть выдающийся вклад В. Е. Майногашевой в развитие отечественного эпосоведения. Она приняла участие в двух фундаментальных двуязычных академических сериях, предпринятых в нашей стране. Это «Эпос народов СССР», основанный в 1969 г. А. А. Петросян и выпускаемый в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Ныне эта серия называется «Эпос народов Европы и Азии». Вторая серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» была основана в 1981 г. по Решению Президиума Сибирского отделения Академии наук СССР и Бюро РИСО АН СССР (г. Москва). Инициатором серии выступил член-корреспондент РАН А. Б. Соктоев. Концептуально обе серии близки между собой. Публикуемые в них тексты сопровождаются обширным научным аппаратом, включающим аналитические статьи и справочный материал, перевод на русский язык носит фольклористический характер, т. е. сохраняется образный смысл памятника, к «тёмным местам» сказания даётся исчерпывающий комментарий и сопоставляются между собой имеющиеся варианты текстов. Ценным начинанием было включение в состав томов серии «Эпос народов СССР» музыкально-ведческой статьи, характеризующей искусство сказителей.

Для этой серии В. Е. Майногашева подготовила к изданию одно из ярчайших сказаний хакасов «Алтын-Арыг», который был известен в исполнении двух выдающихся сказителей-хайджи — С. П. Кадышева и П. В. Курбижекова. Поскольку вариант П. В. Курбижекова ярче отражал эпическую традицию, имел развёрнутые поэтические описания, богатые поэтико-стилевые средства, полный объём (10341 стих. стк.), то выбор пал на текст, исполненный П. В. Курбижековым [23].

Опыт, обретенный Валентиной Евгеньевной при подготовке эпоса «Алтын-Арыг», с успехом был применён и развит ею в сибирской серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Фольклористический дар учёного позволил ей расширить аналитическую часть книги, подготовить и включить текстологическую статью, раскрывающую работу автора над оригиналом «Ай-Хуучин» (объём 8059 стих. стк.) и русским его переводом, создать обширный глоссарий, состоящий из указателей персонажей, топонимов, словаря непереведённых слов. Единство слова и музыки, звучание хакасского героического эпоса в полноте продемонстрировано в музыковедческой статье, подготовленной этномузыковедом В. Н. Шевцовым и на компакт-диске, где В. Е. Майногашева представила фрагменты сказаний в исполнении двух выдающихся сказителей XX века — П. В. Курбижекова и С. П. Кадышева. В отличие от сказания «Алтын-Арыг», опубликованного в серии «Эпос народов СССР», где за национальным текстом следовал перевод на русском языке, героическое сказание «Ай-Хуучин» в сибирской серии размещён так, что оригинал и его перевод даны параллельно на одном книжном развороте, поэтому соотносённость перевода с хакасским текстом строка в строку легко проследить.

Были известны 3 варианта сказания «Ай-Хуучин», записанные в двух районах Хакасии, а именно, в Ширинском и Орджоникидзевском. Наиболее ранняя запись была сделана в 1957 г. научным сотрудником Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Т. Г. Тачевой

от сказителя-хайджи С. П. Кадышева под его диктовку. Второй вариант сказания был исполнен П. В. Курбижековым и записан в 1964 г. В. Е. Майногашевой под диктовку сказителя. Этот вариант является наиболее полным и в художественном отношении стал ярким образцом эпического творчества хакасов. Третий вариант «Ай-Хуучин» был записан в 1981 г. О. П. Субраковой от П. Ф. Ульчугачева. Сюжетная структура сказания была тщательно проанализирована В. Е. Майногашевой, ею было проведено сравнительно-сопоставительное исследование эпизодов и мотивов эпоса «Ай-Хуучин» в записи от всех трёх исполнителей. Развёрнутый анализ различий дан в статье «Описание вариантов сказания «Ай-Хуучин» в опубликованном томе серии «Памятники фольклора...» [22, с. 461–469].

Хорошее знание эпической традиции хакасов и всего имеющегося фонда сказаний, высокий профессионализм автора-составителя В. Е. Майногашевой обеспечили выбор интересного во всех отношениях героического эпоса «Ай-Хуучин». Главной героиней является дева-богатырка. Сказания этого типа в эпосоведении трактуются как самые ранние произведения, отражающие древние мифологические представления. В хакасоведении немного публикаций фольклорных произведений. И тем более ценно, что из научных переводов и изданий текстов сказаний именно «Ай-Хуучин» и «Алтын-Арыг», опубликованные Валентиной Евгеньевной Майногашевой, являются фундаментальными трудами, наиболее соответствующими современным научным требованиям и текстологическим задачам. Публикации героического эпоса хакасов, принятые В. Е. Майногашевой, демонстрируют высокий уровень эпического творчества народа, широту и размах его художественного дара. На сегодня сказания «Алтын-Арыг» и «Ай-Хуучин» в подготовке В. Е. Майногашевой являют собой непревзойдённые образцы научного осмысления и подачи эпических текстов, сохранившихся вплоть до XXI века.

Ожидается выход в конце этого года другого интересного тома, посвящённого

народным сказкам, который представит сказочное богатство хакасского народа на всех имеющихся диалектах. В том включены 46 сказок, представляющие собой самые лучшие образцы. Из них 21 текст публикуется впервые. Четыре сказки из тома были расшифрованы с аудиозаписей, одна сказка публикуется по книге «Образцы народной литературы тюркских племен», изданной Василием Васильевичем Радловым. Известно, что тексты, включённые в книгу, были собраны Николаем Федоровичем Катановым. Большая часть сказок, публикуемых в томе сибирской Серии, отобрана из архива Рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, пять из них являются самозаписями. Составителем тома является молодая исследовательница, кандидат филологических наук Е. С. Торокова.

В опубликованных хакасских томах содержатся все элементы, принятые в серии «Памятники фольклора...»: аналитическая фольклористическая статья, указатели, комментарии к русскому переводу, примечания к оригинальным текстам, цветные фотоиллюстрации, CD, прилагаемый к тому и дающий представление о живом звучании произведений, — всё, что неизмеримо повышает ценность фольклорных публикаций. Надо сказать, что, несмотря на единообразие томов в части их оформления (на то она и серия), каждая изданная книга включает свой оригинальный текстовый материал, который и определяет достоинство и уникальность издания. Привлекательность Серии в том, что она представляет самобытный материал, в большинстве своём малоизвестный или вовсе неизвестный науке. При этом каждая книга содержит свою «изюминку», которая проявляется в жанровом многообразии, материале, его подаче, осмыслении или в содержании научного аппарата. Готовящиеся очередные тома хакасского фольклора, это «Обрядовый фольклор хакасов» и «Несказочная проза хакасов», показывают, что читателям будут представлены самобытные произведения.

Надо сказать, что над подготовкой и изданием фольклорных томов трудятся десятки

специалистов из научных и культурных учреждений Сибири, и их работа строится на полном энтузиазме во имя высокой идеи сберечь духовное наследие своего народа. Поэтому очень ценным для подготовителей Серии является поддержка руководителями всех рангов работы авторов-составителей и, особенно, финансовое содействие правительств и администраций национальных республик в обеспечении требуемого тиража книг. Тома востребованы библиотеками, они используются в общеобразовательных целях для воспитания подрастающего поколения, а также для иных культурных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боргоякова, Т. Н., Черемисина М. И. О хакасском причастии на *-галах/-гелек* в роли зависимого предиката // Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии разных систем. — Новосибирск, 2004. — С. 573–584.
2. Тараканова, И. М. Словообразование имен существительных в хакасском языке. — Абакан, 2008.
3. Тараканова, И. М. Диминутивы в хакасском языке. — Абакан, 2011.
4. Наделяев, В. М. Выступление на координационном совещании «Методы изучения тюркских языков» // Вопросы методов изучения тюркских языков. — Ашхабад, 1961. — С. 193–197.
5. Селютина, И. Я. Консонантные системы в языках народов Сибири: к проблеме типологии. — Новосибирск, 2009.
6. Кабанов, А. В. Интонация хакасской фразы и ударение // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. — Новосибирск, 1986. — С. 114–116.
7. Кыштымова, Г. В. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1990.
8. Кыштымова, Г. В. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. — Новосибирск, 2001.

9. Селютина, И. Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. — Новосибирск, 1998.
10. Чанков, Д. И. Согласные хакасского языка. — Абакан, 1957.
11. Субракова, В. В. Консонантизм ниже-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2005.
12. Субракова, В. В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. — Новосибирск, 2006.
13. Надеяев, В. М. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 3–4.
14. Уртегешев, Н. С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). — Новосибирск, 2002.
15. Уртегешев, Н. С., Бабыкова С. А. Консонантизм в языке калмаков // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. — Новосибирск, 2005. — С. 88–90.
16. Рыжикова, Т. Р. Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. — Новосибирск, 2005.
17. Бурнакова, К. Н. Ритмомелодемы хакасских простых нераспространенных предложений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1982.
18. Бичелдей, К. Н. Вопросительные частицы хакасского языка. — Кызыл, 1993.
19. Бичелдей, К. Н. Ритмомелодемы простых нераспространенных предложений хакасского языка. — М., 2000.
20. Бичелдей, К. Н. Лексико-грамматические и ритмомелодические средства выражения вопросительности в хакасском языке. — М., 2001.
21. Кокошникова, О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. — Новосибирск, 2004.
22. Ай-Хуучин. Хакасский героический эпос / [запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой]. — Новосибирск, 1997. — 479 с.
23. Алтын Арыг. Хакасский героический эпос / [запись и подгот. текста, ст., пер. и коммент. В. Е. Майногашевой]. — М., 1988. — 502 с.

ОБ ИТОГАХ КЫЗЫЛЬСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ХакНИИЯЛИ

Р. Д. Сунчугашев

УДК 81.373

В работе описаны проблемы функционирования кызыльского диалекта хакасского языка. Кызыльцы — малочисленный хакасский субэтнос, проживающий в Орджоникидзевском и Ширинском районах Республики Хакасия. В статье содержатся современные данные о социолингвистической ситуации у кызыльской этнической группы.

Ключевые слова: кызыльский диалект хакасского языка, полевая работа, языковая ситуация, словарь, современные данные.

Очень актуальной проблемой в современном мире является сохранение этнолингвистического многообразия, поскольку в связи с процессами глобализации сужается числен-

ность носителей языков меньшинств, народы переходят на языки большинства. Каждый день в мире исчезает какой-то язык или говор. По оценкам ЮНЕСКО, половина из примерно

6 тысяч языков мира могут в ближайшее время потерять последних носителей. Жизнеспособность языков рассчитывается по следующим основным критериям: по числу носителей, передаче языка от поколения к поколению, доступности учебных материалов, отношению к языку внутри общества. По данным критериям в России к категории языков, находящихся под угрозой исчезновения, причисляются 49 языков, в том числе хакасский.

В условиях угрозы исчезновения языков и диалектов возникает острая необходимость в сборе, накоплении, фиксации языковых данных для выявления их фонетических, лексических, морфологических, синтаксических особенностей. Создание фонда накопленных данных в будущем может быть основой для возрождения и дальнейшего изучения утраченного языка или диалекта. Основную часть данных задач могут решать комплексные лингвистические экспедиции.

Изучение хакасского языка и его диалектов во второй половине XIX и начала XX вв. связано с именами известного лингвиста и этнографа М. А. Кастрена, выдающихся тюркологов В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, а также В. И. Вербицкого, С. Д. Майнагашева и др.

Планомерное изучение хакасского языка и его диалектов начинается с создания Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (1944). С первых дней открытия института в секторе языка работали известный тюрколог Ф. Г. Исхаков, канд. филол. наук Ц. Д. Номинханов, А. Т. Казанак, Д. Ф. Патачакова, Н. А. Аткинина. В это время языковедами ХакасНИИЯЛИ ведется большая научно-организационная работа. Ставятся задачи упорядочения графики, орфографии, пунктуации, описания диалектов хакасского языка, изучения фонетики, грамматики, лексики, разработки терминологии, создания двуязычных словарей. Организовываются диалектологические экспедиции по районам Хакасии. Ф. Г. Исхаковым была составлена программа и словник для сбора диалектологического материала.

На основе экспедиционных материалов и дальнейших исследований монографически описаны и защищены диссертации по всем четы-

рем диалектам хакасского языка: кызыльскому (Н. Г. Доможаков), сагайскому (А. И. Инкижекова-Грекул), качинскому (Д. Ф. Патачакова) и шорскому (Н. Н. Межекова).

Несмотря на подъем хакасоведческой науки в целом, во второй половине XX в. наблюдается процесс сокращения функционирования родного языка. Это связано с индустриализацией и урбанизацией территории. В 1960–1970-е гг. проводится политика ликвидации малых деревень. Переселение в большие поселки отдаляло людей от традиционного уклада жизни, способствовавшего функционированию родного языка. Принятое в 1958 г. в верхах решение о праве родителей выбирать язык преподавания для своих детей привело к резкому сокращению количества национальных школ по всей стране. В обществе утвердилось мнение, что русский язык открывает им все дороги, а национальный язык обособляет от остального мира и годен лишь для бытового общения с окружающими. Языковая политика того времени привела к угрозе исчезновения отдельных языков и диалектов коренных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера.

В связи с этим в конце 1980-х и начале 1990-х гг. почти во всех союзных и автономных образованиях СССР развернулось движение за расширение функций родного языка. В национальных субъектах Российской Федерации языки коренного народа, наряду с русским, получили статус государственного языка. Принимаются и внедряются программы по сохранению и развитию родных языков.

Со времени первых планомерных экспедиций по описанию диалектов и исследованию языковой ситуации в диалектных зонах хакасского языка прошло более полувека. Отсутствие комплексных лингвистических описаний диалектов хакасского языка за последние 50 лет, периода глобальных общественно-политических изменений в жизни общества, особенно в свете нависшей реальной угрозы существования хакасского языка и его диалектов, ставит вопрос об их фиксации и описании в ряд наиболее актуальных проблем в хакасоведении и тюркологии в целом.

Летом 2013 г. состоялась диалектологическая экспедиция сотрудников сектора

языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в Ширинский и Орджоникидзевский районы Хакасии, Шарыповский и Ужурский районы Красноярского края, где компактно проживают кызыльцы. Осуществление экспедиции стало возможным благодаря проекту «Кызыльский диалект: современное состояние, проблемы, перспективы», удостоенному гранта Российского гуманитарного научного фонда. Руководитель проекта — ведущий научный сотрудник сектора языка ХакНИИЯЛИ, канд. филол. наук Р. Д. Сунчугашев, участники — завсектором языка, канд. филол. наук А. С. Кызласов, старшие научные сотрудники, канд. филол. наук З. Е. Каскаракова, И. М. Чебокакова.

Цель экспедиции: сбор данных о носителях кызыльского диалекта хакасского языка, выявление и описание языковой ситуации в районах компактного проживания кызыльцев, запись образцов звучащей речи носителей кызыльского диалекта на электронные носители, комплексный сбор материалов для научного описания современного состояния и особенностей кызыльского диалекта и создания электронного корпуса текстов на данном диалекте.

Во время экспедиции были опрошены информанты, носители кызыльского диалекта, в 22-х селах Хакасии и Красноярского края. Проведено социолингвистическое анкетирование. Собраны ценные материалы в виде звуковых текстов на кызыльском диалекте, повествующих об исторических событиях дореволюционного и послереволюционного периода: рассказы о шаманах, хайджи, переселенцах, событиях гражданской войны в Хакасии, раскулачивании, ссылках, репрессиях, Великой Отечественной войне и др. Записаны фольклорные произведения: песни, тахпахи, легенды, былички. Собрали большой лексический материал кызыльского диалекта хакасского языка по различным тематическим группам.

Например: названия предметов — *кинде* ‘бумага’, *кӱлге* ‘носик чайника’, *кӱме* ‘колечки на узде лошади’, *илісне* ‘цепь’, *эллік* ‘рукавица

и др.; названия продуктов питания — *торда* ‘осадок масла’, *хаймах* ‘сметана’; топонимические термины — *шарлаң* ‘обрыв’, *ӱзелдірік* ‘низина в горах’, *ыро* ‘ложбина’, *пултуң* ‘болото’, *ӱӱс* ‘река’ и мн. др.; зоонимы: *кӱпсӱс* ‘ленок’, *кӱӱлдӱ* ‘кроншнеп’, *кӱчӱген* ‘орёл’, *кӱнеле* ‘нырок’, *киске* ‘рысь’, *кирбе* ‘пиявка’, *пыт палгач* ‘перепел’, *пэи пӱрӱк* ‘синица’, *хара пахтар* ‘скворец’, *ах пахтар* ‘дрозд’, *пабырган* ‘летага’, *хогай* ‘маленькая щука’, *ханар* ‘плавники’, *пэлэчек тоңдаңач* ‘чибис’, *сыбыс* ‘усач’, *эмчӱчек* ‘пескарь’, *чагырга* ‘кедровка’, *ситкім* ‘блоха’, *чончалах* ‘ласка’, *сарлыган* ‘пищуха’, *чилбігей* ‘копчик’, *саруч* ‘горноста́й’, *чӱскен* ‘крот’ и др.; фитонимы: *пайлаң* ‘пихта’, *пудах* ‘ветка, тоненькие сучья’, *кӱбігей* ‘брусника’, *кӱк кӱбігей* ‘голубика’, *хара кӱбігей* ‘черника’, *хозан эмчегі* ‘малина’, *эпчигей* ‘чертополох’, *салгай* ‘крапива’, *сыра* ‘молодые побеги кедра, кедр’, *чылтыс* ‘корень’, *чӱліге* ‘ветвистое дерево’ и др.; названия лиц, связанных родственными отношениями: *энес* ‘свекровь’, *агай* ‘дядя’, *кӱнчі* ‘ребёнок’ и др.; названия праздников: *шылгайах* ‘масленица’, *сесенчік* ‘сочельник, канун’, *аргамах сесенчігі* ‘рождественский сочельник’.

Собранный материал, даже по предварительному анализу, позволяет делать вывод о том, что лексический фонд кызыльского диалекта недостаточно вовлекается в процесс развития хакасского литературного языка в силу его малоизученности.

Изменения общественно-политического характера затронули как места бывшего компактного проживания кызыльцев, так и их самих. Государственная политика 50–70-х гг. прошлого века была направлена на ликвидацию малых сел, в результате чего в стране происходили активные процессы внутренней миграции. Они коснулись и хакасов, в том числе и кызыльцев, компактно проживавших в сельской местности. В результате реформ коренные жители малых сел оказались в меньшинстве в тех населенных пунктах, куда они переселились. Таким образом, они потеряли родную языковую среду и традиционный уклад жизни. Экспедиция 2013 г. показала, что собрать языковой материал во всех селах,

где активно работали в 40-х гг. прошлого века ученые ХакНИИЯЛИ, невозможно либо в силу полного обрусения кызыльцев (с. Ораки, Парная), либо переезда кызыльцев в другие, более крупные, обеспеченные рабочими местами населенные пункты (в города Красноярск, Абакан, Черногорск и райцентры), либо упразднения сел (с. Половинка, Ошколь, улусы Янгулов, Сулеков, Барбаков, д. Гидро и др.).

Как отмечали информаторы, в с. Ораки Шарыповского района Красноярского края в среде кызыльцев — местных жителей — в советское время наблюдалась тенденция к быстрому обрусению, которую связывают как с передачей северной части территории Хакасской автономной области Красноярскому краю, так и с субъективными причинами. Эти факторы нуждаются в специальном исследовании. Например, среди материалов школьного музея с. Ораки, которые нам любезно предоставила его директор Е. В. Буркина, мы обнаружили статистическую информацию, наглядно демонстрирующую процессы изменения национального состава этого села, повлиявшие на растворение кызыльцев в русскоязычной среде: в 1911 г. в улусе Урак (Орак) проживало 494 человека, из них 13 русских, а в 1954 г. здесь же проживало 1098 человек, из них 144 хакаса. Сегодня в с. Ораки осталось всего четыре семьи хакасов, но нет носителей кызыльского диалекта. Последний носитель Шушеначев (пожилого возраста) переехал к дочери в г. Красноярск.

Многие опрошенные во время экспедиции 2013 г. кызыльцы подчеркивали, что их диалект в годы советской власти и в последующее время был в забвении, его данные не были учтены при формировании литературного хакасского языка. В его основе лежат качинский и сагайский диалекты, которые были избраны в силу многочисленности их носителей. Соответственно, литературный язык был для них не совсем понятен, что, по нашему мнению, не вызывало желания выписывать газету на хакасском языке еще в 40-е гг. прошлого века.

Собранный нами во время экспедиционных поездок материал был проанализирован

с точки зрения особенностей семантики и грамматики. Он может быть использован для обогащения словарного состава современного хакасского литературного языка. В частности, в лексике этого диалекта выявлены собственно кызыльские слова, служащие для называния реалий, которые обозначаются в хакасском литературном языке русизмами. Эти диалектизмы можно ввести в литературный язык для широкого использования. К ним относятся слова *аргамах* 'рождество', *эм* 'наживка, приманка', *селек* 'палатка, полог от комаров', *силес* 'вилка', *аныхтар* 'орудия охоты', *абра* 'телега', *кӱспӱк* 'зрение', *халбах* 'абажур', *сыра* 'пиво', *хантыргаши* 'кнопка', *серген* 'нашивки', *кайле* 'жест', *ибӱре* 'круг' и мн. др. Сейчас можно сказать, что советские языковеды при работе над созданием норм хакасского литературного языка допустили упущение, ограничившись исключительно данными качинского и сагайского диалектов, не принимая во внимание остальные.

Экспедицией установлено, что в настоящее время свободно владеют родным диалектом только представители старшего поколения, молодое поколение предпочитает использовать русский язык. Возраст информантов, которых нам удалось записать, колеблется от 52-х до 95-ти лет. От них же получена информация о том, что дети и внуки не говорят по-кызыльски и не изучают или не изучали хакасский язык в школе.

Большую роль в утрате родного языка в советское время сыграло отсутствие школьного преподавания хакасского литературного языка в местах компактного проживания кызыльцев. В результате проведенных в 2013 г. опросов нам стали известны случаи, когда братья и сестры, родители которых использовали в семье родной язык, представляли разные уровни владения языком. Приведем конкретный пример. Те родственники (брат и сестра), которые изучали хакасский литературный язык в с. Топаново Ширинского района Хакасской автономной области, стали в последующем активными носителями, использующими родной язык в общении. Не изучавший в школе хакасский литературный язык млад-

ший брат впоследствии перешел на русский язык, характеризуя сейчас свое знание языка как «понимаю, но не говорю». Таким образом, несомненно огромная роль школы в передаче родного языка последующему поколению. В настоящее время хакасский язык ведется только в одном селе, где проживают кызыльцы, это Белый Балахчин. В связи с современными реформами в системе школьного образования, как поясняют специалисты Министерства образования и науки Республики Хакасия, невозможно ввести уроки хакасского языка в малокомплектных школах, так как для этого не хватает учеников. Опрошенные нами кызыльцы подчеркивали, что введение в образовательный процесс в сельских школах предмета «Хакасский язык» весьма желательно. Также высказывалось пожелание по введению в местных Домах культуры кружков по изучению хакасского языка, который могли бы посещать и взрослые.

Среди владеющих родным диалектом кызыльцев, которые долгое время проживали в городах, наблюдается процесс нивелировки диалектных особенностей. Например, замена кызыльских фонем *ш*, *ж* в коренных словах и аффиксах на общехакасские *ч*, *ч* (кыз. *шылгы* 'лошадь' — лит. *чылгы*, кыз. *эжем* 'моя мать' — лит. *ічем*).

В настоящее время в среде самих кызыльцев возрождается интерес к родному языку и культуре. В 2012 г. в с. Сарала Орджоникидзевского района состоялась районная конференция представителей хакасских кызыльских родов «Сохранение и развитие языка и культуры хакасов-кызыльцев в Орджоникидзевском районе». Одним из инициаторов проведения этого мероприятия стал энтузиаст М. М. Табаткин, кызылец по происхождению. Он также возродил народный праздник Сахлат (проведен летом 2013 г.), опираясь на собственные знания о нем, полученные от старших родственников. В Орджоникидзевском районе Республики Хакасия есть кызыльские песенные коллективы, которые

таким образом популяризируют свою культуру и язык. Многогранна деятельность А. В. Курбижековой, которая является хранителем и продолжателем семейных традиций сказывания героических сказаний (ее дядя, П. В. Курбижеков, был талантливым исполнителем-хайджи). Таким образом, благодаря работе энтузиастов из Орджоникидзевского района пробуждается интерес в среде самих кызыльцев к своим корням и культуре, а также и других жителей Хакасии. В с. Ораки Шарыповского района активную деятельность по изучению истории родного села и кызыльцев ведут заведующая школьным музеем Е. В. Буркина и заведующая сельской библиотекой Н. К. Курбижекова. Тем не менее нужна поддержка и со стороны государственных структур республики, например, возможно было бы создать в Орджоникидзевском районе Хакасии этнокультурные центры или музеи этнопедагогики с частичным государственным финансированием.

Таким образом, экспедиция сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории выявила критическое положение кызыльского диалекта хакасского языка. В настоящее время самой актуальной задачей для исследователей хакасского языка является фиксация данных диалектов, необходимо продолжение работ по записи на электронные носители как можно большего объема материала у представителей старшего поколения. Для этого крайне необходимо выезжать в села и работать на местах с информаторами. Собранные исследователями комплексные материалы могут быть использованы как один из важнейших источников по истории формирования хакасского языка, пополнения базы современного литературного языка диалектизмами в условиях современных общественно-политических преобразований, а также при переиздании академической грамматики хакасского языка. Научная обработка собранных записей звучащей речи позволит ввести в тюркологию ценную информацию по диалектам хакасского языка.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛЬНОЙ СЛОВОФОРМЫ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

И. М. Чебочакова

УДК 811.512.153

Материалы хакасского языка демонстрируют примеры затемнения морфологической структуры слова, связанного как с историческим закреплением в слове морфонологических изменений, так и с регулярной деформацией словоформ при словоизменении. На усложнение структуры хакасских словоформ влияет и использование некоторых частиц в качестве аффиксов. В статье рассматривается встраивание частицы =ох в структуру словоформ.

Ключевые слова: хакасский язык, морфемное устройство слова, агглютинация, фузия, аффикс, частица, словоформа.

Наиболее характерным отражением структуры языка является слово. Типологически важным является такой морфологический признак, как способ организации слова, т. е. выражение деривационного, словоизменительного и формообразовательного значений посредством морфем и способ соединения друг с другом. Как писал В. Я. Плоткин, «высочайшую степень языковой специфичности следует искать в организации слова. Системная типология возвращается к морфологической характеристике слова как к ведущему типологическому критерию, который был выбран основателями лингвистической типологии в начале XIX в.» [1, с. 12]. Сказанное им не утратило своей актуальности и в наши дни, когда в науке о языке активно развиваются разные направления.

Хакасский язык, как известно, относится к агглютинативному типу языков. В хакасском слове представлена правосторонняя агглютинация: крайнюю левую позицию занимает корень, за ним следуют словообразовательные аффиксы, затем формообразовательные аффиксы (залоговые, аспектуальные), словоизменительные аффиксы: время, лицо глагола, принадлежность, падеж, число существительного. Такова «идеальная» морфологическая структура агглютинативного слова. Богатейшим потенциалом агглютинативных языков является покомпонентное наращение смысла, реализуемое через последовательное присоеди-

нение аффиксов. Н. А. Баскаков привел пример словоформы такого рода: *dzara-m-sa-q-la-n-uw-sy-lar-ymyz-da-man* 'я у наших подхалимов', где представлено семь деривационных аффиксов [2, с. 260].

Традиционным считается противопоставление агглютинации и фузии при учете организации слова. Так, для агглютинации характерным является определенная последовательность морфемных аффиксов, прозрачность структуры слова: на стыках морфем, как правило, не возникает звуковых изменений, однозначные аффиксы располагаются по убыванию лексичности и нарастанию грамматичности [3, с. 17].

Традиционной является точка зрения о том, что тюркское слово прозрачно на морфемных границах, аффиксы однозначны [4, с. 74]. Но еще В. В. Радлов и О. Н. Бетлингк отмечали фонетические явления, сопровождающие процесс агглютинации: появление соединительного гласного, сплавление двух гласных в дифтонг или долгий гласный, устранение одного из гласных, появление согласного в целях устранения hiatus'a, смягчение глухого согласного в ауслауте корня или анлауте суффикса, ассимиляция ауслаута корня с анлаутом аффикса [5, с. 110; 6, с. 147–237]. В. В. Радлов для объяснения одного из возможных путей образования аффиксов ввел специальный термин «гиперагглютинация» — «прочное сплавление корневой и аффиксальной морфем,

в результате которого аффиксальная морфема входит в состав неразложимой основы (корня)» [5, с. 110]. А. Н. Кононов отметил, что структура тюркского слова — в части деления на корневую и аффиксальную морфемы — чрезвычайно трудно поддается анализу «в силу динамической природы аффиксальных морфем» [5, с. 120].

Материалы хакасского языка демонстрируют значительное количество примеров затемнения морфологической структуры слова, связанного как с историческим закреплением в слове морфонологических изменений, так и с регулярной деформацией словоформ при словоизменении. Некоторые особенности структуры слов, подвергшихся опрощению, полному и неполному, рассмотрела Д. Ф. Патачакова [7, с. 108–122]. Интересные обобщающие сведения по фузии (причины ее появления, перечень грамматических форм, где деформируется морфологическая структура агглютинативного слова) содержатся в работе В. Г. Карпова «Типологические сдвиги в хакасском языке». Анализируя процессы стяжения аффиксов, совмещающих в себе несколько значений, случаи нарушения гармонии гласных («опередненный вариант =а»), «употребляющийся только в последнем слоге слова, независимо от качества гласных предыдущих слогов», приходит к выводу, что «в современном хакасском языке и его диалектах заметно проявляется тенденция распатывания агглютинативного механизма и усиления флектизации» [8, с. 86–87].

Существует квантитативный метод, «в своей основе метод Сепира, но с некоторыми видоизменениями», с помощью которого Дж. Гринберг предложил классифицировать языки мира: «Делается попытка охарактеризовать каждый признак, используемый в данной классификации, через отношение двух единиц, каждая из которых получает достаточно точное определение посредством исчисления числового индекса, основанного на относительной частотности этих двух единиц в отрезках текста» [9, с. 74].

В основе классификации Гринберга лежат пять признаков, в соответствии с которыми подсчитываются такие индексы, как индекс

синтеза, агглютинации, словосложения, деривации, преобладающего словоизменения. «Ценность данных индексов заключается в том, что мы можем применить использованные величины последовательно и таким образом, что они окажутся применимыми ко всем языкам» [9, с. 80]. Также он подчеркивает возможность мониторинга изменения индексов в связи с развитием языка.

В нашей работе «Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте)» [2008] говорится об опыте применения данного метода к отрывкам связного текста в 100 словоформ. Было выявлено, что постепенное наращение смысла наблюдается среди многокомпонентных словоформ с залоговыми аффиксами. Также через сравнение индексов реальных и полученных через восстановление всех нарушенных границ между корнем и словоизменительными морфемами и на стыке двух словоизменительных морфем установлено, что для хакасского языка высок уровень деформаций основ, таким образом, некоторые выводы В. Г. Карпова находят свое подтверждение и через квантитативный метод [10, с. 18–21].

В хакасском слове представлено затемнение морфемных границ вследствие метатезы, выпадения сверхслабых согласных и комплексов звуков, особенно показателя деепричастия =ын в составе аналитической конструкции, образования гласных вторичной долготы.

В процессе работы над отрывками текстов был выявлен и другой аспект, который влияет на усложнение структуры хакасских словоформ и в целом увеличивает число ее значимых элементов. Это распространенное использование некоторых частиц в качестве аффиксов. Речь здесь не идет о постпозиционном их расположении (например частица =ох в словоформе *тур=ар=ым=ох* 'я тоже встану'), а о выраженной тенденции встраивания между определенными показателями внутри самой словоформы (ср. *тур=ар=ох=нын* 'я тоже встану'). К таковым относятся частицы *ох* (выражает утвердительность, с вариантом *öк*), *даа* (выражает усиление, уступку, с вариантами *дее*, *таа//тее*), *ла* (ограничительная,

с вариантами *ле, на/не*), *на* (выражает вопрос, варианты *не, ма, ме*).

В «Грамматике хакасского языка» отмечается, что перемещаться в словоформе могут частицы *=ох* и *ла* [11, с. 249]. Нами же дополнительно выделены примеры перемещения частиц *даа* и *на*. К сожалению, объем статьи не позволяет рассмотреть все подобные явления, мы остановимся только на случаях встраивания частицы *=ох*. Следует отметить, что при присоединении к основам слов последней происходят морфонологические изменения, в результате которых утрачивается четкость морфемных швов (*таңдох* ‘завтра же’ от *таңда=ох*, *төрелектөк* ‘когда еще не родился’ от *төре=елек=те=өк*).

Относительно семантических особенностей частицы можно сказать следующее. В «Грамматике хакасского языка» отмечается: «Утвердительные частицы *=ох//=өк* ‘также’, ‘тоже’ выражают утверждение и подтверждение», присоединяясь к глагольно-именным формам до аффиксов лица и некоторых аффиксов времени, без изменения значения [11, с. 249]. Рассмотрение семантики этой частицы и других в составе глагольных форм требует специального исследования, так как здесь имеют место не просто случаи формального встраивания «без изменения семантики», но более глубинные процессы. Как отмечают М. И. Черемисина и Т. Н. Боргоякова, вхождение *=ох* в состав причастных форм на *=галах*, подвержение его закону гармонии гласных, сопутствующее ему стяжение могут говорить о тенденциях, способствующих формированию новых грамматических средств: «О становлении последних можно с уверенностью говорить лишь тогда, когда специфическим формам соответствуют в языке специфические смыслы. И с этой стороны рассматриваемый нами процесс остается незавершенным, хотя о некоторой специализации форм на *=ох*, особенно на *=көх*, говорить уже можно. ... Принципиально сходные процессы формирования новых средств синтаксической связи частей полипредикативных конструкций за счет объединения базовых форм с частицами известны в истории других языков. Примером может быть

история русского союза *если* (из *есть + ли*)» [12, с. 578]. В «Грамматике хакасского языка», в параграфе, посвященном условному наклонению, отмечается: «С частицей подтверждения *=ох/өк* глаголы в форме условного наклонения обозначают действие, после совершения которого сразу же начинается совершение другого действия» [11, с. 193]. Приведем примеры: *Арачыланып алзох* (*ал=за=ох*), *писсер айланар* — ‘Как только защитится, сразу же вернется к нам’. Ср.: *Арачыланып алза, писсер айланар* — ‘Когда защитится, вернется к нам’. *Будильник сыгдыразох* (*сыгдыра=за=ох*), *чара чачырас пол парча* — ‘Как только будильник зазвенит, происходит взрыв’. Ср.: *Будильник сыгдыраза, чара чачырас пол парча* — ‘Когда будильник зазвенит, происходит взрыв’.

Перейдем к рассмотрению примеров.

Частица *=ох* в составе форм настоящего времени на *=ча*

Хайди писатель Н. Доможаков чииттерге чол асханын пілібөкчем (ХЧ) — Как писатель Н. Доможаков открывал молодым дорогу, я тоже знаю.

Хазна органнында реформалар иртірері киректелібөкче (ХЧ) — В государственных органах также необходимо проведение реформ.

Мариксер чөрібөкчезің ме? (Доможаков, с. 73) — Ты к Марик тоже ходишь?

Итсе, устаг орнынзар одырчатхан кізінің чазы санга алылыбөхча (ХЧ). — На самом деле, возраст человека, принимающего руководящую должность (букв.: садящегося на место руководства), тоже принимается в расчет.

Теелібөкче (ХЧ) — Оно тоже касается.

Тібөкчелер (ХЧ) — Они тоже называют.

Улуг ахсылыг ипчі согынга саналбинохча (ХЧ) — Женщина с большим ртом также не считается некрасивой.

Чуртабинохчабыс (ХЧ) — Мы тоже не живем.

Таким образом, частица *=ох* занимает в структуре глагольной формы настоящего времени позицию после деепричастного показателя на *=ып* (или отрицательного *=бин*) перед аффиксом настоящего времени *=ча*.

Частица =оx в составе форм прошедшего времени на =ган, =цаң, =тыр

Халганоxтар (ХЧ) — Они тоже остались.

Табылганоxтар (ХЧ) — Они тоже были избранны.

Ойначаңоxлыс (ХЧ) — Мы тоже играли.

«Я, — сагынган ол, — нис тее чиит полгабызоx, ат үстүнде, ник одырып, чүгүртчеңкнис, нимени нимее салбин, по оңдайынча хылынчаңмыс» (ХЧ) — «Да, — думал он, — мы тоже были молодыми, тоже скакали на коне (принуждали коня бежать), сидя прочно (в седле), поступали по-своему, ни на что не обращая внимания».

Сиңне чилегізінең үгіре ісчеңөктер (Туран, с. 47) — Из корневища марьиного корня они тоже ели суп.

Я, андаг чон чуртабоxтыр (ХЧ) — Да, такой народ тоже жил, оказывается. Ср.: *Хыргызтар полтыроxлыс* (ХЧ) — Оказывается, мы были также и кыргызами.

Частица =оx занимает позицию после показателей прошедшего времени на =ган и =цаң перед аффиксами лица и вариативна в расположении в структуре глагольной словоформы прошедшего заглазного на =тыр.

Частица =оx в составе форм совершенного вида

В трудах по морфологии и учебниках хакасского языка как показатель совершенного вида дается аффикс =ыбыс с вариантом =ібіс. По своему происхождению он составной, возник из сочетания показателя аффикса дее, причастия на =ыл и вспомогательного глагола ыс= с исходным значением 'посылать'. С происхождением показателя связана возможность встраивания частиц в него. Приведем примеры.

Пычон наныбогысхан (Доможаков, с. 220) — Пычон тоже ушел домой.

Көйізі хатхырыбогысхан (Тиников, с. 111) — Его тетя тоже засмеялась.

Хулгаларда нүдүрчүннер узубогысхан (Тиников, с. 76) — Перепела среди всходов тоже заснули.

Че хызыл тегілектер амды нистің тетрадьтарыбыста чарыбогысханнар (Казачинова, с. 103) — Но красные круги теперь тоже засветились и в наших тетрадях.

Че, син ізібөгіс (Тиников, с. 139) — Ну, ты тоже вышей.

Частица =оx в составе форм будущего времени

В формах глагола будущего времени частица =оx может занимать позицию после показателя будущего времени =ар перед аффиксом лиц =бын (I лицо ед.ч.), =нис (I лицо мн. ч.).

Парарохпын (ХЧ) — Я тоже пойду.

Көрерөкнис (ХЧ) — Мы тоже увидим.

Частица =оx в составе аналитических конструкций

Частицы употребляются также в составе глагольных аналитических конструкций, занимая позицию после первого компонента — деепричастия — перед вспомогательным глаголом, выражая различные оттенки значения.

Пычон, інектер чіли, хараазынаң тайнаныбоx одыр (Доможаков, с. 120) — Пычон, как коровы, по ночам тоже жует.

Саролны таабоx алтырзың (Доможаков, с. 118) — Сарола ты тоже, оказывается, нашел.

Нөös кизи өлібөк парар? (Туран, с. 66) — Неужели человек тоже умрет?

Соонаң постин таабоx алгабыс (ХЧ) — Потом свое мы тоже нашли.

Андар ла килгенде, хайди метрода полбассың? Андар түзібөк партыр (ХЧ) — Если туда приехал, как не побываешь в метро? Туда он тоже спустился, оказывается.

Чир күстенчик ипчи нис палазын чон аразына кирибөк парир, сагам аның холында ікі ле пала халды (ХЧ) — Очень трудолюбивая женщина помаленьку тоже ставит на ноги своих пятерых детей (букв.: вводит в народ), теперь у нее на руках осталось только двое детей.

Частица =оx в составе именного сказуемого

Тыва чирінде Сапьян харындастар парохтар (ХЧ) — В Туве тоже есть братья Сапьяны.

Оларның аразында хайзы ипчилер, хайзы олганнар парохтар (Хызыл чазы, с. 136) — Среди них также есть кто женщины, кто дети.

Оолгы Сабис, хызы Кнай хадарчюхтар (Доможаков, с. 182) — Сын его Сабис, дочь его Кнай тоже пастухи.

Тимдөктер муңар механизаторлар, шоферлар, техниктер — *Ким суга чүген сугар улус* (Баинов, с. 41) — Также готовы тысячи механизаторов, шофера, техники — народ, который наденет на Енисей узду.

В приведенных примерах частица =ох имеет значение утвердительности, подтверждения.

По материалам, записанным Н. Ф. Катановым в конце XIX — начале XX в., можно сделать вывод, что и в то время частица =ох была очень употребительна и могла перемещаться внутри глагольной словоформы. Приведем примеры: *Анызын салчых-ох, уттыры-бох-ысчых* (ОНЛТП, с. 273) — Того (жеребца) тоже поставил на кон, *тоже проиграл*; «*Перзе, перер-өк-ни!*» (ОНЛТП, с. 293) — «Если даст, я тоже дам!».

Подводя итоги, можно сказать, что постпозиционная частица =ох, как и некоторые другие, в хакасском языке обладает способностью к перемещению внутри глагольной словоформы, может занимать позицию перед аффиксом настоящего времени =ча, которая по происхождению является стянувшейся формой вспомогательного глагола аналитической конструкции *чат*= 'лежать', в современном хакасском языке является синтетической, имея сингармонический вариант =че. Также частица встраивается и перед «родственными» по происхождению форме на =ча показателями =чадыр (=чат=дыр), =чатхан (=чат=хан).

В случае же с формами будущего/прошедшего времени наблюдается иное расположение частицы: она представлена после аффиксов =ган и =чаң, =ар перед показателями лица. Частотно ее употребление в составе аналитических конструкций (перед вспомогательным глаголом). Вариативность постановки связана с процессами формирования синтетических показателей времени, вида из аналитических конструкций. Выявляется тяготение частицы

=ох к лексическому центру словоформы. Для подведения окончательных выводов по семантике требуется более детальное изучение подобного рода явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плоткин, В. Я. Строй английского языка. — М., 1989.
2. Баскаков, Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. — М., 1979.
3. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. — М., 2000.
4. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. — М., 2002.
5. Кононов, А. Н. О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. — М., 1971. — С. 115–120.
6. Бетлингк, О. Н. О языке якутов. — Новосибирск, 1989.
7. Патачакова, Д. Ф. Морфемная структура слова в хакасском языке // Лексикология и словообразование хакасского языка. — Абакан, 1987. — С. 108–122.
8. Карпов, В. Г. Типологические сдвиги в хакасском языке // Вопросы хакасского литературного языка. — Абакан, 1984. — С. 73–89.
9. Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 3. — М., 1963. — С. 60–93.
10. Тараканова, И. М. Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте). — Абакан, 2008.
11. Грамматика хакасского языка. — М., 1975.
12. Черемисина, М. И., Боргоякова, Т. Н. О хакасском причастии на =галах/=гелек в роли зависящего предиката // Черемисина, М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. — Новосибирск, 2004. — С. 573–584.

СОКРАЩЕНИЯ

ОНЛТП Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. Тексты. Изданы

В. В. Радловым, собранны Катановым Н. Ф. Тинников, Н. Т. Тіріг кізі өлбечен. — Абакан, 1982.
СПб., 1907. — С. 613. Туран, М. Пай тирек. — Абакан, 1981.

ХЧ — Хакас чирі. Газета на хакасском языке. Туран, М. Чуртас чолларынча. — Абакан, 1984.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Баинов, Б. Тас сом. — Абакан, 1967.

Казачинова, Г. Пістің аалдағы олғаннар. — Абакан, 1991.

Хакас чирі. Газета на хакасском языке.

Хызыл чазы. Чоохтар, стихтар, пьесалар. — Абакан, 1982.

СИСТЕМНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ*

М. Д. Чертыкова

УДК 81.373

В статье анализируются основные типы системных взаимоотношений хакасских глаголов со значением эмоции. Выявлены такие основные типы взаимоотношений, как синонимия, антонимия, функциональная эквивалентность. Многозначный глагол представляет собой целую микросистему, лексические компоненты которой взаимодействуют на функционально-семантическом уровне с другими лексическими единицами лексико-семантической группы. Все описанные явления подтверждаются фактическим материалом письменной и устной речи.

Ключевые слова: глаголы эмоции, синонимы, контекстуальные синонимы, антонимы, функциональная эквивалентность, многозначный глагол, системные взаимоотношения, хакасский язык.

Одним из аспектов исследования лексико-семантических групп (далее ЛСГ) является установление взаимоотношений между ее членами. Наиболее ярко системные связи глаголов обнаруживаются в их распределении по семантически объединенным подгруппам. Отношения между словами неразрывно связаны с отношениями между реалиями объективной действительности и их отражением в сознании человека. Иными словами, реалии в действительности связаны предметными отношениями, концепты в мышлении связаны логическими отношениями, а отношения между значениями лексических единиц, обозначающих данные реалии и концепты, отно-

сятся к сфере языка и называются семантическими.

Основными типами семантических связей между лексемами являются синонимические, антонимические, гипонимические, деривационные и другие отношения. Эти связи находятя между собой во взаимосвязи и взаимодействии.

Синонимические отношения. Синонимические связи являются одной из основных форм проявления системности ЛСГ. В составе ЛСГ глаголы рассматриваются на уровне синонимических рядов.

В понимании синонимов мы придерживаемся традиционных определений: это слова, относящиеся к одной части речи, значения которых содержат тождественные элементы; различающиеся элементы этих значений

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00201).

устойчиво нейтрализуются в определённых позициях, т. е. несмотря на то, что синонимы выражают общее понятие, они все-таки расходятся в оттенках. Синонимы делятся на **абсолютные, идеографические, стилистические,okkaциональные, однокоренные**. Доминантой (базовым или опорным словом) синонимического ряда выступает наиболее употребительное, семантически наименее содержательное и стилистически нейтральное слово.

Вслед за рядом исследователей, считаем, что синонимические ряды должны состоять из синонимов-семем, а не из синонимов-лексем (лексема — слово во всей совокупности его значений, семем — одно из значений слова). «В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте, под которым мы понимаем ситуационный или эксплицитный контекст, неважно какой, поскольку в неограниченном или продуктивном тексте (живом языке) мы всегда можем превратить ситуационный контекст в эксплицитный контекст» [1, с. 203]. Такой подход широко распространён в теоретических работах по синонимии. Он позволяет рассматривать синонимический ряд как группу слов, объединённых сходством лексических значений и, как правило, обладающих теми или иными различиями, семантическими и стилистическими. Многозначные слова в этом случае могут вступать в синонимические отношения по одному из своих лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Изучение функционирования синонимических лексем в синтагматике — это исследование живых процессов в языке, специфики актуализации значения лексемы, которое позволяет проследить индивидуальные авторские словоупотребления и обнаружить приращение смыслов в содержании той или иной языковой единицы.

При выделении глаголов в синонимический ряд используются как компонентный анализ, так и приемы дистрибутивно-статистического метода. С помощью этих методов устанавливается степень синонимичности слов в пределах одной парадигмы, а также тождественные и дифференциальные семы в значе-

ниях глаголов при их сравнении с идентификатором.

Например, глаголы со значением злости в хакасском языке, по нашим показаниям, представлены 21 глагольной единицей и фразеосочетаниями, которые образуют отдельную подгруппу в составе ЛСГ глаголов эмоции. Все они обозначают возбужденное негативно настроенное переживание неприятного чувства, вызванного различными причинами. Эти глаголы объединены общим инвариантным значением «испытывать, проявлять чувство гнева, неудовлетворения», выразителем которого является многозначный глагол **тарын** «сердиться, возмущаться, злиться, обижаться». В рамках данной подгруппы отношения тождества между глаголами и фразеосочетаниями представлены четырьмя синонимическими рядами: 1) синонимический ряд глаголов с общим значением «испытывать чувство злости, негодования»; 2) синонимический ряд глаголов с общим значением «проявлять чувство гнева, злости, негодования»; 3) синонимический ряд глаголов с общим значением «внутренне переживать чувство злости, обиды»; 4) синонимический ряд фразеосочетаний с общим значением «злиться». За общностью инвариантного значения глаголов злости стоят дифференциальные признаки в семантике каждого глагола.

Отношения функциональной эквивалентности. Под функциональной эквивалентностью обычно понимается способность слова употребляться в речи вместо других единиц лексико-семантической системы, не будучи синонимом. «Функциональными эквивалентами являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же или одних и тех же предложений» [2, с. 123]. Помимо синонимичных отношений между лексическими единицами на основе их первичных или вторичных значений исследователи выводят категорию функциональной эквивалентности между лексемами. «В семантических оппозициях глаголов одной группы заложены потенциальные возможности их нейтрализации при употреблении в контекстах, снимающих различия этих глаго-

лов, делающих их функционально эквивалентными» [3, с. 113]. Отношения функциональной эквивалентности по сути своей являются синонимическими в широком смысле или же их называют «контекстуальными», «потенциальными» синонимами. В отдельно взятом контексте может произойти нейтрализация семантических различий глаголов — членов одной ЛСГ, это могут быть родо-видовые оппозиции, например между идентификатором и одним из членов ЛСГ, обычно периферийной ее части. Э. В. Кузнецова отмечает, что нейтрализация их семантических различий осуществляется через посредство строго определенных контекстных позиций двумя путями:

— путем возникновения дополнительного семантического признака у базового глагола, когда его обобщенное значение конкретизируется в контексте. ...;

— путем исчезновения, погашения различительного семантического признака у маркированного глагола, когда его конкретное значение обобщается благодаря отсутствию в контексте семантических оппозиций, поддерживающих данный семантический признак глагола [3, с. 113].

Мы в своих предыдущих исследованиях отмечали, что в структуре ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке нет идентификатора — выразителя общей категориально-лексической семы глаголов эмоции, как, например, в русском языке — глагол *чувствовать*. Однако отношения функциональной эквивалентности наблюдаются в родо-видовых привативных связях между доминантой семантической подгруппы и одним из ее членов (например **хатхыр** «смеяться» — **кідіре** «смеяться раскатисто, гоготать»; **ылга** «плакать» — **сүркүңне** «всхлипывать») или же между глаголами — представителями разных подгрупп (**хыргыстан** «1. раздражаться; 2. злиться» и **пу харахтаң көрбе** «ненавидеть»).

Контекстуальные синонимы, или их называют речевыми, — это слова, которые приобретают одинаковое значение в условиях определенного контекста. Обычно такие синонимы не тождественны и не имеют общих сем в языке. Для их сближения достаточно понятийной

соотнесённости, то есть ими могут становиться слова, вызывающие в сознании говорящего или пишущего определённые ассоциации. Абсолютно разные понятия могут вступать в синонимические отношения, означать одно и то же и свободно заменять друг друга в определённом контексте, но только в его пределах. В словарях они не фиксируются. В ЛСГ глаголов эмоции таких синонимов мы обнаружили не так уж много. Например, глагольно-именное сочетание **тіс хычырат** (букв. скрипеть зубами), на наш взгляд, еще не закрепился в языке как фразеологизм, однако мы встречаем его употребление в контексте в значении «злиться, озлобляться»: *Амыр даа кизілер, оларны көріп, тістерін хычыратханнар* — Даже спокойные люди озлоблялись, глядя на них. В данном случае сочетание **тіс хычырат** может синонимизироваться и взаимозаменяться с глаголом **тарын** «нервничать, сердиться, возмущаться, раздражаться, злиться, гневаться, обижаться».

Глагольно-именное сочетание **харахха кір** (букв. входит в глаза), также не будучи устойчивым фразеосочетанием, является индивидуальным, употребляется контекстуально в значении «нравиться» в предложении *Синің хызың минің оолгыма харахха кірче, пирерзің ме?* — Твоя дочь нравится моему сыну, отдашь ли ее? Здесь сочетание **харахха кір** является функциональным эквивалентом фразеосочетания со значением «нравиться» — **көңіңне кір**.

Антонимические отношения. Общепринятая трактовка антонимов гласит: антонимы — это слова одной части речи, различные по звучанию, имеющие прямо противоположные значения. Более подробное определение дает Н. Д. Шмелев: **антонимы** — семантически соотносительные слова, противопоставленные «по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку» [4, с. 202]. В рамках ЛСГ глаголов эмоции в антонимических отношениях находятся глаголы, выражающие противоположность эмоциональных действий и состояний. Например, антонимами являются как отдельные лексемы (**өрін** «радоваться» — **пичеллен** «печалиться», **махта** «хвалять» — **хырыс** «ругать» и др.), так и отдельно взятые семантические подгруппы (глаголы

смеха — глаголы плача, глаголы радости — глаголы печали и др.).

Следует также отметить, что антонимы обладают общей категориальной семой, объединяющей эти слова, и специфическими семами, которые противопоставляют их друг другу. Например, глаголы **хатхыр** «смеяться» — **ылга** «плакать» объединены общей семой «проявлять какие-л. эмоции», но противопоставлены друг другу свойственными для каждого семами: «положительные эмоции» и «отрицательные эмоции».

В лексикологии принято рассматривать антонимию так же, как и синонимию, как крайние, предельные случаи, с одной стороны, взаимозаменяемости, с другой — противопоставленности слов по содержанию. Если для синонимических отношений характерно семантическое сходство, то для антонимических — семантическое различие.

Многозначность. Многозначность является результатом того, что язык — система ограниченная, не столь широкая, как окружающая человека реальная действительность. «Естественное функционирование языка постоянно приводит к сдвигам простого соотношения «один к одному» и порождает иное соотношение — «один к более, чем одному», одно фонетическое слово в отношении ко многим предметам и значениям, т. е. многозначность слова» [5, с. 20].

Слова бывают однозначными и многозначными. Однозначные слова имеют только одно значение, обозначают только один предмет, явление, признак или действительность. Из числа глаголов эмоции можно привести в пример **цү харахнаң көрбеске** «ненавидеть (букв. этими глазами не видеть)», **өкерсін** «любоваться» и др. Обычно такие глаголы в ЛСГ глаголов эмоции входят в разряд одиночных.

Многозначное слово имеет несколько равноценных значений, за счет которых оно представляет собой целую микросистему, в которой ЛСВ значения взаимосвязаны и взаимообусловлены. Каждый ЛСВ слова обозначает отдельное понятие, может входить в разные типы значений, в отдельную антонимическую пару, может синонимизироваться с дру-

гими словами, иметь различную лексическую сочетаемость и различные словообразовательные возможности. «Лексико-семантический вариант является двусторонним языковым знаком, занимающим промежуточное положение между словом в языке и словом в речи, 1) вычленимым на пути реализации многозначного слова в речи и состоящим из формата и фрагмента единого смыслового содержания данного слова, и 2) словоупотребления которого создают его лексическое значение, принимающего наряду с формой лексико-семантического варианта участие в формировании многозначного слова» [6, с. 162].

Как известно, многозначный глагол представляет собой сложную структурную систему, внутри которой его различные ЛСВ соединяются или противопоставляются дифференциальными оттенками. Семантическая структура слова — это совокупность ЛСВ в его значении. При выявлении ЛСВ и дифференциальных оттенков семантики глагола значительную роль играет контекст. Тот или иной ЛСВ глагола определяется в условиях реализации в тексте, тем самым распознаются дифференциальные синтагматические семы — обязательные и факультативные позиции актантов. Реализация ЛСВ одного глагола, связанных типовыми дифференциальными признаками, позволяет также выделить их типовую сочетаемость, т. е. дать определенную характеристику тех позиций, которые чаще всего представлены в контексте. Тот факт, что между семантикой глагола и его сочетаемостью существует двусторонняя взаимозависимость (т. е. сочетаемостные возможности глагола зависят от его семной структуры), в последние десятилетия сближает интересы лексикологов и синтаксистов.

О. Ю. Кокшеникова в структуре хакасских многозначных глаголов выделяет следующие типы значений: 1. *Основное значение*, которое с точки зрения связи с действительностью определяется как номинативное, прямое, а по связанности с контекстом — как свободное. 2. *Производно-номинативное значение*, которое характеризуется как образованное от основного, по принципу сужения или рас-

ширения семантики. 3. *Переносное значение* (метафорическое), образовано от первичного на основе ассоциативных связей. 4. *Образно характеризующее значение* формируется на базе основного значения, но отличается от него образностью выражаемого таким способом представления об объекте, действии или состоянии. 5. *Фразеологически связанное значение* вне контекста не определяется, реализуется в сочетании только с определенными словами. Многие значения многозначных глаголов в хакасском языке могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, то есть в узкой сфере семантических отношений [7, с. 24–26].

На примере одного глагола рассмотрим, как его разные значения могут варьировать в зависимости от реализации в тех или иных контекстах. Глагол **хомзын** обозначает «грусть», «печаль» с оттенком размышления и обычно имеет длительный характер эмоционального переживания. В семантике данного глагола выделены следующие ЛСВ:

ЛСВ₁ «печалиться, грустить». *Пулуттыг куйн ноо осхассың? Хомзынчазың син нога? — Почему ты (выглядишь), как пасмурный день? Почему грустишь ты?*

ЛСВ₂ «переживать». *Че, чазыл табырах. Хомзынма, таңда килербинёк (Хт, 52) — Ну, поправляйся быстрее. Не переживай, завтра приду снова.*

ЛСВ₃ «жалеть». *Хоосчы полбааныма хомзынчам (Хч, 97, 1, с. 3) — Я жалею, что не стал художником. Объектом сожаления при глаголе хомзын обычно является жизненно важный факт (например несбывшаяся мечта, неудавшаяся жизнь, впустую растраченное время и т. п.).*

ЛСВ₄ «огорчаться». *Пир ле ниме аны хомзындырцаң: позының көгілбей түстерін чоохтачаң, аны исчең харындас-туңмазы чох полган (Т, с. 30) — Только одно его огорчало: у него не было братьев и сестер, которым он мог бы рассказывать свои голубые сны.*

ЛСВ₅ «обижаться». *Хомзынмаңар, мин сирерниң адыңарны алчаастаңчам — Не обижайтесь, я не помню ваше имя.*

В семантической структуре многозначных глаголов эмоции мы отмечаем три типа проявления многозначности:

а) глаголы, обозначающие эмоцию во всех своих ЛСВ. Как было сказано выше, такие глаголы представляют ядро исследуемой ЛСГ, и они составляют значительную часть всего лексического объема группы. Примеры, **айа** «1) жалеть, чувствовать жалость, сострадание к кому-л.; 2) жалеть, чувствовать расположение, любовь, симпатию; 3) падить; 4) сожалеть по поводу чего-л.; 5) скупиться, неохотно расходовать; 6) сочувствовать; 7) беречь»; **тарын** «1) нервничать; 2) сердиться; 3) обижаться» и др. Нужно отметить, что многозначные глаголы с семантикой эмоции обычно не выходят за пределы обозначения эмоции;

б) глаголы, обозначающие эмоцию в первичных ЛСВ. К данному типу относится только один глагол — **пыросын** «1) «чувствовать свою вину; 2) «извиняться»;

в) глаголы, обозначающие эмоцию во вторичных ЛСВ. Например, **марла** «1) реветь (о животных); 2) *разг.* реветь; громко плакать (о людях)»; **орла** «реветь (о животных); *разг.* орать, громко плакать (о людях)»; **ырсай** «*разг., груб.* 1) выступать, выдаваться, торчать (напр. о верхних зубах, о нитках при шитье); 2) оскалывать, скалить (*зубы*); 3) улыбаться, оскалывая зубы; оскалиться»; **сис** «1) надуться, пухнуть; 2) *перен.* дуться, сердиться и т. д. Как видим, эту группу составляют глаголы с ярко выраженной эмоционально-стилистической окраской.

Таким образом, глаголы эмоции представляют собой системно-организованную группировку, имеющую некоторую совокупность взаимоотношений, и которая несет информацию о реальной действительности. Члены ее связаны между собой родо-видовыми отношениями, а также отношениями синонимии, антонимии, полисемии, функциональной эквивалентности. Однако в данном исследовании лишь обозначены вопросы о взаимосвязанности глаголов в сфере одной ЛСГ. В дальнейшем необходимо более детальное изучение каждого из видов семантических связей глагольной лексики в пределах одной ЛСГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. — М., 1999. — С. 131–256.
2. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1989. — 216 с.
3. Кузнецова, Э. В., Боровикова Н. А. Функциональная эквивалентность глаголов в ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов. — Иркутск, 1989. — 177 с.
4. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977. — 335 с.
5. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания. — М., 1975. — 271 с.
6. Яковлюк, А. Н. Лексико-семантический вариант как связующее звено между многозначным словом в языке и его реализацией в речи // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. — С. 156–162.
7. Кокошникова, О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. — Новосибирск, 2004. — 144 с.

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ Э. ПАЛКИНА

Н. М. Киндикова

УДК 821.512.151

В статье речь идет о создании литературной биографии алтайских писателей, в частности биографии Э. М. Палкина (1934–1991) на основе архивного материала, автобиографии, воспоминаний о писателе. Научный интерес представляют фотографии из личного архива, экспонаты школьных музеев. Особое внимание уделяется первым отзывам о творчестве поэта и прозаика. Проблемой остается перевод произведений Э. Палкина на русский и другие языки народов России.

Ключевые слова: литературоведение, архив писателя, автобиография, воспоминания, лирика и эпос, проблема перевода и создание литературной биографии писателя.

Казалось бы, литературное наследие классиков алтайской литературы в какой-то степени рассмотрено в алтайском литературоведении: в «Истории алтайской литературы» (2004) написан литературный портрет писателей Аржана Адарова, Лазаря Кокышева, Эркемена Палкина, Бориса Укачина и других; их имена вошли в энциклопедический словарь «Литературы народов России. XX век» (2005); изданы монографические исследования об их жизни и творчестве [1; 2; 3; 4]. Тем не менее недостаточно изучен личный архив вышеупомянутых писателей, в частности, архив Эркемена Матыновича Палкина (1934–1991), заслуженного работника культуры РСФСР (1982), награжденного орденом «Дружба народов» (1984), общественного деятеля, поэта, прозаика, переводчика, публициста. В первую очередь, не найдена автобиография позднего периода, не обнаружены фотографии детских и юношеских лет, недостаточно изучено формирование его как писателя, не написаны воспоминания о нем. Молодому поколению полезно было бы узнать сведения о детских и юношеских годах поэта.

Дебют поэта состоялся в 1950-е гг. и первым считается стихотворение под названием «Комсомольский билет» (1951), обнаруженное нами в газете «Алтайдын Чолмоны» («Звезда

Алтая»). Впоследствии это стихотворение, заметно переработанное, вошло в переизданный к 50-летию поэта сборник стихов «Ак чечек» («Белый цветок», 1984). Заметим все же, что первоначальный вариант его выглядит лучше переработанного. На страницах местной газеты обнаружена также одна из первых фотографий поэта 1951 г.: Э. Палкин вместе со школьными друзьями — А. Адаровым, Л. Кокышевым, отмеченная как «ученики областной национальной школы».

Недавно в личном архиве профессора А. Т. Тыбыковой найден один из первых снимков поэта 1949 г., точнее, ученика 8 класса Онгудайской средней школы. В нем зафиксирован не только Э. Палкин, но и А. Адаров, который был старше его на один год. Но по прибытии в Горно-Алтайск они, точнее, А. Адаров 1932 г. рождения, Л. Кокышев — 1933 г. и Э. Палкин, оказались в одном классе.

К 80-летию юбилею писателя и общественного деятеля издан «Библиографический указатель» (2014), в котором впервые представлена автобиография Э. Палкина, написанная рукой поэта 11 мая 1959 г. Из нее мы узнаем, что первоначально, точнее, «с 1941 по 1946 г. он учился в Елинской начальной школе, 6 класс закончил в Каярлыкской семилетней школе,

а в 7 классе он учился в Каракольской семилетней школе» [5, с. 4]. Значит, восьмиклассником он оказался в Онгудайской средней школе, оттуда его перевели в областную национальную среднюю школу г. Горно-Алтайска. Здесь он проучился три года.

Из воспоминаний А. Адарова узнаем о том, что по окончании областной национальной школы они (здесь имеются в виду Адаров, Палкин, Кокышев — *Н. К.*) получили приглашение прийти в научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, директором которого тогда работал кандидат филологических наук Сазон Саймович Суразаков (1925–1980). Оказалось, там обсуждали кандидатуры поступающих в Литературный институт им. А. М. Горького. Консультант по национальным литературам Борис Арсентьевич Басаргин, приехавший из Москвы, увидел выпускников 10 класса, возмутился: «Да это же дети!.. А в Литературном институте учатся взрослые люди, многие — фронтовики» [6, с. 150–151].

И все же Сазон Саймович настоял, убедил принять их в Литинститут и помог абитуриентам деньгами — выделил по 400 рублей каждому. Директор национальной школы В. К. Плакас тоже выделил по 500 рублей для поездки своих выпускников в Москву. По воспоминаниям матери: «Москвaга ўренип барарда, кийдирип берер неме бар эмес, бир койды кыркыйла, тўгин эки бōстин ортозына салып шидейле, уулыма кийдирип бердим. Ол ло тонды кийеле барган. Жаман да деп айтпады, кийип ле алды. Ўйдежип, бу ойдо чылап, кем де барбаган. Бойы ла барган. Бир эмеш быштак салып бергем, бойы јаныс ла бичиктерин тудунып алган» — «Не было приличной одежды, сшила стеганку из только что стриженной овечки. Одед без критики, никто не поехал провожать. Сам уехал в Москву, взяв с собой только сырчик и свои книги» (запись и смысловой перевод наш. — *Н. К.*). Так они оказались в столице нашей родины. Прочувшись пять лет в Литературном институте им. А. М. Горького, три друга возвращаются на Алтай профессиональными писателями, за плечами которых ряд поэтических сборников.

О своих первых впечатлениях от встречи с московскими поэтами вспоминает вдова Э. Палкина, ныне известный литературовед Р. А. Палкина: «Конечно, в нашем маленьком городке Горно-Алтайске они сразу бросались в глаза, потому что были одеты по моде того времени: синие пальто с высокими плечами, белые кепки, узкие брюки и ботинки на толстой подошве. За ними сразу же закрепилось прозвище «стиляги». При этом они были раскованными, особенно Лазарь, и проникнуты патриотизмом. С московских высот смотрели они на жизнь своего народа и готовы были приласкать каждого алтайца» [7].

В автобиографии 1959 г. Э. М. Палкин делится своими радостями. Он, в частности, пишет: «В этом году издана первая книга стихов на русском языке в Москве». Как известно, дебют его состоялся в 1956 г. А в 1958 г. издан очередной сборник под названием «Родные люди», через год в издательстве «Молодая гвардия» опубликован сборник поэта «Такой обычай» (1959) в переводе на русский язык. Все это свидетельство его активного творческого роста. Таким образом, создание литературной биографии Э. М. Палкина — первостепенная задача литературоведческой науки.

«Библиографический указатель» (2014) дорог нам еще и тем, что в него впервые включены воспоминания родных и близких писателя. Прежде всего, интерес представляет воспоминания матери и отца, братьев и сестер. Мать Тана пишет о том, что куда бы ни поехал Эркемен, обязательно присылал записку матери. Отношение к матери сына было нежным и трогательным (уулы энезин јединип алган бызып отураp эмезе больницадан уулы энезине письмо бичип отураp ла о.о. — *Н. К.*). Все это — свидетельство его огромной любви и уважения к матери.

Из фотографий, подобранных для публикации в библиографическом указателе, нас заинтересовала еще одна фотография, в которой запечатлена династия четырех поколений: дедушка Дьорук, отец Матын, поэт Эркемен и его сын Сумер, не говоря уже о четырех дочерях Сумера. Дедушка, оказывается, дожил до 60-х гг. XX столетия, а отец Эркемена —

до 1990-х гг. Лично я встретила с родителями писателя в конце 1980-х гг., будучи аспиранткой ИМЛИ (г. Москва). В летние каникулы я собирала материал о детских годах Э. Палкина, расспрашивала его родителей и родственников. Эти записи ныне хранятся в архиве научно-исследовательского Института алтаистики им. С. С. Суразакова.

Мать поэта происходила из рода «тодош», отец прожил 96 лет, был из рода «телес», а значит, по алтайскому обычаю, Эркемен и Аржан Адаров были близкими родственниками по отцовской линии. В семье родителей было пятеро детей: две дочери и три сына, один из которых, а именно Эркемен Матынович, стал впоследствии поэтом, а другой — Александр Матынович — ученым, кандидатом физико-математических наук. Одна из дочерей — Клавдия — окончила физико-математический факультет Горно-Алтайского педагогического института и до конца своей жизни проработала в родном селе учительницей.

Литературное наследие Эркемена Матыновича Палкина состоит из нескольких поэтических сборников, ряда поэм и прозаических, публицистических, переводных произведений. С самого начала появления его творений литературоведы тепло отзывались по поводу его произведений. Причем, положительно отзывались такие видные литераторы, как В. Луговской, М. Светлов, В. Иванов, Е. Евтушенко и другие. Отмечали они наблюдательность, образную мощь, широту раздумий алтайского поэта.

Из местных литературоведов о творчестве Э. М. Палкина писали С. Суразаков, С. Каташ, В. Чичинов, Г. Кондаков, Р. Палкина и другие. О нем как об интеллигентном, добропорядочном, скромном человеке писали также такие коллеги по перу, как писатели А. О. Адаров, Б. У. Укачин, К. Ч. Телесов, Д. Я. Маскина и многие другие.

Один из первых отзывов написан литературоведом С. С. Суразаковым. В частности, он писал: «Наиболее крупным произведением Э. Палкина является поэма «Амыр» — поэма о становлении молодой алтайской интеллигенции. В ней дается всестороннее изображение

жизни современных алтайцев, отражена целая цепь раздумий поэта о судьбе своей родины, о ее природе, о своем народе, любовно истолковываются обычаи старины и т. д. Поэма построена на автобиографическом материале, и эта автобиографичность позволяет нам глубже заглянуть в душевный мир главного героя — молодого алтайского интеллигента Амыра, страстно любящего свой край и свой народ. Амыр — выходец из среды трудового народа. Он по приезде на родину из Москвы, где учился в вузе, горит жаждой настоящей работы, стремится, как можно скорее и больше сделать для своего народа. Поэма является взволнованным призывом к творческому труду, к созданию высокой социалистической культуры алтайского народа» [8, с. 111].

Особый интерес представляет монография «Эркемен — человек ласковый» (1995) критика и литературоведа, д-ра филол. наук, профессора С. С. Каташа. Книга эта посвящена жизни и творчеству писателя. В ней особо подчеркивается доброта алтайского писателя, поскольку в представлении алтайцев в самом имени заключен характер человека. Творчество Э. Палкина представлено в жанровом разнообразии: лирика, поэмы, эпические произведения.

В «Истории алтайской литературы» дан целостный портрет Э. М. Палкина в сопровождении научного анализа его произведений. Подробно анализированы лирика и поэмы поэта. Особо подчеркнуты его скромность, человечность. «Эркемен Палкин был большим жизнелюбом, оптимистом, щедрым, отзывчивым, внимательным и при этом скромным до застенчивости человеком. Личная неординарность в сочетании с мощным поэтическим даром предопределили его оригинальное видение, делали создаваемый им поэтический мир неожиданным и привлекательным» [1, с. 88]. Достаточно привести строки из стихотворения «Рысьи спины выгнули тропинки...» в переводе Г. В. Кондакова или «Алтай» в переводе И. О. Фонякова. Отрывок из последнего названного стихотворения звучит так:

Край, где жили наши предки,
Край, где нам досталось жить,

Рвать крыжовник с мокрой ветки,
 Песни новые сложить,
 Где, с рождения сердцу милы,
 На стоянке под горой
 Крыты круглые айлы
 Лиственничною корой...
 В очаге огонь играет,
 И аил издалека
 Нам порой напоминает
 Шапку с кисточкой дымка.
 Смех джигитов загорелых,
 Взоры девушек несмелых,
 Переключка птичьих стай —
 Родина моя, Алтай! [9, с. 70]

К спорным вопросам относится определение жанра прозаического произведения «Алан» (1978). Как известно, оно написано в 1960-е гг. в контексте развития алтайской прозы под названиями «Жеребенок ржет» (1962) и «Алан» (1966). Переизданное как одна книга в 2-х частях, эти повести названы автором романом. По поводу определения его жанра появились статьи двух литературоведов: Г. В. Кондакова и Р. А. Палкиной [10; 11, с. 28]. И все же, как бы ни называл автор свое произведение, теоретики науки о литературе должны быть точными, едиными в определении его жанра.

Такие коррективы внесены в свое время относительно рассказа П. В. Кучияка «Ескус-Уул» (1937) исследователем С. Суразаковым, поскольку автор называл его жанр повестью; драму Л. Кокышева «Туманный Аргут» (1969) можно отнести к трагедии и т. д.

Заметим также, что «Алан» переиздавался трижды, по мотивам его к 80-летию юбилею писателя поставлен спектакль режиссером Н. Ф. Паштаковым на сцене национального драматического театра им. П. В. Кучияка. При переиздании этого произведения можно было включить главу, названную автором эпилогом. Здесь имеется в виду глава под названием «Жазалбаган јол» («Неотремонтированная дорога»), опубликованная в 1967 г. в альманахе «Звезда», позднее включенная в книгу «Сердцу милый край» («Бичигенер јакшы, Эрте!», 1997).

Мы благодарны исследователю алтайской литературы, канд. филол. наук Р. А. Палкиной за издание неопубликованного при жизни писателя сборника стихов «Земля — отец, Солнце — мать» («Энебис — кун, адабыс — јер»), а также сборника рассказов и переводных стихов и поэм «Нам надо расти, обгоняя года» (2012) и очень надеюсь, что в перспективе она соберет в одну книгу воспоминания о писателе, так как уходят из жизни современники, друзья поэта, надо успеть зафиксировать их воспоминания о светлом человеке с доброй душой и талантливым писателе, публицисте, переводчике.

Два слова относительно переводных стихов поэта. При жизни автора изданы два поэтических сборника: «Такой обычай» (1959) и «Родной край» (1976). В новый сборник стихов — «Нам надо расти, обгоняя года» (2012) — вошли свежие переводы его стихотворений и поэм. Переводчиками выступают такие известные поэты, как Г. Кондаков, Е. Стюарт, И. Фояков, А. Преловский, С. Сомова, А. Сорокин и другие. И что удивительно, в переводах сохранены авторский стиль и манера стихосложения и самое главное — система поэтических образов. Обратимся, например, к стихотворениям «Сто лет», «Любить по-настоящему» и др. Перевод соответствует оригиналу. Кроме профессиональных переводчиков здесь, возможно, сыграла роль подготовка удачных подстрочников.

Л. Кокышев прожил всего 42 года, Э. Палкин ушел из жизни в 57 лет. Последние дни Э. М. Палкина зафиксированы другом и писателем Аржаном Ойинчиновичем Адаровым (1932–2006). Он вспоминал: «16 апреля 1991 года я лег в больницу. Мы выходили с Эркеменом в старый заброшенный парк. Грустно. Я спрашиваю у него: «Мы, может быть, зря везли этот тяжелый воз? Может быть, нам надо было работать на себя! Уйдем с этого света, вспомнят ли нас?» Эркемен долго молчал, потом грустно посмотрел на меня и сказал: «Каждый выполняет свою миссию на этом свете, не грусти о прошлом, Аржан. Вспомнят или не вспомнят — не знаю. Есть

великий судья — время и вечность». Через три дня он умер, стоя там же в парке, а я лежал под многочасовой капельницей. Смерть Лазаря поразила меня молнией, а уход из жизни Эркемена Матыновича и моей жены и друга Надежды сделали мудрее, и перед их светлой памятью я очищаю свою душу! Каждый день думаю о них. Духи моих братьев Эркемена и Лазаря, ныне уже и Бориса Укачина, всегда рядом со мной. Хочется жить ради их памяти» [12, с. 4]. Слишком рано ушли из жизни великие творцы алтайской литературы, исторические личности второй половины XX столетия! И все же скажем с гордостью, что их жизнь ныне продолжается в родном народе, в родном языке и литературе, оставаясь собеседником алтайского читателя, полноправным представителем своей родины. А благодаря переводам на русский и другие языки народов России произведения Эркемена Матыновича Палкина становятся доступными и для других читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. История алтайской литературы: в 2 кн. — Горно-Алтайск, 2004.
2. Литературы народов России. XX век. — М., 2005.
3. Каташ, С. С. Эркемен — человек ласковый. — Барнаул, 1995. — 100 с.
4. Киндикова, Н. М. «Услышь в напевах ветра голос мой...». Исследование о жизни и творчестве А. О. Адарова. — Горно-Алтайск, 2012.
5. Библиографический указатель. Палкин Эркемен Матынович (Материалы к 80-летию со дня рождения). — Горно-Алтайск, 2004. — 112 с.
6. Адаров, А. О. Старший брат // Сын вечного Алтая. — Горно-Алтайск, 1990. — С. 149–160.
7. Палкина, Р. А. Он был человеком долга // газ. Звезда Алтая. — 2014. — 13 февраля.
8. Суразаков, С. С. О развитии алтайской современной литературы // Ученые записки. — Горно-Алтайск, 1960. — Вып. 3. — С. 100–122.
9. Палкин, Э. М. Нам надо расти, обгоняя года... — Горно-Алтайск, 2012. — 224 с.
10. Кондаков, Г. В. Алан // Литературное обозрение. — М., 1976. — № 8. — С. 43–44.
11. Палкина, Р. А. Движение к многомерности // Алтайский фольклор и литература. — Горно-Алтайск, 1982.
12. Адаров, А. О. Мудрость и совесть алтайской литературы (к 70-летию со дня рождения Э. М. Палкина) // газ. Звезда Алтая, 2004. — 14 февраля.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ХАКАССКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА В АНСАМБЛЕ ХАКАССКИХ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Л. М. Конышева

УДК 398 (=512.1): 786/789

Актуальность данной работы обусловлена тем, что исполнительские особенности хакасской фольклорной песни на хакасских народных инструментах на сегодня малоизучены. История музыкального анализа дает возможность по-новому увидеть тенденции в целостном процессе эволюции хакасской фольклорной песни, отражающихся в развитии одного из направлений хакасской музыки.

Ключевые слова: **песня, ансамбль хакасских народных инструментов, фольклор, инструментовка.**

Фольклорные песни хакасского народа, обладающие высокими художественными достоинствами, представляют интерес в качестве номинанты в панораме истории и теории

хакасской музыки, особенно в исполнении на хакасских народных инструментах. Эта сфера творчества, ярко выражающая характер, душу и особенности речи хакасского народа, еще не получила достаточную разработку в музыковедении. Великий сын хакасского народа, один из основоположников сибирской тюркологии, неутомимый просветитель своего времени Николай Фёдорович Катанов (1863–1922) оставил бесценное собрание фольклора саянских тюрков XIX в. [1, с. 5]. Через переводы на русский язык хакасского поэтического творчества произошло его вхождение в общероссийскую, а через неё — в мировую культуру. Партитуры для песен в сопровождении хакасского ансамбля свидетельствуют о развитии песенного и инструментального жанров в области хакасской музыки. Во времена Н. Ф. Катанова народные песни исполнялись в устной форме и без сопровождения какого-либо музыкального инструмента. Н. Ф. Катанов пишет: «Рассказ. Один мальчик намеревается жениться. Теперь он устраивает игру. Происходит празднество. Давешний мальчик стоит там на празднике. Он стоит возле одной девицы, держа её за руки, и поёт:

Не сошла девица с красной горки,
А пришла сюда её сестра.
Не пришла девица с бледной горки,
А явилась младшая сестра.

Много разных гор я прежде видел,
Девушек прекрасных я встречал.
Лучшую из гор теперь увидел,
Лучшую из дев я повстречал.

С берега высокого дорогу
Проложил до места игрищ я.
Всех с собой зову теперь в дорогу,
Чтоб сдружились все мои друзья.

О мой рыже-красный конь, который
По вершинам горным прыгать рад!
О девица Тапшыйчак, с которой
Я хочу поехать на Уйбат!

Мать с отцом мои живут в надежде,
Как бы справить свадьбу сына им.
О девица Тапшыйчак, скорей же
На коня садись — и полетим!

(Тапшыйчак — буквально находка, клад; Уйбат — левый приток Абакана) [1, с. 29].

После текста песни ещё примечание: «Он не мог увезти девицы, так как она не согласилась идти за него замуж». На традиционном инструменте чатхане, как правило, могли играть только мужчины-хайджи [2]. Они чередовали речитатив и горловое пение (низкий хай), рассказывая сказки, соревнуясь в айтысах.

В 1989 г. впервые были введены хакасские народные инструменты в ансамбле «Ўлгер», такие, как хобырах, ыых, хомыс, тимыр-хомыс, чатхан и тюр. Необходимость создания ансамбля хакасских народных инструментов мотивируется обращением к соответствию темброво-динамических особенностей данного инструментального состава замыслу, идее, общехудожественной теме, созданию национальных образов. В изучении особенностей инструментальной ансамбли хакасских народных инструментов плодотворным является метод соотнесения с опытом оркестра русских народных инструментов.

В результате, с учетом особенностей данного инструментального состава, зависящих от внутренних и внешних факторов, появляется возможность определения выразительного потенциала в процессе взаимодействия образов, направленном на формирование темы, идеи, концепции музыкального произведения и выражающемся в конкретном результате — звучании, вызывающем образно-эмоциональные ассоциации.

Совокупное рассмотрение явлений, составляющих движение в истории хакасской песни, обуславливает хронологические вехи её развития и процесс становления ансамбля хакасских народных инструментов: 1920–1940-е, конец 1950–1970-х, нач. 1990-х гг. и по настоящее время. Все три этапа в целом связаны с общей историей развития фольклорного жанра в стране.

В 1920-е гг. хакасские песни были более традиционными, но к середине 1930-х их направленность уже менялась, все более приближаясь к советской действительности. Нужно отметить, что любимым жанром хакасского фольклора, лирической песни является тахпах со своеобразной структурой. В тахпахе используется устоявшаяся музыкальная форма, но меняются традиционные слова и динамика развития. Если раньше героем был охотник, земледелец, коневод, то теперь им становится батрак, колхозник, тракторист [3]. Например один из тахпахов:

Ах чазының ортызында
Тадырасчалар тракторлар;
Аннаң алған көп астарны
Аарлыг Армияа ысчабыс.

Көк чазының істінде
Күзүресчелер тракторлар;
Көптеліп турған ол астарны
Күстіг Армияа ысчабыс.

Посреди белого поля
Тракторы шумят;
Собранный оттуда большой урожай
Дорогой Армии посылаем.

Посреди зелёного поля
Тракторы шумят;
Богатый этот урожай
Могучей Армии посылаем.
[2, с. 295]

В тахпахе проявляется историзм художественного мышления народа, отразивший годы Гражданской войны, строительство социализма, битву против фашизма в 1941–1945 гг., образ Ленина, Родины и строительство коммунизма. В 1930-е гг. массовым явлением стало возникновение по всей стране профессиональных и самодеятельных ансамблей и оркестров. По примеру российских коллективов появляются оркестры национальных инструментов в союзных республиках. На территории республики Хакасии хакасские песни всё ещё исполнялись в устной форме, только под

аккомпанемент балалайки, баяна и впоследствии гитары. Эти полюбившиеся хакасскому народу инструменты использовались вплоть до 1990-х гг. прошлого столетия.

В конце 1950-х гг. с появлением хакасского ансамбля песни и пляски «Жарки» под аккомпанемент оркестра русских народных инструментов исполнялись аранжировки хакасского песенного фольклора, собранные композитором и исследователем А. А. Кенелем, под руководством скрипача А. Спирина [4, с. 80]:

Сарыг тууп маймаамны,
Сайга паспаанда, суурбаспын,
Сағынғанымны албаанда,
Сарыг чорғамнаң түспеспін.

Я не сниму, не встав на гальку,
Своих сапог из жёлтой кожи,
И не сойду я с иноходца,
Пока не обручусь с хорошей.
[3, с. 73]

Один из представителей советских хакасских композиторов Г. И. Челбораков в 1960–1980-х гг. писал песни, близкие духу того времени и удобные в исполнении под аккомпанемент русских народных инструментов и ансамблей, в которых часто использовал терцово-квартовые ходы в двух-, трехголосной партии голоса или аккомпанемента. Он же участвовал в возрождении колоритного, близкого сердцу хакасского народа инструмента — чатхана. Г. И. Челбораков определил строй, диапазон инструмента и нотную запись. Этим внес большой вклад в хакасскую инструментальную музыку.

В начале 1990-х гг. началось бурное возрождение хакасского фольклора (такое происходило с русским народным оркестром в 1930-е гг.): песенного и инструментального. Появились ансамбли хакасских народных инструментов, которые использовали гармоническую фактуру, впоследствии гомофонно-гармоническую, используемую до сих пор. Это ансамбли «Ўлгер», «Айланьс», «Сабчылар», «Алтын сустар», «Читі хьс» и др. Отличие обработок фольклорной музыки ансамблей

1990-х гг. от настоящего времени — в более плотной фактуре, сложной ритмике и высоком уровне качества исполнения на инструментах и вокальных партиях в народной манере исполнения и горлового пения.

Тематика песен взята в основном из рукописей, собранных А. А. Кенелем в 1940-х гг. Создано немало красивых авторских песен и инструментальных обработок самими артистами ансамблей в фольклорном исполнении, которые полюбились народу и адресованы его сердцу. Песнетворчество хакасских тапахчи-импровизаторов не остаётся в стороне, но сохраняется и исполняется с большой сцены. Например один из тапахов:

Төрөөн чирім, сибер чир,
Күргенниг чазыларда турча;
Өскөн чирім сибер чирде,
Хара пас чоным чурт салынча.

Тадар чонның ооллары
Алыптарның чирін пасхлапча,
Күлүк чонның хыстары
Тадар чоннарны өскірче.

На красивой земле, где я родился,
Курганы в степи стоят;
На красивой земле моей, где я рос,
Черноголовый народ живёт.

Сыны хакасского народа
Словно богатыри землю топчат,
Дочери трудолюбивого народа
Хакасский народ растят.

(Муз. и сл. В. Н. Кученова. Написана в 1996 г. Перевод Л. М. Коньшевой).

Именно в эти годы обработки и сочинения произведений для хакасского народного ансамбля В. П. Боргоякова, С. Т. Чаркова, Е. А. Улугбашева, В. Н. Кученова [6, с. 41], А. Н. Саможикова — композиторов-фольклористов, находившихся на стадии развития своего мастерства, стали значительными явлениями в общей музыкальной культуре Хакасии. Их сочинения родились в годы формирования национальной самобытности на основе тра-

диций хакасской классики и народной песни. 1990–2000-е гг. — период стабилизации фольклорного жанра. В эти же годы наблюдается небывалый расцвет хакасской песни. Одна из любимых песен:

Көглiг арыглар тымылчалар,
Чүрек-пүрлерни чирге тооладыш.
Чирни хучахтапча алтын күскү,
Силiг хоос өннеринең сууглапча.

Сөрөннең тартынча чирниң үстү,
Тасхар күскү чиллер ылгапча.
Ағын хустар пазох учуччалар,
Мөңис табыстар артызып.

Весёлые леса замолкают,
Сердечные листья на землю осыпают.
С осенним ветром природа завывает
И разными цветами землю поливает.

Земля прохладой окутывается,
С осенним ветром природа плачет.
Перелётные птицы опять улетают,
Грустные голоса оставляют.

(Муз. А. Бурнаковой, сл. Г. Кичеева, 2004 г., перевод Л. М. Коньшевой.)

Петь фольклорные песни не просто, нужно понимать, что ты поёшь, почему песня поётся таким голосом и именно так, нужно быть грамотным в этом плане и не сравнивать с академическим пением, не считать его примитивным или грубым, не обработанным для исполнения. К каждой песне нужен особый подход, особое исполнение.

1990-е гг. — время рождения хакасской национальной инструментальной фольклорной музыки. Интенсивному развитию фольклорного направления способствовали новые источники звуковых идей, интонационные пласты национального фольклора, успехи исполнительской культуры, массовый слушатель, усвоение опыта, зарубежного интереса, стабилизация основных типов музыкальной драматургии. Общекультурная ситуация 1990-х гг. предопределила демократическую

ориентацию индивидуальных стилей, возрастание смысловой функции народных образов.

Уникальность хакасского фольклора определяется в сравнении с фольклором других азиатских народов. Хакасы сохранили свой обрядовый фольклор. При этом пение хакасов нельзя перепутать ни с тувинским, ни с бурятским исполнением, специфика хакасских песен заключается в их глубокой древности. Фольклор хакасов, как и любого народа мира, — это часть истории великой устной музыкальной культуры народов Земли. Хакасский фольклор сохраняется и живет в музыкальной культуре народа. Вместе с тем развиваются одновременно песни и инструментальная музыка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родник из под камня. Хакасская народная поэзия XIX века. Лирика, богатырские сказания. Н. Ф. Катанов, из фольклорного наследия / [вступ. ст., худож. перев. и переложения А. В. Преловского]. — М., 1999.
2. Зажги свою звезду (очерки о литературе и искусстве). — Абакан, 1975.
3. Майногашева, В. Е., Унгвицкая, М. А. Хакасское народное поэтическое творчество. — Абакан, 1972.
4. Словина, С. Д. Ансамбль «Жарки» (воспоминания балетмейстера). — Абакан, 1990.
5. Чатхан: история и современность. Материалы IV Международного симпозиума 1–4 июля 2010 года, г. Абакан. — Абакан, 2010.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ ХАКАСИИ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ И СПЕЦИФИКА ИДИОСТИЛЯ ЛИРИКИ А. КЫШТЫМОВА

А. Л. Кошелева

УДК 82.091

Общечеловеческая значимость лирики русскоязычного поэта А. Кыштымова — это талантливое воссоздание великой гармонии мира природы и мира человека, помогающей обрести каждому из нас духовную опору.

Ключевые слова: **лирика, идентификация, пейзаж, семантика, функция, традиция, интертекстуальность, культурное сознание.**

В 1990–2000-е гг. к читателям, любителям поэзии Хакасии, пришли стихи талантливого поэта-хакаса, пишущего на русском языке, — Анатолия Петровича Кыштымова (1954–1982). Его породила хакасская земля, но, к великому сожалению, признала лишь спустя одиннадцать лет после его трагического ухода из жизни.

Книги его стихов «Я не прощаюсь» (1993), «Избранное» (1998), «Листозвон золотой» (2000), «Звёздное» (2007), воспоминания жены, сестры, друзей помогают сейчас воссоздать «прекрасные черты» человека, неординарного,

тонкого поэта-лирика, талантливого художника-графика.

Родился Анатолий Кыштымов в небольшом таёжном посёлке Хакасии со своеобразным названием «Пилорама». Отец его, бывший фронтовик, работал на пилораме, участвовал в спектаклях, художественной самодеятельности местного клуба. Мама Анатолия, одна из первых комсомолок Усть-Абаканского района, в течение 20 лет работала взрывником на обсоновавшейся здесь с открытой добычей угля шахте Прилуцкого. Первый муж её не вернулся с фронта, но она оказалась счастлива вторым браком, который подарил супругам сына

Анатолия и дочь Галину. Что формировало Анатолия как романтическую натуру? Отец очень любил детей и посвящал им всё своё свободное время. «Мы ходили в походы, в лес, играли в лапту, в «чижик», в «городки» [1, с. 92], — вспоминает сестра Анатолия Галина. Но недолго длилось семейное счастье. Отец, страдая от ран войны, умер, когда Анатолию не было ещё и семи лет. В школу Толя пошёл с шести лет. Учился с интересом, а дома, будучи единственным мужчиной в семье, во всём помогал матери. Летом дети пасли овец и зарабатывали себе на одежду. А каким внимательным, заботливым сыном и братом был Анатолий! «Мог поздравить нас с мамой, — вспоминает Галина, — с первым снегом, с первой грозой, с первой ласточкой. ... Дома всегда стояли полевые, луговые, таёжные цветы или букет жёлтых листьев. Зимой — веточка пихты» [1, с. 93]. И, конечно, просто трудно представить, чтобы этот впечатлительный, романтический мальчик не писал стихов. Он жил, мыслил стихами и писал главным образом ночью. Писал и зрительно воспроизводил запавший в душу поэтический образ в графическом рисунке. А утром на столе оставались стихи, рисунки, а позже и письма, которые, возможно, никогда и не отыскали своего адресата.

После окончания средней школы в селе Московском Усть-Абаканского района Анатолий поступил в Абаканский педагогический институт на филологический факультет. Много читал и писал, писал стихи, а читателями и критиками их оставались, в основном, друзья, близкие и те, кому он посвящал свои стихи. Его сокурник, теперь известный местный журналист, член Союза писателей России Валерий Полежаев, был одним из них. Анатолий доверял другу свои поэтические откровения, а тот, в свою очередь, не уставал восторгаться, находя порой написанное «на уровне Есенина». За период совместной учёбы В. Полежаев собрал около 70 его стихотворений. Собрал и в свое время передал Анатолию, чтобы тот оформил их в «самиздатовскую» книжку. По воспоминаниям В. Полежаева и супруги А. Кыштымова, Л. Шушпановой-

Кыштымовой, Анатолий периодически оформлял рукописные книжки своих стихов с пометкой внизу: «Сампич» (сам пишу, издаю, читаю), Абакан. «А годы были разные, — вспоминает Людмила, — 1975, 76, 77, 80, 81. ... Книжки были с названиями: «Радость дождя», «Сервис дождя», «Нежность»... С внутренним волнением беру их в руки — и снова ощущаю дуновение таланта, полёт души» [2, с. 88]. В. Полежаев дополняет, что выпускал он их, заполняя «прекрасным каллиграфическим почерком, с рисунками, которые, как и стихи, передавали настроение. Тут он был похож на Лермонтова. Как он рисовал!» [2, с. 11]. Почему я обо всём этом пишу сейчас, подробно восстанавливаю? Интересно, важно проследить, как формировалось это единение с великим русским языком, русской культурой, литературой. Вот такие книжечки «Сампич(а)», листочки со стихами, подписанные друзьям, стекались спустя более десяти лет в издательства Абакана, чтобы в 1990–2000-е гг. стать теми сборниками, которые держит теперь в руках благодарный читатель.

Важную роль в поэтической судьбе А. Кыштымова сыграла женщина, которая сама родилась художником слова, поэтом. И теперь стала членом Союза писателей России — это Лариса Петровна Катаева. Она, тогда командированный корреспондент районной газеты, «открыла» его «мальчика»-поэта, читающего «чи-то проникновенные, светлые стихи» (это были его собственные стихи) с клубной сцены села Московского. Началась переписка, дружба, которая продолжалась такие недолгие двадцать лет. Лариса Катаева пригласила Анатолия в литературный кружок при редакции, а её «прочтение», «видение», «уточнение» многое подсказывали молодому автору. Помогла Л. П. Катаева и тогда, когда в республиканской газете «Хакасия» звучал призыв: «Мы обращаемся к представителям различных общественных организаций «Тун» («Возрождение»), «Енисейское Казачество» и других, к творческой интеллигенции, учащимся и преподавателям, рабочим и служащим, друзьям и однокурсникам, знакомым и незнакомым, верующим

и неверующим — ко всем, кто хотел бы быть причастным к желанию вырвать из забвения имя поэта Анатолия Кыштымова, родившегося на этой земле и так её любившего» [4]. Л. П. Катаева стала инициатором издания и составителем всех четырёх сборников, а сборник «Избранное» (1998) издавался на личные средства её и её супруга (Г. М. Степанова) — художника и оформителя трёх последних сборников стихов так безвременно покинувшего нас поэта. Об этой неизбывной горечи утраты Л. Катаева скажет в своём стихотворении «И нет мне покоя». Покоя, действительно, нет для нас, его современников. Особенно больно и совестно должно быть тем, в чьи двери безуспешно стучал этот талантливый «летописец» любви и красоты. Сохранилось недописанное его письмо в журнал «Юность», лежали без движения его стихи в Хакасском отделении Союза писателей. И справедливое резюме В. Полежаева по этому поводу: «Непризнание тоже, видать, не последнюю роль сыграло в его смерти» [5, с. 100]. Об этом же пишет и ближайший друг А. Кыштымова, филолог Г. Миронов: «Ему непросто жилось. Для него это формулировалось одним словом: непонимание. Непонимание повседневное и непонимание, по большому счёту — по счёту судьбы и таланта» [6, с. 60–66]. А «непризнание» и «непонимание» порождают в творческом человеке самое страшное — **неверие** в свои силы, свой талант, неверие, которое в свою очередь убивает творца. ... На «перепутье боли» созданы такие элегические строки:

Как много обещал,
Как мало смог исполнить.
Пришла пора сквозь боль
Предстать перед судьёю –
Пред своей судьбой,
Перед самим собою [7, с. 193].

И строки эти венчает самое трагическое — уход во «встающую тьму», в дни своего любимого «золотого листождона», «бабьего лета» — 7 сентября 1982 года. Как случилось, что из жизни в 28 лет ушёл человек, который любил её более, чем кто-то другой? Любил в ней веч-

ное и прекрасное: осень и зиму, весну и лето, высокое небо с солнцем, луной и звёздами, и «благодать Земли» с её простором степей и дыханием тайги, с цветами и земляникой, речками и родниками, дождём и снегом, птицами и зверьём.

Какие же векторы «судьбы» сформировали этого талантливого русскоязычного поэта, родившегося хакасом? Вероятно, с молоком матери он впитал то необычное и по-народному мудрое восприятие жизни, среды, природы, которое было характерно для его предков: бескорыстие оставили ему в наследство кыштымы*, дед по матери, богатырь, охотник, научил любить природу, тайгу, отец и мать — любить людей, доверять им, быть добрым, чутким, в песнях матери он услышал «родины мотив». И, вероятно, не случайно лирический герой у А. Кыштымова то «чудной мудрец», то «доверчивый», «наивный чудака».

В условиях литературного пограничья (хакасская литература — русская литература) А. Кыштымов-хакас был не просто русскоязычным поэтом, а поэтом-хакасом, писавшим на русском языке, т. е. психологическое измерение «дома» как пространства идентификации он выражал на русском языке, репрезентативно воплощая в своих стихах культурное сознание и хакаса, и русского. Понятие «Родины мотив» для поэта А. Кыштымова — ёмкое и значимое. Это большая и малая Родина — Россия и Хакасия. В русском слове он воплотил свою высокую, светлую песню романтика и «чудного мудреца», для которого одинаково дороги и «поля России», и хакасские поляны с «запахом земляники» и «звёздами марьиных кореньев»:

Уснули косули на тихой поляне...
И звёзды повисли, как будто снежинки,
Как будто цветы в тёмном небе цветут...
И русская песня качает калитку...
Всё это со мною,
Всё в сердце,
Вот тут... [8, с. 53].

* Кыштымы — данники, кочевавшие с места на место.

А. Кыштымов не был поэтом-«трибуном», «горланом» героико-публицистического толка. К середине 1970-х гг. отгремела, отполыхала поэтическая стихия шестидесятников, собирающая залы и стадионы, а на смену пришли спокойное, размеренное утверждение, осознание оценки общечеловеческих ценностей, таких как любовь, дружба, Родина — большая и малая, её прошлое и настоящее, её философская и эстетическая идентификация через красоту природы родной земли. Именно с этим поколением пришёл в многоцветный мир поэзии поэт Хакасии А. Кыштымов. Но этот статус закрепился за ним, к сожалению, после его ухода из жизни. А в те, 1970-е, дарил он, «чудной мудрец», свои не придуманные, а рождённые, как дыхание, прекрасные строки о любви, обиде, земной красоте — друзьям и близким.

Общая светлая память и боль и России, и Хакасии, всего народа и родной семьи не могли не потревожить этого чуткого, умного и доброго человека, не прийти к нему темой святой для всех россиян — темой отгремевшей Отечественной войны. «Сиянье добра», мир «улыбки и песни» весёлого фильма «Волга-Волга» разрушают бомбы и смерть Отечественной войны, «кровь и нефть» смешались в могучей реке, олицетворяющей Родину. Гнев и боль звучат в заключительных строках стихотворения «Волга-Волга», 1938 г.):

Три года, всего лишь три года...
Таращатся бельмы войны
На смех ваш, на хороводы,
На вас, дорогие мои... [9, с. 9–10]

Боль матери самого поэта, первый муж которой не вернулся с войны, боль невозвратимой утраты всех, кто так и не дождался своих родных и близких, пронизывает стихотворение «Победа»:

...Под гул колес стальной
Обратною дорогой —
Домой, домой, домой.
За насыпью, далеко,
На столбике звезда

Взошла и одиноко
Плывёт, плывёт назад...
Над полустанком — вечер.
Мать в стареньком пальто,
К ней, вышедший навстречу,
Там не сошёл никто [10, с. 16].

Всё творчество этого поэта-хакаса, поэта литературного пограничья, пишущего на русском языке — это порыв к добру и свету, прорывающегося сквозь «холодность», «камень», «метель» и становящегося «хирургом», «крышей синей» для «нежных корней» и «цветов», спасающего от «озверевшего ливня» «птенчат» и помогающего им стать «сильными», всё то, что объединяет общечеловеческое и национальное:

Я приду... Где очень нужен.
Я предстану спасеньем и счастьем...
Своё сердце я отдал людям
И природе. На равные части... [6, с. 97]

А всё, что дарила поэту родная земля — Хакасия, этим всеобъемлющим «всесчастьем» ему хотелось поделиться со всем человечеством:

Зачем же столько много мне,
За что так много?
Всесчастье завалило меня снегом,
Всесчастье растопило меня светом,
Всесчастье одарило меня смехом,
Всесчастье разнесло меня по свету...
Спасибо! Спасибо! Спасибо!
Спаси меня... Спаси меня... Спаси меня...
[11, с. 96]

Поэтическое видение А. Кыштымова, кажется, выплёскивается, «выталкивается» из самых потаённых, клокочущих глубин его сердца, озаряя светом и волшебством всё окружающее. И это, прежде всего, его метафора — зримая, осязаемая, светящаяся:

...Ромашки набекрень сбивали струи —
Дул плавно ветер, в радостях
Мальчишкой прибежавший от реки,

Он баловался, разбивал их в росы,
Разбрасывал их радостно с руки...
И береста стекала по берёзам,
Чтобы ромашкам красить лепестки.

[11, с. 36]

Оно воссоединяет красоту земли и радость, мир человека:

С небес к земле светло сбежала нежность
По трапу белых солнечных лучей...
И из земли вдруг выпорхнул подснежник!
Как смех, как вскрик, как взгляд
Влюблённый чей...
Весной я окунулся в смех и слёзы,
Я окунулся в муку о тебе...
По Абакану белые берёзы
Носили свет и память о зиме. [11, с. 129]

Метафора первозданная и неповторимая воссоздаёт только его, индивидуальные, поэта Кыштымова, освоение и воспроизведение мира:

Раскрасневшись, закат взлохмаченный
Приседает устало на пенёк.
Приседает, светится матово
Перед тем, как спрятаться вниз...

[11, с. 99]

Метафора А. Кыштымова лепит, рисует поэтический образ: «сырое осеннее утро / заляпанный охрою сад...»; «витрины автобусов красных / в неоновом бродят огне...», «месяц молодой телёнок / рожками истыкал темень...»; «я думы зажгу поутру, / я понесу их в руке, / как головни поутру»; «где солнце плескалось в небе / мальчиком злобным»; «и, притаившись, словно рысь, вдруг слышу, / как ночь на цыпочках идёт по крыше...»; «жарки растут в твоих ладонях». Метафорический образ этого поэта буквально «сражает» своей свежестью и новизной:

Деревья — седеют золотом.
Берёза знакомая — с проседью...
Людей, что включили зонтики,
Уносит куда-то осень... [11, с. 206]

А вот и всё стихотворение — метафора, воссоздающее трогательный образ поэта, потерянной «звёздочкой» заплутавшегося в «Вечности»:

...В дальнем небе Большая Медведица
Потеряла своего медвежонка...
Звёздный мир искрится и множится,
Где дробится Вечность на годы...
Вновь наполнен вопросами трудными,
Всё смотрю на небо — воронку.
Сочиняю стихи и думаю:
Может, я — её медвежонок?.. [11, с. 52]

Голос самого А. Кыштымова — «высокий», честный и многозвучный — слагается многих компонентов: хакасская и русская речь, филологический факультет педагогического института, русская и советская поэтическая классика. Содержательная и эстетическая значимость его метафорической системы, яркость, образность, выразительность тропов — производное начала начал — слова. Поэт Кыштымов очень тонко чувствовал семантическую и функциональную природу слова. Его учителями, конечно, были смелые новаторы в создании поэтических неологизмов — поэты-модернисты «серебряного века» (К. Бальмонт, А. Белый, В. Хлебников, И. Северянин, В. Маяковский), позднее — А. Вознесенский, поэты-метафористы 1980-х гг. (А. Парщиков, И. Жданов, И. Иртенёв, Т. Асланлы, А. Коркия). В стихах А. Кыштымова ценность поэтического слова определяется богатством ассоциаций, вызванных неожиданным сопротивлением. Его неологизмы вещные, конкретные, соотносящиеся с реалиями описания:

Бессонница и беспитие
Воды и прочих вещей.
Бесчастье и бесписемье —
Куча моих гостей... [12, с. 126]

Или:
Разбегусь и прыгну в росы,
В размалиновый пожар!* [12, с. 184]

* «Размалиновый пожар» — цветущий в тайге конёвник.

А какой яркой, многозвучной стала «художница-осень», «изукрашенная затейливыми синонимами поэта, обыгравшим многозначность слова «листопад»:

Листопад вертикальный,
Листолёт наискось,
 На мостках музыкальных —
Листопляс, листосброс...
 Ты прислушивайся... Слышишь,
 Как вверху, над тобой,
 Вниз по ржавчине крыши
Листозвон золотой?!
 Брошь к осеннему платю,
 Раззолоченный нимб...
 На земле, на асфальте
 Уж во всю **листолип**. [12, с. 159]

Осмысливая этимологию нашего расхожего слова «спасибо» (Спаси, Бог), он строит свой поэтический уровень, где на стыке исконного и современного значений слов у него рождается смысловое, эстетическое новообразование — «всесчастье»:

Всесчастье завалило меня снегом,
Всесчастье растопило меня светом,
Всесчастье разнесло меня по свету...
 Спасибо! Спасибо! Спасибо!
 Спаси меня... Спаси меня... Спаси меня...
 [12, с. 96]

И этимология, несущая традиционное значение слова, — «спасибо» (Спаси, Бог), и неологизм А. Кыштымова — «всесчастье» адресованы не авторскому «его» («зачем же столько много мне / за что так много?»), а всему светлостому миру, людям («всесчастье разнесло меня по свету»), раскрывая, прежде всего, его величественную и светоносную суть человека и поэта-гражданина, суть, ставшую «основанием его жизни». Именно об этом пишет и друг А. Кыштымова филолог Г. Миронов: «Душа человеческая, сердце людское, «болью насытившись досыта» (это строка Кыштымова), ищут в этом мире самого главного — духовной опоры. И кыштымовский мир может помочь в этом поиске» [13, с. 61]. А посохом в этом мире,

целительным неиссякаемым родником является Красота, красота родной, доброй и солнечной хакасской земли с её зимами, веснами, летом и осенью, с её берёзками, тополями, цветами и сиренью, снегом и дождём, степью и тайгой. А выразителем этой красоты для поэта-хакаса стало ёмкое русское слово, многоцветье русского языка. И летели навстречу природе, людям, всему миру и солнцу:

Пусть день и ночь в глаза открытые
 Летят навстречу и вмещаются,
 Иду туда, где кони дикие,
 Как богу, травам синим кланяются.
 Иду туда, где ночи жёлтые
 Ждут от меня костров настойчиво,
 Где по утрам бутоны щёлкают
 И раскрываются с Дюймовочками.
 Иду туда, где над долинами
 Куда-то вверх взлетают сосны...
 Иду, чтоб сеткой паутиною
 До слёз прицеливаться в солнце!

[14, с. 66]

ЛИТЕРАТУРА

1. Кыштымова-Каратаева, Г. Нет, любовь рождается вместе с нами... // А. Кыштымов. Избранное. — Абакан, 1998.
2. Шущпанова-Кыштымова, Л. Я хочу рассказать // А. Кыштымов. Избранное. — Абакан, 1998.
3. Полежаев, В. Он успел сказать своё слово // Первая женщина из Чилан. — Абакан, 1997.
4. Побеляева, В. Коллектив школы № 11. — Памяти Анатолия Кыштымова // Хакасия, 1992. — 13 октября.
5. Полежаев, В. Он успел сказать своё слово // А. Кыштымов. Избранное. — Абакан, 1998.
6. Кыштымов, А. Я приду... // А. Кыштымов. Листопад золотой. — Абакан, 2000.
7. Кыштымов, А. Пора отдать отчёт // А. Кыштымов. Листозвон золотой. — Абакан, 2000.
8. Кыштымов, А. Воспоминания // А. Кыштымов. Листозвон золотой. — Абакан, 2000.
9. Кыштымов, А. «Волга-Волга», 1938 г. // А. Кыштымов. Звёздное. — Абакан, 2007.

10. Кыштым, А. Победа // А. Кыштым. Звёздное. — Абакан, 2007.
11. Кыштым, А. Зачем // А. Кыштым. Листозвон золотой. — Абакан, 2000.
12. Кыштым, А. Бессоница // А. Кыштым. Листозвон золотой. — Абакан, 2000.
13. Миронов, Г. Слово о поэте, или Разговор с молодым человеком // А. Кыштым. Звёздное. — Абакан, 2007.
14. Кыштым, А. Звёздное: сборник стихотворений. — Абакан, 2007.

МОДИФИКАЦИЯ ЭТНОПОЭТИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ В. ШУКШИНА

С. В. Кяргина

УДК 82.08:159.9

В статье рассматривается модификация этнопоэтики в художественной структуре малой прозы В. Шукшина, раскрывающей феноменологию сознания современника 1960–1970-х гг.

Ключевые слова: **рассказ, писатель, поэтика, творчество, литература, фольклор.**

Самобытная личность В. М. Шукшина, его творчество привлекли к себе внимание критиков и литературоведов с самого начала его творческого пути. В настоящее время насчитывается немало исследований — монографий, сборников научных статей, диссертаций, которые посвящены осмыслению прозы писателя, обладающей особой мерой простоты и правдивости и вместе с тем оставляющей впечатление необычайной сложности. Тем не менее по-прежнему и читатели, и специалисты сталкиваются с той особой тайной шукшинской прозы, которая была замечена критиками еще в 1970-е гг. и которая по сей день волнует читателей: при чтении рассказов писателя «возникал обычно второй план, далеко не так просто поддающийся истолкованию» [1].

В. М. Шукшин в своих новеллах рассказывает случаи из жизни, самые обыкновенные, ничем не примечательные. Зачастую рассказы писателя носят притчевый характер. Притча — старинное название назидательного рассказа о человеческой жизни в форме иносказания, аллегории. При всем многообразии жанровых форм есть то, что их объединяет, — излюбленная нравственная проблематика и присущая только этому автору творческая манера.

В рассказах В. Шукшина мы находим многообразие фольклорных образов (дороги, родного дома, матери), мотивов (искупления вины, возвращения к своим истокам, мотив жизни-пути). Жанры устного народного творчества (песни, сказки, притчи, легенды и т. д.), органично входящие в произведения, несут на себе огромную смысловую нагрузку, раскрывая читателю внутренний мир персонажей, что для автора являлось основной задачей. Кроме того, включение фольклорных элементов позволило писателю расширить привычную структуру литературного произведения, делая его границы более гибкими и пластичными.

В настоящее время в отечественной фольклористике появляется все больше исследований, рассматривающих этнопоэтику жанров устного народного творчества. Особая роль при этом отводится коммуникативным формам фольклора — пословицам и поговоркам. Обращение к народной мудрости обусловлено их естественным употреблением в речи, предельной лаконичностью и точностью мысли.

В особенности повествования В. Шукшина присутствуют диалогичность, тесное взаимодействие точки зрения персонажа и повествователя, ориентация на эмоционально окрашенное народ-

ное слово, широкое использование просторечной лексики, фразеологизмов, жаргонизмов.

Помимо того, что язык для Шукшина — средство выражения нравственных и других общественных идей, он предстает в его текстах и как самостоятельная ценность. Писатель ощущал русское слово как сокровищницу народного опыта, как проявление национального самосознания. Он бережно обращался с богатствами народной речи, доносил их до читателя, язык Шукшина придает произведениям писателя особую привлекательность.

С первых строк рассказов Шукшина на читателя «обрушивается» шквал просторечных слов и выражений. Для писателя характерна приверженность к истокам народной речи, причем это постоянство находит свое отражение и в названиях произведений, например: «Чудик», «Стенька Разин», «Степка» и др. Элементы разговорной речи часто встречаются на страницах книг писателя: это и пословицы, и поговорки, и жаргонизмы, и изменённые формы слова, и неполные предложения, и диалогизация речи персонажей.

Объектом художественного исследования Шукшин избрал современную ему и родную алтайскую деревню, со всей её неустроенностью и вместе с тем с неизбывной тягой к добру, с наивным романтическим стремлением уйти от нудных, монотонных будней и сохранить при этом заветы стариков — жить по совести. «Для меня именно в селе — острейшие схлесты и конфликты. И возникает желание сказать свое слово о людях, которые мне близки», — признавался В. М. Шукшин [2].

Писатель погружен в быт, житейские заботы своих односельчан. Он всегда рядом со своими персонажами, он «свой» для них, живет их печалью и мечтами. Шукшин знает деревенскую жизнь изнутри, не понаслышке, в деталях. Не случайно один из литературных критиков назвал сочинения Шукшина «голосом народной толщи». С первых строк замечательных рассказов-зарисовок читатель погружается в атмосферу народной речи, образной, неподражаемой, которая прослеживается и в названиях самих про-

изведений, например, «Чудик», «Забуксовал», «Стенька Разин», «Миль пардон, мадам!».

В новеллистической прозе писателя обращает на себя внимание его лексика, работа автора над словом и со словом; очевидна обдуманность в подборе языкового материала, мотивированность их употребления, так в рассказе «Стенька Разин» читаем: «у Васёки перехватывает горло от любви и горя. Он понимал Захарыча. Он любил свои родные края, горы свои, Захарыча, мать: всех людей. И любовь эта жгла и мучила — просилась из груди» [3].

В данном этюде автор передает душевное состояние своего героя от услышанной песни про Ермака. Чтобы читателю передалось внутреннее состояние Васёки, вся широта его природы, писатель прибегает к выразительным метафорам: «перехватывало горло от любви и горя», «любовь эта жгла и мучила — просилась из груди», «рухнул на колени грозный атаман, и на глаза его пала скорбная тень». Следует отметить, что метафоризация речи у Шукшина близка к народно-поэтической, что особенно ярко проявилось в раннем творчестве художника. Обратимся к одному из лучших рассказов раннего Шукшина, во многом автобиографичном, «Далекие зимние вечера»: «пока Ванька отряхивается, мать утаптывает снег вокруг берёзки. Потом, скинув рукавицы, делает первый удар, второй, третий. Берёзка тихо вздрагивает и сыплет крохотными сверкающими блёстками. Сталь топора хищно всплескивает холодным огнём и раз за разом всё глубже вгрызается в белый упругий ствол» [3].

Творчество В. М. Шукшина, как и творчество В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина, развивалось в русле разговорного народного языка. Так причудливо вплетаются в современный литературный язык произведения писателя диалектизмы и жаргонизмы, неологизмы и просторечные слова, что возникает чудо-язык Шукшина, ни на чей не похожий, необычно красочный, живой, динамический.

В языке писателя трудно установить грань между литературным языком и повседневным, разговорным — они неотделимы. Это в первую очередь относится к сказовой манере, характерной для многих его произведений.

В языке персонажей шукшинских рассказов много местных слов, искаженных грамматических форм, например: «Порассказали они нам: такие порядки в этой авиации», «А телеграмму аннулироваем», «Тут огород пойдет, свиннота разная», «Шибко уже страшно».

В рассказе «Стенька Разин» встречаемся со следующими просторечными формами слов, подчеркивающими индивидуальность главного героя — Васеки: «Работа над Стенькой Разиным продвигалась туго. Васёка аж с лица осунулся».

Ориентация автора на «живую», непринуждённую речь героев, употребление элементов разговорной речи обусловлено и правдивым описанием быта и нравов сельских жителей, а также раскрытием внутреннего мира современного «маленького человека». Литературные критики и исследователи прозы Шукшина подметили преемственность его стиля относительно стилистики прозы А. П. Чехова. Прежде всего, это лаконичность формы, краткость. Экспозиция рассказов В. М. Шукшина очень сжата – всего несколько строк и персонажи стремительно вводятся в действие: «Его звали – Васёка. Васёка имел 24 года от роду, один восемьдесят пять рост, большой утиный нос и невозможный характер» [3].

Простота экспозиций новелл писателя и их сжатость несут на себе необыкновенную идейную насыщенность, умение сказать людям всё самое необходимое. В ряде рассказов Шукшина в речи его героев нередко наблюдается расположение слов, типичное лишь для устной речи, которая отличается исключительным своеобразием в порядке построения фразы: «Поклон Павлу Сергеевичу передавайте».

В шукшинской сказовой манере особая роль принадлежит диалогам. Особенность языка писателя проявилась в отражении непосредственной, зачастую наивной речи персонажей, с одной стороны, с другой — эмоциональность и экспрессивность их диалогов.

«Захарыч долго стоял над работой Васёки, не проронил ни слова. Потом повернулся и пошел из горницы. И тотчас вернулся».

— Хотел пойти выпить, но не надо.

— Ну как, Захарыч?

— Это никак, — Захарыч сел на лавку и заплакал горько и тихо. — Как они его, а? За что же они его?!..

Васёка мучительно сморщился и заморгал.

— Не надо, Захарыч.

— Что не надо-то?..

— Они же дух из него вышибают!..» [3].

Всё содержание диалога — развёртывание основной темы произведения — исключительная талантливость человека из народа, его душевная красота, воплощенная в искусстве резчика. В диалогах Шукшина средствами речевой образности создается и узнается портрет участников разговора. Наличие обращения «Захарыч», неполные предложения «Как они его, а? За что же они его?» придают репликам героев свойство устного, непосредственного, «неподготовленного» слова. При создании диалогизации как ведущего стилистического приема в рассказе автор включает в каждую реплику героев свой эмоциональный центр, что особенно важно для постижения мысли писателя.

Диалог формирует читательское восприятие, осуществляет связь «автор-произведение-читатель». «Я знаю, когда я пишу хорошо, когда пишу и как будто пером вытаскиваю из бумаги живые голоса людей», — говорил писатель [4].

Таким образом, постигая творческую манеру повествования В. М. Шукшина, мы постигаем разнообразные характеры людей из глубинки, их мысли, чувства, поступки. Основу мировоззренческой концепции В. М. Шукшина составляет духовно-нравственная природа русского человека. Введение в произведения мотивов и образов русского поэтического творчества не носило формального характера в творчестве В. Шукшина, самобытное народное слово у него естественно и органично. Использование фольклорных жанров не только расширяет привычную структуру литературного произведения, но и способствует раскрытию внутреннего мира героев и пониманию духовно-мировоззренческой природы их характеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский, А. Шукшинская жизнь // Литературное обозрение. — 1974. — № 1.
2. Сухих, И. Н. Двадцать книг XX. Эссе. — СПб., 2004.
3. Шукшин, В. М. Рассказы. — М., 1987.
4. Черносветов, Е. В. Пройти по краю. Василий Шукшин: мысли о жизни, смерти и бессмертии. — М., 1989.

ХАКАССКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС АЛЫПТЫХ НЫМАХ ЭПОХИ ДРЕВНЕХАКАССКОГО (ДРЕВНЕКЫРГЫЗСКОГО) ГОСУДАРСТВА VI–XIII вв. н. э. (В хунно-ирано-хакасском историческом аспекте)

В. Е. Майногашева

УДК 398.22

Алыптых нымах, как свойственно любому жанру фольклора, прошел в своей жизни этапы зарождения, развития и формирования. В данной статье делается попытка дать более конкретную картину историзма некоторых алыптых нымахов, отражающих эпоху функционирования Древнехакасского (Древнекыргызского) государства VI–XIII вв. н. э.

Ключевые слова: алыптых нымах, героический эпос, ранние формы, эпоха Древнехакасского государства, Хунно-сарматская эпоха, хуннская держава, историко-мифологический героический эпос государственной стадии.

Алыптых нымах, как свойственно любому жанру фольклора, прошел в своей жизни этапы зарождения, развития и формирования. Для фольклористов общеизвестно — героический эпос народов Южной Сибири и других сибирских тюрков, в том числе хакасов, определялся известными и самыми авторитетными фольклористами как богатырская сказка (В. М. Жирмунский), как догосударственный эпос (В. Я. Пропп), как архаический эпос (М. И. Богданова, Е. М. Мелетинский и др.), а также как особый тип героического эпоса — (С. Н. Азбелев) [1]. Мною алыптых нымах определяется как историко-мифологический тип, в котором и история, и мифология сочетаются.

Все эти определения, кроме третьего, явились, как правило, следствием исследований, проведенных вне специального изучения проблем эпического историзма, в частности и хакасского алыптых нымаха. Такой специ-

альной задачи никто и из сибирских эпосоведов в советское время не ставил. В том числе хакасские фольклористы М. А. Унгвицкая, В. Е. Майногашева, многие годы работая над изучением содержания, периодизации, систематизации алыптых нымахов, исходили от формационной методологии [2]. И якутский эпосовед И. В. Пухов, проделавший некоторое сравнительное исследование алыптых нымахов с якутскими олонхо и другими эпосами народов Южной Сибири [3 с. 112–160], и замечательный алтайский эпосовед С. С. Суразаков, справедливо не признававший алтайский эпос в целом за архаику [4, с. 20–255], в то время, естественно, пользовались той же методологией. Для того времени это было непререкаемо.

Однако сегодня выявляется, что этой методологии далеко недостаточно для более глубокого вскрытия исторического содержания

эпоса — этой «истории в масштабах героической идеализации», как весьма точно определял суть жанра героического эпоса В. М. Жирмунский.

Автор предлагаемой статьи примерно в последние полутора десятка лет впервые вышла на иную методологию исследования, о чем пойдет речь несколько ниже. Этот выход обусловлен поставленной ею задачей постепенного и специально углубленного рассмотрения проблемы историзма в хакасском алыптых нымахе и через него, и в связи с ним — заново рассмотреть периодизацию.

В данной статье делается попытка дать более конкретную картину историзма некоторых алыптых нымахов, отражающих эпоху функционирования Древнехакасского (Древнекыргызского) государства VI–XIII вв. н. э. Работая над этой огромной научной проблемой, пока, к сожалению, в единственном числе, автор не в состоянии поднять огромный массив алыптых нымахов, которых на сегодня насчитывается примерно 300 единиц, а в Рукописном фонде ХакНИИЯЛИ их значительно меньше (около 200). Мною предлагается исследование темы в основном лишь на доступном, в какой-то мере апробированном ранее материале, в хунно-ирано-хакасском историческом аспекте, к сегодняшнему дню далеко недостаточно исследованному.

В связи с этим есть необходимость в первую очередь хотя бы кратко показать методологию данного исследования.

Исторический период, вынесенный в заголовки данной статьи, говорит сам за себя. В нем частично отражается суть самой методологии исследования.

На современном этапе развития фольклористики требуется большее установление исторической конкретности в эпических явлениях и их объединения. Со времени публикации монографии М. А. Унгвицкой, В. Е. Майногашевой «Хакасское народное поэтическое творчество» вышел целый ряд новых, весьма интересных и важных трудов по истории народов Южной Сибири, Центральной Азии, который дает возможность фольклористу, в частности эпосоведу, определеннее устанавливать не

названные в эпосе этносы, этносоциальные штрихи эпической среды, взаимоотношения между этносами, реалистически определять среду, в которой происходили те или иные жизненные коллизии, ближе к реальной истории определять время зарождения, развития и формирования жанра у далеких предков и их потомков, древних хакасов, так же и современных хакасов, как и у других родственных народов Южной Сибири, Центральной Азии.

Проблем изучения алыптых нымахов очень много, а эпосоведов — единицы. Автор данной статьи в этой области работал многие (последние) годы почти в единственном числе. П. А. Трояков (1922–2002), для которого фольклористика была второй специальностью, а основной — литературоведение, все же некоторую работу над изучением эпоса проводил. И проблемы историзма старался ставить и решать, но тоже в традиционном ключе [5, с. 125–132].

В настоящее время можно назвать только одного нового исследователя по эпосу хакасов — это молодого ученого Н. С. Чистобаеву, защитившую кандидатскую диссертацию по поэтике алыптых нымахов, что дает новые надежды. Остальным одному-двум фольклористам сегодня необходимо заниматься также текстологической работой и другими жанрами, и, конечно, кому-то из музыковедов — музыкальным фольклором.

Несмотря на большие трудности в изучении хакасского героического эпоса за последние двадцать лет, по моему мнению, достигнуто определенное продвижение вперед. Хакасскому эпосоведу выпала огромная честь работать в двух знаменитых сериях — московской (ИМЛИ им. М. Горького) «Эпос народов СССР» (впоследствии переименованной по объективным причинам в серию «Эпос народов Евразии») и новосибирской — «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Трудно переоценить значимость этих серий для дальнейшего развития фольклористики, культуры, этнологии, истории. Значимость эта связана, прежде всего, с текстологическим исследованием классических произведений фольклора, которое осуществляется

в процессе их переводов с национального на русский язык, когда составителю-текстологу приходится особо пристально вглядываться в слова, исследовать почти каждое неизвестное слово, идиоматические выражения, словосочетания, встречающиеся в текстах, но значения которых забыты и народом, и сказителями. А их надо найти, восстановить для народа, для науки, культуры и современной жизни. Ни один читатель, кроме составителя и исследователя-переводчика, не совершит той углубленной работы, которую проводит текстолог-переводчик, он же составитель. Думаю, в этом главное значение многоуровневой, по особому трудоемкой работы над сериями, о чем я также писала относительно недавно [6, с. 93–97].

Ведя многочисленные исследования, в том числе алыпных ныхмахов и в некоторой мере других жанров хакасского фольклора, главным образом, приходилось заниматься переводами двух больших памятников героического эпоса — «Алтын-Арыг» [7] и «Ай-Хуучин» [8]. Изучив их более или менее всесторонне, я условно отнесла эти эпосы к периоду Древнехакасского государства VI–XIII вв. н. э. К этому же периоду мною относятся и многие другие алыпных ныхмахи. Например «Алтын-Тайджи» [9], записанный от сказительницы Е. Н. Кулагашевой дочерью З. И. Кулагашевой и ею же опубликованный на хакасском языке, «Айдолай» [10], записанный Т. Г. Тачевой от великого сказителя П. В. Курбижекова и опубликованного ею же на хакасском языке, «Хан-Кичегей» и «Кюн-Тёнгис» [11], записанные от С. П. Кадышева и опубликованные на хакасском языке Т. Г. Тачевой, «Албынжи» [12], записанный и опубликованный В. И. Доможаковым и Д. И. Чанковым на хакасском языке и др. Произведения периода Древнехакасского государства созданы в своей основе путем использования древних пластов фольклора — мифов, легенд, преданий и эпических сюжетов и мотивов предшествующей хунно-сарматской эпохи (I тысячелетие до н. э. — IV в. н. э.), когда зарождались и формировались ранние формы жанра, а также внедрением реальных событий средневековья.

В «Алтын-Арыг» и «Ай-Хуучин», текстологически углубленно мною исследованных, неожиданно вскрылся целый ряд древнеиранских слов мировоззренческого характера, а также слова, которыми называются части человеческого тела. Последние встречаются в основном в хакасском языке (в алтайском и тувинском), еще и в хотано-сакском языке [13, с. 9–11], относящегося иранистами к «иранской группе индоиранской (арийской) ветви индоевропейской семьи языков. Он относится к восточноиранским языкам: по исторической классификации это среднеиранский язык, однако весьма архаичный в сравнении с другими среднеиранскими языками», — пишет Л. Г. Герценберг [14, с. 8]. Как известно, юэчжи, с которыми воевали хунну в древности, тоже были древними иранцами и до покорения паньюем Модэ господствовали в Центральной Азии. Впоследствии тюркоязычные племена смешивались с ними, о чем говорят алыпных ныхмахи, что в дальнейшем будет показано.

Таким образом, установление и этих фактов в эпосе рассматриваемого периода подтверждает правильность избранной методологии, ее плодотворность.

Но вернусь к самой методологии. Поскольку методология исследования, как я понимаю, представляет собой наиболее общий принцип исследования проблемы, то это должен быть такой общий принцип, который дает возможность наиболее успешно раскрыть исторически более или менее глубинное содержание жанра. Метод — это тот ключ, который позволяет увидеть, как говорят, то звено, ухватившись за который можно вытащить всю «цепь», т. е. открыть историческое содержание жанра, в данном случае в эпосе, кажущемся во многом мифологическим, сказочным, т. е. архаическим.

Избранная мной методология базируется на предпосылках и достижениях выдающихся ученых XX столетия: С. В. Киселева, Л. Н. Гумилева, Ю. Н. Рериха и др. Одна из предпосылок — это признание существования евразийского центризма как части человеческого культурного полицентризма, разработанного и открытого великим этнологом

Л. Н. Гумилевым. Он пишет: «...таких центров много. Европа — центр мира, но и Палестина — центр мира. Иберия и Китай — то же самое и т. д., центров много, число их можно подсчитать по сходству ландшафтов» [15, с. 27]. Л. Н. Гумилев считал очень важным отказаться от такого коллективного сознания, как европоцентризм, т. к. это явление «бедственное, а иногда и гибельное». Хотя признание европоцентризма еще довольно сильное и в настоящее время, особенно на Западе, но все же есть этому и мощное противостояние со стороны народов России, на современном этапе ее жизни особенно заметное.

Наиболее яркий и выдающийся евразиец Лев Гумилев историю рассматривает не как сплошное «единое целое с единственным центром в Европе, а как «мозаичную целостность». Думаю, отсюда он пришел к верному выводу, что «общечеловеческая культура, одинаковая (подчеркнуто мною — В. М.) для всех народов, невозможна» [15, с. 39]. «Итак, этническая пестрота — это оптимальная форма существования человечества, хотя политическое объединение различных этносов обладает определенной устойчивостью во времени» [15, с. 39]. От себя я хотела бы добавить, например, Хуннская держава (определение Л. Н. Гумилева) в Центральной Азии в свое время была мощным объединяющим центром, включая в себя, как пишет он, этнически пестрое население, состоящее из древних тюрков, древних иранцев, самодийцев, угорцев, тибетцев-цянов и др. Названную выше методологическую предпосылку дополняет и подкрепляет открытие выдающегося востоковеда-индолога, тибетолога и монголоведа Ю. Н. Рериха, что Азия представляет собою культурное единство, которое обязано своим существованием буддизму [16]. Одна из статей его так и называется: «Культурное единство Азии». Под Азией он имеет в виду Центральную Азию с прилегающими к ней с запада, востока, юга, севера территории с их населением, а также океанические юго-восточные и юго-западные острова с их народами, этносами. На всех этих территориях был распространен буддизм, оказавший влияние на мировоззрение

народов [16, с. 20–27]. Буддизм, несомненно, культурно-объединяющую роль в значительной мере сыграл, но и вера в Солнце как Богу объединяла многих, причем тоже многие столетия. Этот центр цементировался религией солнцепоклонничества (зороастризм).

Центральная Азия — это Передняя Азия, Средняя Азия, Казахстан, Южная Сибирь, Саяно-Алтайское нагорье, Монголия, Тибет — тоже составляли, как пишет Л. Н. Гумилев, один из культурных центров кочевого мира Евразии. Этот центр, как видно, и дал сходные типы героического эпоса: хакасский, киргизский, алтайский, шорский, тувинский, якутский, бурятский, тибетский.

Благодаря многочисленным сказителям сюжеты алыпных нымахов (хотя пусть не в первоначальном целом) хунно-сарматской эпохи, доставшиеся от разноплеменных предков хакасов (и у алтайцев, шорцев, тувинцев и др.), сохранялись, импровизировались до середины XX столетия [17, с. 66]. Алыпных нымахи этого периода мною ранее определялись (в вышеупомянутой монографии в соавторстве с М. А. Унгвицкой) общим понятием как древнейшие алыпных нымахи и герои [2, с. 63–64]. Ныне этого недостаточно, хотя 35 лет назад такое определение воспринималось тоже весьма говорящим.

Ю. Н. Рерих также создал фундаментальный труд «История Средней Азии», первый том которого, к счастью, опубликован и ожидаются еще 2–3 тома. Этот труд им написан еще в 30-х гг. XX в. на основе новой методологии, которую нынешние историки называют миросистемным синхронем и принимают как наиболее прогрессивную и плодотворную в отличие от формационной, которая долго держалась в условиях тоталитаризма [18, с. 223–225]. Ю. Н. Рерих находит и выделяет «главствующие факторы в объединении локальных культур. В древнейший период таким фактором было приручение коня, затем создание конно-скотоводческого хозяйства, далее расписная керамика, звериный стиль, буддизм и т. д.». Через весь труд красной нитью проходит мысль: человечество в целом едино

в своем историческом и культурном развитии [18, с. 224].

По моему мнению, учитывая значение названных объединяющих факторов, особо большую роль для образования древнейшего государства у предков хакасов и остальных центрально-азиатских народов сыграла религия солнцепоклонничества, принятая паньюем Модэ вместо буддизма.

Ю. Н. Рерих своим великим трудом «История Средней Азии» и другими трудами также предстает выдающимся евразийцем, как представляет его ученый мир России. Он и Л. Н. Гумилев подняли и значение кочевой культуры на одинаковый уровень с культурой европейской, земледельческой, показали единство человечества.

В этом культурном центре религии менялись не один раз, а культура кочевого скотоводчества при этом продолжала существовать в тысячелетиях н. э. до недавнего времени. На основе жизни кочевого скотоводчества и действовавших религий и создавался особый тип героического эпоса. Сегодня древнейшие алыптых нымахи, как «Алтын-Чага», «Хара-Хухун», «Палачах-Алтын», «Алтын-Киспе», «Чил Саппа» и др., о которых мне приходилось писать [2, с. 69–96]; [19, с. 50–59], относятся мной не просто к обобщенному понятию «древнейшая эпоха», а к исторически более конкретному, определенному археологами времени — хунно-сарматской эпохе, длившейся многие и многие столетия на территории Центральной Азии (в Монголии, Южной Сибири).

В данной работе не ставится задача рассмотрения указанных произведений полностью в избранном историческом аспекте. Это большая проблема. Но надо заметить, что большинство названных алыптых нымахов хунно-сарматской эпохи в некотором отношении можно определять как «хакасские» варианты или версии богатырских поэм тюрков и бурят России, прежде всего, на тему измены старшей сестры богатыря — настолько много в них общего. И эта общность давно отмечена целым рядом ученых. По моему мнению, это явилось следствием пребывания предков этих

народов в древности, прежде всего, в Хуннской державе.

Надо отметить и другую особенность эпоса хунно-сарматской эпохи: в них нет, во всяком случае, пока не найдено, никакого этнического имени создателей этих произведений. Ни кыргыз, ни сагай, ни хаас и др., как впрочем и в алыптых нымахах периода Древнехакасского государства, а в следующей за ним новой эпохе изредка упоминаются из врагов лишь Кытай-хан (китайский хан) и Моол-хан (монгольский). Для рассмотрения проблемы историзма исследователю ранее казалось не за что зацепиться. И тут на помощь приходит указанная методология с ее идеей полицентризма. В данном случае имеет место центр кочевого скотоводчества «в сочетании» с восточными религиями. И сами герои алыптых нымахов нередко чувствуют себя жителями центра мира — их мира. Это дает возможность исследователю сосредоточиться на этом центре и на взаимоотношениях людей между собой и выйти на исторически известные этносы и их взаимоотношения и тем самым найти ключевое звено определенно-локальной системы мира. Этим ключевым звеном в алыптых нымахе выявляется хакасский (тюркский) мировоззренческий термин *кюннюг* (*күннүг / күнниг*), которым не только в героическом эпосе, но и во всем фольклоре обозначаются сами творцы, прославляемые ими герои и народы. Остатки этого эпического явления сохранились и в героических сказаниях тувинцев, шорцев, алтайцев и якутов («дети Солнца», «Солнечного улуса айыы», например у саха) и др. — откуда бы они появились в «Нюргун боотур стремительном»? [20, с. 7].

В одних алыптых нымахах термин *кюннюг кизи*, *кюннюг чир* встречается больше — например, в «Ай-Хуучин» варианта П. В. Курбижекова почти 50 раз, в других меньше, но имеются и такие, где этих понятий нет — видимо, не все сказители это донесли. В алыптых нымахах и вообще в фольклоре хакасов есть и другие названия его творцов, например горные люди (*аргалыг чон*) и другие, которых здесь не рассматриваю — они носят иной характер. Кюннюг (кюнниг) кизи —

не этнический термин, а есть определение имени народа по его верованию. Что это определение не является только простым противопоставлением жителей поверхности земли существам подземного мира (*körinmester* — невидимые), раскрывает такой эпический мотив. В древнейшем алыптых ныхмах «Алтын-Чага» его герой должен спуститься в подземный мир, чтобы освободить похищенного у него коня от женщины Чис (Чес)-Сибилдей — Медная Сибилдей. Это имя, эпически маркирующее древнюю иранку, т. к. медь была найдена древними иранцами Афанасьевской эпохи. Перед тем как спуститься ему в подземное царство, богатыря Алтын-Чага провожает и напутствует Медная старуха (Чис Иней), которая ему дала белый платок со знаком Луны — «ай оймалыг ах плат» и красный платок со знаком Солнца — «күн оймалыг хызыл плат», чтобы богатырь в моменты сильной усталости утирался ими и просил дать ему новые силы для победы у светил Солнца и Луны, т. е. богов своих. Это означает, что наши предки не просто поклонялись Солнцу (и Луне), читали молитвы, но имели специальные платки с их изображениями: ведь сохранили же и название этих изображений (ойма — это знак, образ, изображение, символ, встречается в основном в эпосе).

Но вот Алтын-Чага не сразу вспомнил, что у него есть при себе платки с изображением светил-богов. Ему нельзя было, как учила Чис-Иней, давать обещание Чис-Сибилдей, что он на ней женится, а богатырь, смертельно устав, дает ей согласие взять ее в жены (конь был похищен ее слугами именно с этой целью как приманка богатыря для вызволения его в подземный мир). Когда Чис-Сибилдей, от радости захохотав, убежала в свое жилище, Алтын-Чага, сев, из кармана извлекает те самые белый и красный платки со знаками Солнца и Луны. Утерев ими черный пот, он сделался вновь сильным, свежим и с новой силой схватывается с Чис-Сибилдей. Тут еще на помощь к нему прилетает стрела (хосто), которая вонзается в грудь Чис-Сибилдей. Такова помощь Богов-светил герою эпоса. Кроме того, после одержанной победы над Чис-Сибилдей, освободив

своего коня, он на коне Чис хула 'Медный саврасый', подаренном Чис-Иней, поднимается на поверхность земли и тут добывает себе в жены Алтын-Кююк. После борьбы с соперником Алтын-Чага снова из правого кармана достает белый и красный платки с изображениями светил-Богов (Луны и Солнца), ими утирается и размахивает вокруг со словами: «Алас, алас!» Слово *алас* — возглас, означающий духовное очищение и произносимый при заклинании богов [21, лл. 147, 153, 205]. Так он одерживает победу и в героическом сватовстве.

Религия поклонения Солнцу и Луне как богам хорошо известна из истории хуннов, которые, по алыптых ныхмаху, были и предками хакасов. Шаньюй Модэ (он же Огуз-хан, а это значит, что он был тюрок) каждый день два раза совершал поклонение: утром — восходящему Солнцу, вечером — Луне. Он титуловался «рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною» [22, с. 80].

Среди хакасов, удивительно, до сих пор встречаются люди, которые сохранили обычай предков каждый день на восходе кланяться Солнцу. Например, жительница г. Абакана Е. И. Балахчина, 71 лет, до сих пор кланяется на восходе Солнцу со словами: «Күн-эне, палаларыма чахсы күн пир! Күн харагын узада көрзін палаларым!» — «Солнце-мать, дай моим детям хорошего дня! Пусть мои дети долго живут!» Буквально: «Пусть мои дети долго видят свет Солнца!» «Ай-эне, палаларым часкалыг, хазых ползыннар!» — «Мать-Луна, пусть мои дети счастливыми и здоровыми будут!» Об этом она мне рассказала 6 марта 2008 г. Елизавета Ивановна — рабочая, по происхождению из кызыльцев Ульчугачевых, по обычаю которых она живет и сейчас. Вот как долговечны обычаи и вера предков!

До сих пор и другие религиозные верования хуннов сохраняются в культуре хакаского народа. Например, как и хунну, приносившие жертву «своим предкам, небу, земле и духам», хакасы даже еще во времена ученых Н. Ф. Катанова и С. Д. Майнагашева (конец XIX и первые два десятилетия XX в.) продолжали совершать жертвоприношения Богам, земле, рекам, горам, духам предков.

Западными соседями хуннов были, как уже отмечалось, юэчжи, у которых, предполагает Л. Н. Гумилев, они заимствовали персонафицированный космос» (у них был его идол) [22, с. 80].

С хуннами хакасов роднит в культуре и мировоззрении также сохранившаяся вера в существование жизни после смерти, как ее продолжение. Отсюда и у них покойника при похоронах снабжали и снабжают и ныне необходимым для загробной жизни едой, напитком. Имеются и другие сходства у хакасов в культуре с хуннами.

В своей рукописи этнограф Ю. А. Шибалева «Хакасское жилище» приводит заметку: «П. С. Паллас пишет о качинцах (одна из бывших племенных групп хакасов — В. М.), что во время его посещения их, т. е. во второй половине XVIII века, они занимались кочевым скотоводством и все «живут... зимою в войлочных кибитках (подчеркнуто мною — В. М.), кои летом прячут для сохранения в известных им горах в сухие пещеры, осенью для сырости покрывают кибитки берестинами...» [23].

Ю. А. Шибалева не дает никаких комментариев к приведенной заметке П. С. Палласа, но, с моей точки зрения, она потрясающе ценна для науки! Ведь известно, что Л. Н. Гумилев, реабилитировавший хуннов, ссылаясь на вышеназванный труд Н. Я. Бичурина, хорошо показал, что кибитки — это жилища хуннов, в них они живут, спят, рожают детей, растят их, женщины выполняют там же различные работы и т. д. Это были дома на колесах, в них запрягали быков и таким образом передвигались куда им надо. В таких кибитках с запряженными быками далекие предки хуннов преодолели, пишет Л. Н. Гумилев, до них не переходимую пустыню Гоби, совершив героический подвиг.

И вот, оказывается, это великое достижение их культуры не исчезло бесследно, оно жило еще многие столетия (и даже тысячелетия) в среде хакасов (качинцев) даже после 50-х гг. XVIII в. н. э. Оно было обнаружено ученым-путешественником П. С. Палласом и им кратко описано, за что его памяти за одно это надо выразить глубочайшую благодарность!

Вот это и есть еще одно прямое и материальное доказательство того, что у хакасов хуннская культура сохранялась почти до нашего времени, как и духовная, в виде фольклорных созданий. Причем они, т. е. предки хакасов и сами хакасы, и представляли собою часть в своем большинстве тюркоязычных хуннов, которые не исчезли, а «растворились» в их этнических разветвлениях — будущих хакасах, шорцах, тувинцах, алтайцах, якутах, бурятах, монголах и т. д.

Поэт и драматург Михаил Еремеевич Кильчичаков (1919–2000), по воспоминанию его друга молодости, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Л. Р. Кызласова (1924–2007), рассказывал о поклонении своего отца Еремея Кильчичакова Солнцу как Богу. Он говорил: «...Перед началом любых работ молился и крестился, всегда глядя на Солнце. Его просьбы к божеству были скромны и смиренны. Он, конечно, хитрил немного, когда весной на пашне с лукошком, повешенным на шее, перед тем, как начать сеять зерно, просил солнце: «Бог-создатель, сделай так, чтобы был урожай! Пусть родится зерно на прокормление хотя бы домашних тараканов, мышек и малых детушек. Ну, если больше уродится, то, может быть, и нам кое-что перепадет. Дай, Боже!» После такой молитвы он начинал рукою разбрасывать зерна в борозды пашни» [24, с. 43].

Научный сотрудник ХакНИИЯЛИ, фольклорист Л. К. Ачитаева в беседе со мной 14 марта 2006 г. вспоминала, как в детстве (она с 1959 г. р.) ее мать, по происхождению из сагайцев, Ольга Романовна Казагашева в замужестве, а урожденная Токоякова из аала Сарыглар (Печень — другое название аала) Таштынского р-на Республики Хакасия, ежегодно в день празднования Пасхи в доме проводила моление, обращенное к солнцу на восходе и к иконам, стоявшим в восточном углу. Для этого, как рассказывает Л. К. Ачитаева (это фамилия ее мужа), все члены семьи родителей — дети и сами отец с матерью — утром, встав, умывались, причесывались и становились лицом к образам икон, что в углу над столом висели. Кланялись Солнцу, когда оно всходило, крестились на иконы. Слов, которые

произносились при этом, она не помнит. Но помнит, что мать постоянно читала молитвы на хакасском и русском языках. А когда ходила отгонять скот на пастбище, т. е. ежедневно, то останавливалась у реки, умывала лицо и руки водой, кланялась солнцу, прося благополучие для своей семьи, для детей (их было 10), для хозяйства.

А вот и другой пример из жизни недавних стариков-хакасов. 21 августа 2006 г. известный ведущий драматург Республики Хакасия и поэт Валентина Гавриловна Шульбаева (урожденная Торокова) рассказала о молениях матери. Ее мать Александра Васильевна Тоданова (1914–1996) была дочерью сказителя Ашаха (Василия) Тоданова. Валентина помнит только о ее летних молениях, так как зимой дома она бывала мало — училась в другом городе. Александра Васильевна утром рано — на восходе Солнца — выходила на улицу и молилась Солнцу-Богу, произнося слова примерно такие: «Син, Күн-Чайаачы, палаларыма, пархаларыма талаан, чахсы чуртас пир!» — «Ты, Солнце-Творец, дай счастье, хорошую жизнь моим детям и внукам!»

«Она, — предполагает В. Г. Шульбаева, — вероятно, молилась ежедневно и зимой, но я не видела. Я знала, что мама всегда встает к восходу Солнца — она мало спала, много работала, была *күлдүк*, т. е. предприимчивой, работающей», — сказала Валентина Шульбаева.

Таких примеров можно привести много. К сожалению, ранее никто из этнографов и фольклористов не догадался искать и записывать такие информации. Я же тоже догадалась делать такие записи лишь недавно. Моление солнцу и луне, несомненно, было распространено среди различных хакасов повсеместно.

И в фольклоре можно найти много таких примеров. Вот предание (кип-чоох) «Кёл тайгы» («Озеро-тайга»), записанное собирателем фольклора Николаем Тенешевым зимой 1956 г. на ст. Сартак Есинского сельсовета Аскизского р-на Хакасской автономной области. К сожалению, не отметил, от кого записал. В предании рассказывается о шести охотниках, которые ходили на охоту. Самый сильный и старший из них был охотник по

имени Талай. После приготовления еды на костре охотники совершили обряд кормления и моления матери-Огню, духам. Потом, поохотившись, через 5–6 дней снова совершили обряд кормления и моления Огню и духам гор, прося больше дичи — птиц и зверей.

Когда охотники стали преследовать какого-то лося, тот с вершины горы через дыру спустился под землю. Охотники решают гнаться за ним, но боятся. А охотник Талай готов спуститься за ним под землю. Но нужен аркан (аргамчы), за которым отправили людей в аал. Когда привезли целый воз аркана (и продуктов), то Талай обвязал себя арканом, опустившись на колени, три раза поклонился Солнцу и спустился («Кўнге ўс хати, тизекке турып, пазырып алган, анаң аргамчы палганып алып, тўзібискен» [25]). Как видим, герои предания кланяются, молятся, приносят жертвы матери-Огню, духам гор, а Солнцу кланяются (и надо думать, молятся) без жертвоприношения, т. е. древнейшая религия политеизм сочетается с монотеизмом — поклонением Солнцу как Богу.

Даже показанное выше свидетельствует достаточно убедительно, что хакасы хорошо сохранили былое верование предков Солнцу как Богу и что оно именно такое, как у паньюя Модэ, жившего в III в. до н. э. (так датируют его жизнь историки).

Героические сказания — алыптых нымахи периода Древнехакасского государства VI–XIII вв. — это огромная тема для исследования, но в данной работе рассмотрение ведется лишь некоторых особенностей в указанном историческом аспекте.

Отмечу, произведения этого периода, прежде всего, обширные по объему — 5–15 тыс. и даже более стихотворных строк (есть до 30 тыс. стихотворных строк). В них отражен не до конца завершённый процесс циклизации сюжетов, образов, преданий, легенд. Эти произведения также многоплановы, с довольно сложной композицией и с целым рядом воинво-богатырей во главе с предводителем, например с той же Ай-Хуучин, представляющих солнечную страну. Эпос указанного периода во многом зиждется на большом опыте пред-

шествующего творения алыпных ныхахов. Под алыпных ныхахами средневекового времени, как следует оговориться, имеются в виду те, которые изображают именно этот условный период жизни его создателей. А время же самого процесса творения алыпных ныхахов об этих событиях могло происходить значительно позднее на несколько сот лет. Именно такое понимание подсказывается исследователю самими зачинами этих произведений.

В том же «Алтын-Арыг» зачин говорит:

Когда земля создавалась,
Тогда же и звезды рождались, говорят.
[7, с. 250]

Слово *говорят* и выдает, что повествуемые события происходили во времени давнем по сравнению со временем, когда о том ведет речь сказитель. Сходное утверждение встречается во многих эпических зачинах, и можно считать их характерной структурой. Зачины того периода могут быть длинными, подробными, а могут быть иногда и короткими в зависимости от отношения к этому художественно-поэтическому приему самого сказителя. Например, великий сказитель Петр Курбижеков не любил обширных зачинов, почему-то для него они не были интересными, говорил, потому что они почти одни и те же. И сильно сокращал. А другие сказители, особенно не обладавшие большим поэтическим даром, не могли дать развернутых зачинов. Вообще зачин как элемент поэтики предполагает наличие большого поэтического опыта в сказительстве и мог быть создан не ранее средневековья.

Но как бы ни было, в зачинах, которые типичны для алыпных ныхахов избранного периода, характерно просцирование начала жизни эпического народа ко времени образования или нахождения меди на земле. В «Ай-Хуучин», например, прямо сказано:

После того, как впервые земля сотворилась,
Было время, когда находили куски красной меди.
[8, с. 63].

Такой зачин свидетельствует о том, что предки создателей алыпных ныхахов событие, связанное с первоначальным нахождением меди, относили к своему прошлому, хоть и далекому... Можно предположить, что они имели на то основание. Авторитетный археолог и историк Южной Сибири С. В. Киселев связывал «формирование современного хакасского населения со всей предшествующей историей Минусинской котловины» [26, с. 458]. Речь здесь идет не только о тюркских предках, но и о угорцах и других, и о части таких предков хакасов, как тагарцы (древние иранцы), а последние имели в предках еще более ранних иранцев-андроновцев и афанасьевцев. В эпоху последних в III тысячелетии, как считают историки, и была найдена медь. Можно легко представить, предания о находке меди были унаследованы от далеких афанасьевцев через андроновцев, которые снабдили ими своих тагарских родственников, а последние — тюркоязычных потомков. Тагарцы и тюркские племена смешивались и в результате у иранцев-тагарцев появились тюркские внуки и правнуки. Знания последних подхватывались сказителями-метисами. Отсюда в тюркоязычном народе могло жить представление о прошлой истории древних иранцев как истории им не чуждой, а даже родной.

Приведенный пример лишний раз свидетельствует, что мифологический зачин алыпных ныхахов, по моему представлению, созданный в средневековье — в эпоху Древнехакасского государства VI–XIII вв., содержит и элементы отчетливо исторические. Уже поэтому в целом этот эпос называть сказочным, догосударственным не оправданно. Другой исторический штрих. Хакасы и их предки с хунно-сарматского времени жили всегда в условиях той или иной государственности. Они составляли часть Хуннской державы, пусть ее периферию. Л. Р. Кызласов видел в них невольников этого государства, силою захваченных, а затем ими вытесненных из Северо-западной Монголии на средний Енисей еще во II–I вв. до н. э. Вряд ли можно спорить о первоначальном насильственном присоединении различных племен к Хуннскому государству — такое

допустимо. Однако можно говорить и о том, что хунну не были для них однозначно врагами. Более того, в эпосе они себя с гордостью называют хуннами — *кюннюг кизи*.

В исторической науке почему-то утвердилось довольно сомнительное, с моей точки зрения, ложное представление, что хунну — вымерший народ, что их культура исчезла. Нельзя не напомнить, что в знаменитом труде Н. Я. Бичурина говорится, что хагасы (кыргызы), древние тюрки, уйгуры и др. вышли из дома Хунну [27]. Когда в IV в. н. э. Хуннская держава распалась под натиском, можно полагать, центробежных сил, «пассионарность» (термин Л. Н. Гумилева) жителей племен страны хуннов не укратилась. Тюркоязычная часть хуннов, по моему мнению, стала бороться за создание своих новых, самостоятельных государств. Так, в середине VI в. н. э. возникло Древнетюркское государство, позднее — во II половине VI в. образовалось Древнехакасское государство, которое просуществовало, по данным археологов-историков, 800 лет. Н. Ф. Катанов определил в свое время целых 18 тюркских государств, начиная с VI в. н. э., и большинство оказалось недолговечным, пишет он. Из-за жадности и стремления жить только для себя, а о народе не думая, не заботясь [28, с. 402–404]. По-видимому, Древнехакасское государство в этом отношении было исключением.

Еще Ю. Н. Рерих писал, что хунну — «группа племен тюркского корня» [29]. Речь идет о самой основе этого государства. И автор богатейшей по содержанию и идеям книги «Хунну. Степная трилогия» Л. Н. Гумилев, внесший, с моей точки зрения, неопределимый вклад в восстановление великой истории хуннов, их значения для жизни и культуры народов Центральной Азии и Китая, по сути тоже доказывал тюркоязычность хунну, опираясь на труды В. В. Бартольда и лингвистов-тюркологов, того же авторитетнейшего Б. А. Серебряникова. А вместе с тем он писал: «К сожалению, фольклор и прочие проявления хуннской духовной культуры, в частности искусства, может быть установлен при расширении археологических работ в Монголии и Ордосе; совре-

менное же хуннам саяно-алтайское искусство великолепно» [22, с. 80]. Я не могу отрицать, что археологи могут многое найти о хуннах. Я позволю высказать свое убеждение на основе доказательных данных: их фольклор, их духовная культура, искусство сохранились у народов Сибири, в первую очередь в фольклоре тюркоязычных, особенно у хакасов, в виде мощных древних пластов и в виде реликвий у других тюркоязычных сибиряков. Средневековый алыптх ныхмах (эпохи Древнехакасского государства VI–XIII вв.), например, такие как «Алтын-Арыг», «Ай-Хуучин», «Албынжи» и др. представляют своих героев хуннами, т. е. *кюннюг кизи*, и доносят до нас идею важности единства народов *кюннюг кизи*, т. е. хуннов, борьбу за единство этого солнечного мира, борьбу с междоусобицей как внутри отдельных владений-чуртов, так и борьбу между чуртами-владениями, принадлежащими к солнечному миру, т. е. миру людей, поклоняющихся Богу — Солнцу (и Луне).

Но никто из историков и лингвистов не расшифровывал слово *хунну*. Мне уже приходилось, исходя из труда Л. Н. Гумилева «Хунну. Степная трилогия», обращать внимание на этническую неоднородность хунну (в составе этого кочевого суперэтноса были, кроме тюркских племен, «сяньбийцы» (древние монголы), цяны (кочевые тибетцы), малые юэчжи (восточные древние иранцы — В. М.), усуни, кыпчаки и другие племена) [22, с. 53–58]. Я отмечала, что хунну — не этнический термин, а обобщенное название племен, исповадовавших веру в Бога-Солнце. Отсюда они себя называли *күннүг / күнниг кизи* (*кюннюг кизи*), а свою страну, государство в эпосе именуют *кюннюг чир*, т. е. солнечный мир или страна, поклоняющихся Солнцу людей.

Мною приводилось много примеров из алыптх ныхмахов о том, как называет себя эпический народ. Например:

Инеліп-чобалып чөрбезін күнниг кизи.

Человек, поклоняющийся Солнцу, пусть
не страдает

[пер. мой — В. М.].

[10, с. 59]; [30, с. 240–246].

Так говорит Хан-Тёнгис-хан своей жене Хан-Арыг, услышав о печали богатыря Айдолая, который скитается в поисках сбежавшей от его семьи седой рабыни и попадает в его владение-чурт.

Люди, поклоняющиеся Солнцу и Луне, — это герои эпоса, их народы и племена. Они тракуются жителями солнечного мира или солнечной страны. Иногда это определение предстает в полной форме: «айлыг-күнниг кизи» — буквально «человек, обладающий (или имеющий) Луной и Солнцем», а по смыслу — человек, поклоняющийся Луне и Солнцу. Этнограф В. Я. Бутанаев весьма отрицательно реагирует на данное мое толкование и приводит, опровергая мою концепцию, примеры, которые, наоборот, с моей точки зрения, лишь подтверждают мое понимание этого явления [31, с. 184]. Считаю нужным в данном случае последовательно представить свою точку зрения на формулу «айлыг-күнниг кизи», «айлыг-күнниг чир», «күнниг кизи», «күнниг чир». Оппонент правильно говорит, что в эпосе хакасов (да и во всем их фольклоре — В. М.) такое именование людей означает противопоставление их врагам-демонам как невидимым глазу (көрінместер) существам подземного мира. Последние, действительно, часто изображаются живущими в подземном царстве, куда попадают обычно через своего рода люк или пасть земли. Но из содержания эпоса видно: по описанию внешности они такие же человеческие создания, как и люди солнечного мира, живущие на поверхности земли. Но различие между ними в уровне их духовности, нравственности — люди солнечного мира добрые, не алчные, с чистыми помыслами, человеческие, благородные, а көрінместер — это грабители, захватчики чужого народа, чужого скота, похитители детей, коней, женщин. И это — часто. Но встречаются в алыптах нымахах эпохи древнехакасской государственности и богатыри, по происхождению принадлежащие солнечному миру, но позволяющие себе встать на путь разбоя, грабежей, кровавых преступлений, за что несут тяжелую кару и оказываются частью невидимых көрінместер (демонов). Так, в «Ай-Хуучин», в варианте С. П. Кадышева,

Хыян-Тёнгис, богатырь, прикованный к скале в подземном мире, спрашивает у богатырки Ай-Хуучин:

— Айлыг, күнниг чирдегі хабарың
Чоохтап пирдек, Ай Хуучин!

Весть свою из лунно-солнечной страны
Сообщи же, Ай-Хуучин!

Ай-Хуучин ему отвечает:

— Айлыг, күнниг чирдегі хабарың
Хайдаг кирек пол тур сагаа? — тіп.

Весть из лунно-солнечной страны
Зачем тебе стала нужна? — сказала.

Хыян-Тёнгис:

— Айлыг, күнниг ол чирде
Синдегөк алып мин полғам.

В той лунно-солнечной стране (земле)
Я тоже был богатырем подобным тебе.
[11, с. 372].

В дальнейшем Хыян-Тёнгис рассказывает главному воину владения Хан-Миргена и всего Солнечного мира — Ай-Хуучин историю своего духовно-нравственного падения, завершившегося навсегда переходом в демонический мир и затем гибелью от рук богатырской девы. В «Ай-Хуучин» варианта П. В. Курбижекова содержатся многочисленные эпические воспевания солнечного мира, высокие достоинства людей солнечной земли, которые там встречаются почти 50 раз, в то время как у С. П. Кадышева лишь изредка. Это показатель того, что не все сказители смогли донести далекую древность равным образом. В иных произведениях рассматриваемой эпохи на солнечный мир только намекается.

Народ в глубокой древности, думаю, тоже не сомневался, что воины-грабители, захватчики — это телесные люди, жители, но это и внешне, и внутренне нравственно уродливые существа. Создатели эпоса художественно-поэтически проецировали их в невидимый тонкий

мир согласно своего религиозно-духовного мировоззрения. Это — художественный способ их маркировки. И местом их обиталища они определили подземный мир. Но значение «күннiг кiзi, күннүг чир» не ограничивается только способом противопоставления людей разного вероисповедания. Для них враги, творящие гибель, безмерное зло — это не люди, а чудовища, родственные злым духам — существам подземного царства. А люди своей страны — солнечного царства — подлинны, настоящие люди. Совсем не случайно, что в монгольском языке сохранилось слово *хун* в значении *человек* [32, с. 574]. Это должен быть тот самый *хун*, который поклонялся Солнцу как Богу, а потому он человек. Предки монголов ведь тоже входили в Хуннскую державу. В китайскую историографию, возможно, слово *хунну* взято из тюркской огласовки, но сами китайцы называют хуннов еще «сюнну».

Само собою понятно, что в отличие от подземного мира, где нет светил, поверхность Земли освещается днем Солнцем, а ночью циклично — Луной. В. Я. Бутанаев не учитывает, что, изображая два этих мира, этим определением они не хотели ограничить реально существующий мир создателей эпоса. Они же изображают и небесный мир как многоярусный (үс-тоғыс там и более). В самом высоком ярусе живет Бог, который и правит людьми Земли, людьми солнечного мира.

И при этом создатели алыптых нымахов отчетливо дают знать, что люди, живущие на поверхности Земли, освещаемой солнцем, могут и не быть поклоняющимися Солнцу как Богу. Это значит, что не все они исповедуют веру одну и ту же. И не все они люди страны күннүг чир, т. е. страны хунну.

В алыптых нымахе рассматриваемого периода — в «Хан Кичегей», записанном от того же С. П. Кадышева, в том же сборнике (11, с. 174–175), освещается непосредственная принадлежность двух ханов к вероисповеданию Солнца и Луны.

Айның алтында чуртапчатхан Ай хан —
Айлығ, күннiг, ах сағыстығ кiзi.

Ай-хан, живущий под луной, —
Поклоняющийся Луне и Солнцу, он человек с чистыми мыслями.

Или:
Күннiң алтында чуртапчатхан
Күн хан — күннiг, айлығ кiзi.

Живущий под солнцем
Кюн-хан — человек, поклоняющийся Солнцу, Луне [здесь и далее перевод мой — В. М.].

Такое представление несет характеристику владетелей чуртов как принадлежащих к числу людей, поклоняющихся Солнцу как Богу, а это значит, что они и составляют страну, государство, которое в истории называлось Хунну, возможно, в китайском произношении, но на основе тюркского слова күннүг / күннiг.

Весьма говорящими являются и такие факты из жизни современных хакасов. На хакасской свадьбе для молодоженов ставится специальный шалаш для поклонения Солнцу и Луне, для испрашивания у них счастья и детей. И общеизвестно, что у хакасов на похоронах одним из элементов обряда является устройство прощания с Солнцем и Луной покойного: «Айға, Күнге көрiп ал». — «Посмотри на Солнце и Луну!»

Также уместно напомнить, что в алыптых нымахах предшествующего времени — хунно-сарматской эпохи действуют не так уж редко богатыри, носящие при себе белые платки с изображением Солнца и Луны, размахивая которыми испрашивают в минуты смертельной усталости в борьбе с врагом силы для победы. Бог-Солнце им помогает. Таково их утверждение.

Для алыптых нымахов периода Древнехакасского государства характерна, кроме сказанного, также новая локализация эпических событий. Герои и ханы их живут у подножий разных горных хребтов. Если в хунно-сарматскую эпоху локализация часто одинакова — Алтай сын (Алтайский хребет), подножие его, в котором видится реально-географический Монгольский Алтай, где, исторически известно, что там жили древние киргизы до

прихода на средний Енисей. Перекочевки в Минусинскую котловину, в бассейн Среднего Енисея, эпос отражает чаще всего локализацией эпических событий у хребта Ах-сын (Белый хребет) — в «Алтын-Арыҭ» у П. Курбижекова, и в «Айдолай» — у него же, в «Кюн-Тёнгис» — у С. Кадышева, Тастыҭ сын («Каменистый хребет») — в «Ай-Хуучин» у С. Кадышева. В связи с новым местом жительства появляются хребты Ханым-сын (в «Хан-Мирген» у А. В. Курбижековой), Кирым-сын (в «Албынжи» у С. Кадышева, в «Алтын-Арыҭ» у П. Курбижекова), Кирым-сын соседствует с Ах-сын, реально известных в Ширинском районе Республики Хакасия. Землю, ландшафт долины Енисея создатели алыптых ныхахов указанного периода воспринимают как великую красоту: здесь много великих рек, озер, изобилующих рыбой, цепи гор, тасхылов, леса полны зверей и птиц, горы и скалы скрывают тайны живущих здесь людей, а степи в долинах-подножиях — это сплошные пастбища для скота — коров, лошадей и овец.

Хакасский алыптых ныхах не знает моноэтнуса. В нем этнических имен народов, в том числе его создателей, нет. Народ, живущий у гор, между хребтов, в долинах рек всегда разноэтничен. Так, в «Албынжи» повествуется:

Улуҭ полҭан чурттын істінде
Арҭал аймах чон чуртап,
Улаҭа пазы урунысчатхандаҭ.
[12, с. 13]

Во владении, которое было большим,
Горный, различный народ живет,
Углы его юрт как будто друг друга касаются.

Алыптых ныхах — это героическая история народа, его творца, причем, можно сказать, нередко до самых деталей. Предки хакасов не были только тюркоязычным этносом, который вел войны, а затем и смешивался с древнеиранскими племенами. Больше в эпосе древнеиранских слов, чем монгольских, тем более — угорских (в дальнейших исследованиях может и найдутся). К угорским словам, встречающимся в них, возможно, отнести лишь слово *соол* —

камин, имеющийся и в хакасском языке, эпосе и в угорском языке. Влияние культур предков манси и хантов на предков хакасов, хотя с ними тоже перемешивались, пока мало известно.

Древнеиранское влияние было довольно сильным и богатым на духовную культуру предков хакасов. Алыптых ныхахи рассматриваемого периода поразительно богаты общностью основ сюжетов, мотивов, образов, художественно-поэтических приемов для характеристики героев, персонажей и эпических врагов, даже животных, например, возмем собаку с четырьмя глазами в «Ай-Хуучин». Мною обо всем этом написана специальная статья [33, с. 42–50], поэтому здесь назову лишь осетин, в эпосе которых мною обнаружены эти общие основы.

По-видимому, время, следовавшее после смешения юэчжей с кыргызами, иранцев-тагарцев с кыргызами на Енисее и с другими тюркоязычными этносами, и дало огромный стимул для развития алыптых ныхахов рассматриваемого периода. Заметим, древние иранки эпосом представляются обольстительницами, антропологически они отличаются от женщин-героев или просто персонажей алыптых ныхаха. Они с высокими и длинными носами, гротескно узколищые (лицо «шириною с три пальца», с очень узкой талией, что возможно оборвать («ўзе тутпа пилліг»), с выпученными очень большими и сверкающими глазами (тошпах, чалтырап турган характеры) — таков ярко изображенный портрет европеоидной женщины, которая женит на себе героя солнечного мира. Этот мир, эта солнечная страна, для народных масс окончательно распавшейся в VI в. н. э. страны-державы, не просто дорогое воспоминание замечательного прошлого, где в единстве, пусть хрупком и непостоянном, и даже, может быть, порою кратковременном, жили различные этносы, помогая защищаться друг другу, где идеология их общей религии солнцепоклонничества требовала чистоты помыслов, где встречались, бывали и такие правители владений-чуртов, которые заботились о сытой жизни для них, народных масс. И на этот счет сохранилась не одна поэтическая формула.

Эпическая солнечная страна («кюнниг чир») первоначально — это Хуннская держава древности с центром в Монголии. Нередко в алыптых нимах описывается Хуба сёл чазы — пустыня Гоби. Но с переходом в долину Енисея эта земля для народных масс оставалась прародиной — и в условиях средневековой Хакасии народ сохранил патриотизм, свойственный быломu хуннскому миру. Народ мечтал о восстановлении добрых жизненных традиций, о былых жизненных достижениях. Он никогда не забывал свою прародину, и во многих алыптых нимах средневековья еще порою встречается мотив локализации эпических событий на Алтае, а мотив путей-дорог богатырей через Гоби (Хуба) продолжает вставляться в сюжеты.

Народ страстно боролся в своем словесно-художественном творчестве против зла — войн, против междоусобиц, за мирную жизнь и восстановление лучших достижений, а под этим понимали постоянную обеспеченность пищей, одеждой, конем, желание иметь много скота, много детей, отсутствие жестокости и унижений в человеческих отношениях между правителями и подчиненными им простолюдинами, а особенно, и наряду с этим, — за чистоту помыслов.

А жестокостей народ испытывал много и в Хуннской державе, и в других, а также и в Древнехакасском государстве. Так, в «Хан-Кичегей» жестокость Ах-хана характеризуется такой поэтической формулой:

Ах ханның үлгүзи-чарғызы
Хатығ үлгү-чарғы полған.
Халых албат чонын
Уғаа сидік чуртта чуртатчададыр.
Чахсы ат мўнген кізінің
Чахсы адын тудып аладыр,
Чахсы кип кискен кізінің
Чахсы кибін суурып аладыр.
Мал соғып, чонын азыри чоғыл.
Мал өлзе, өлген мал идінең,
Аны даа көместең, синнең пиредір.
Ах ханның чоны уғаа чобағлығ

чуртапча.
[11, с. 127]

Власть и суд Ах-хана
Были жесткой властью и судом.
Массу данников-народа
В очень трудной жизни держал,
У человека, кто сел верхом
на хорошего коня,
Отбирал [того] хорошего коня,
У человека, кто был в хорошей одежде,
Снимал ту хорошую одежду.
Скот, закалывая, народ свой не кормил,
Если сдохнет скотина, мясо дохлой
скотины
И то понемногу, в меру раздавал.
Народ Ах-хана очень тяжко жил
[перевод мой — В. М.].

В Хуннской державе, как видно из алыптых нимахов, имели место междоусобицы, сохранился даже редко встречающийся термин, обозначающий такие войны — ағын чаа, а в огузском эпосе он называется «акын», как отмечал Х. Г. Короглы [34, с. 11]. Они и подорвали государственные устои, во всяком случае это, видимо, была одна из значительных причин крушения государства.

Междоусобные войны и войны с внешним миром, надо полагать, в исторической действительности у хуннов сопровождалась и нравственным падением наследников правителей владений-чуртов. О непослушании и неследовании советам старших родственников — родителей, сестер, братьев и других, а иногда и мудрых коней повествуют многие алыптых нимахи периода древнехакасской государственности VI–XIII вв. н. э. Завязка в таких произведениях нередко связана с конфликтом в семье между старшими и младшими, в первую очередь с наследником, которому предстоит принять на себя функции правителя чурта, в то время как он ведет беззаботный образ жизни. К таким относятся шестилетний брат в «Алтын-Арығ», опубликованный в серии «Эпос народов СССР», Хан-Мирген в «Ай-Хуучин» — в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», Хулатай тоже в

упоминавшемся уже «Албынжи» и увлекающийся питьем вина Алтын-Тайджи в «Алтын-Тайджи». А «Кюн-Тёнгис» весь построен на вражде отца и сына, с одной стороны, с матерью и дочерью, с другой стороны. Женщины стремятся овладеть волшебным оружием — живым мечом, чтобы иметь превосходство вторых над первыми. Тайная мысль жены и дочери — это взять в руки правление владением, а для этого нужен меч.

Другое отличие эпоса данной эпохи от предшествующей — это отражение в алыпных нимахе некоторых контуров иерархической структуры в системе государственности, конкретно — в Древнехакасском государстве, образовавшемся после выхода из-под подчинения властителям хуннов на самостоятельный путь развития. Известно из истории енисейских кыргызов, что они поменяли свое кыргызское имя на хакас, тем самым, по-видимому, признавая свою самостоятельность и от кыргызского каганата, и взяли за основу имени эпоним — имя Хакас (от Хакас-хана).

Примечательно, что в алыпных нимахах VI–XIII вв. появляются при правителях чуртов-владений мудрые советники. Тема советника в эпосе хакасов развивается в таких произведениях, как «Ай-Хуучин», где само имя (Ай-Хуучин) богатырской девы (фактической предводительницы воинов при правителе Хан-Миргене) обозначает советника и где ее действия соответствуют такой официальной функции, вернее — одной из ее функций. Роль советника в «Алтын-Арыг» ведет богатырь Хулатай при Чибетей-хане — правителе чурта.

В таком эпическом произведении, как «Ача-пиг», советником выступает мудрый конь [35]. Этот мифо-эпический сюжет, видимо, корнями целиком уходит в хунно-сарматскую эпоху, где борьба ведется с самыми жестокими собирателями дани, которые невидимо, тайно, незаметно для плательщиков стригут у них пряди волос, оставляя для себя эти волосы, по-видимому, как вещественное доказательство их владычества. Об этом унижительном положении для ханов, платящих дань повелителям, предупреждает героя-богатыря Алтын-Иргека его конь Ача-пиг (имя означает отец,

старший брат-бек). Из исторических трудов известно, что обычай тайно стричь волосы существовал у хуннских владык [36, с. 125].

Советник при правителе-хане известен и в древнетюркском руническом памятнике литературы VIII в. н. э. Это — мудрый Тоньюк при Эльтерише-кагане.

В одной из статей мною сделана попытка сравнительного анализа как темы советника в эпосе хакасов и в древнетюркском письменном памятнике, так и соответствующих образов [37, с. 91]. Указанная параллель в историческом памятнике и в устном эпосе — весьма выразительный факт. Это свидетельство того, что образ советницы Ай-Хуучин — не вымысел, сказители исходили от реальности жизни. К вымыслу, а вернее сказать, к верованию в тотемов, относится только ее происхождение от родителей-коней, в которых воплощены опять-таки реально бытовавшие у предков хакасов тотемические представления.

Наряду с темой советников в алыпных нимахах данного периода получают изображение образы специально функционирующих, особо героических по характеру и особенно могучих по физической силе воинов. Они служат определенному хану-пигу — правителю чурта-владения и солнечной страны. Такой воин-богатырь обычно является главным защитником среди других воинов-богатырей, хотя ему и его правителю они родственны. В условиях разделенности функций — правителя и главного воина — богатыри нередко выполняют одновременно и функции советника, как, например, та же богатырская дева Ай-Хуучин. Алтын-Арыг же в одноименном алыпных нимахе, являясь главным и специальным воином, не является советницей. В «Айдолае» так же, как в «Ай-Хуучин», видим совмещенность в одном лице главного воина и советника. Это старший брат правительницы Алтын-Арыг — богатырь Айдолай. Есть и другие героические сказания, где действуют и функционируют специальные и главные воины-защитники при правителях-ханах. И, несомненно, это не вымысел, а история жизни прошлого предков хакасского народа.

Как видно, историзм алыптых нымахов глубок, хотя конкретных исторических правителей пока трудно, может быть, невозможно найти, особенно если иметь в виду, что у тюркоязычных народов люди имели не одно, а несколько имен и прозвищ — домашнее имя-прозвище, детское и имя взрослого человека, которые он часто носит всю жизнь. Но и то, что вскрыто, надеюсь, ценно для дальнейшего научного движения в изучении историзма алыптых нымахов.

Служба хану-властителю воинов-богатырей — это Алтын Арыг — Чибетей Хану и Ай-Хуучин — Хан Миргену, а также наличие советников у этих властителей есть несомненные знаки того, что «Алтын Арыг», «Ай Хуучин» и некоторые другие являются образцами новой стадии развития алыптых нымаха, а именно — перед нами предстают образцы государственного героического эпоса. Так что хакасский народ имеет не только ранние формы героического эпоса, но и историко-мифологический героический эпос государственной стадии. И это своего рода классический образец исторического пути развития его — почти перманентного. Еще В. Я. Пропп определил критерий для государственного эпоса — это наличие при хане-властителе «богатырей, которые бы ему служили» (38, с. 53), что и имеем в «Алтын Арыг» и в «Ай-Хуучин». А это высокое достижение в словесном искусстве и культуре народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбелев, С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. — Л., 1982. — 322 с.
2. Унгвицкая, М. А., Майногашева, В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. — Абакан, 1972. — 310 с.
3. Пухов, И. В. Героический эпос саяно-алтайских народов и якутские олонхо. — Якутск, 2004.
4. Суразаков, С. С. Алтайский героический эпос. — М., 1985. — С. 20–255.
5. Трояков, П. А. К вопросу об историко-генетическом изучении ранних форм эпоса // Советская этнография. — М., 1974. — № 3. — С. 125–132.
6. Майногашева, В. Е. Об академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и хакасском эпосе // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. — Абакан, 2005. — IX. — С. 93–97.
7. Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос [запись и подг. текста, ст., пер. и коммент. В. Е. Майногашевой]. — М., 1988. — 592 с.
8. Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». Сказитель П. В. Курбижексов [вступ. ст., запись и подг. текста, пер., прим. и коммент., прилож. В. Е. Майногашевой]. — Новосибирск, 1997. — 476 с.
9. Алтын Тайчы. Алыптыг нымах [нымахчы Е. Н. Кулагашевадан пазып, пічікке З. И. Кулагашева тимнеен]. — Абакан, 1973.
10. Айдолай [хайчы П. В. Курбижексовтан Т. Г. Тачеева, пазып, пічікке тимнеен]. — Абакан, 1963. — 189 с.
11. Алтын Арыг. Алыптыг нымахтар [С. П. Кадышевтең пазылган. Т. Г. Тачеева тимнеен]. — Абакан, 1958. — 422 с.
12. Албынчы // Алыптыг нымахтар [книганы В. И. Доможаков, Д. И. Чанков тимнеенер]. — Абакан, 1951.
13. Майногашева, В. Е. Древнеиранское лексическое наследие в языке эпоса хакасов // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. — Абакан, 2002. — VI. — С. 9–11.
14. Герценберг, Л. Г. Хотано-сакский язык. — М., 1965.
15. Гумилев, Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и Цивилизации. — М., 1993.
16. Рерих, Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. Статьи. Лекции. Переводы. — М., 1999.
17. Майногашева, В. Е. Хакасский героический эпос алыптых нымах: происхождение, периоды развития и изучения // Современные подходы к созданию УМК нового поколения. Сборник статей и тезисов выступлений участников Межрегиональной научно-практической конференции. — Абакан, 2007.
18. Какеев, А. Ч. История народов в зеркале миротемного подхода: к выходу первого тома «Истории Средней Азии» Ю. Н. Рериха // Культура и время. — 2005. — № 3.

19. Майногашева, В. Е. Некоторые элементы композиции хакасского эпоса // Проблемы хакасского фольклора. — Абакан, 1982. — С. 50–59.
20. Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо; [пер. на русский язык Владимира Державина.] — Якутск, 1975.
21. Алтын Чаҕа [запись сказителя Д. А. Сазанова] // Рукоп. фонд ХакНИИЯЛИ. — № 103. Лл. 147, 153, 205.
22. Гумилев, Л. Н. Хунну. Степная трилогия. — СПб., 1993.
23. Шибаета, Ю. А. Хакасское жилище [Рукопись] // Рукоп. фонд ХакНИИЯЛИ. — № 352. — Л. 5. Её ссыла см.: Паллас С. П. — СПб., 1778–1788, II. — С. 145–565.
24. Кызласов, Л. Р. Мой друг — дитя народа (памяти М. Е. Кильчичакова) // Жизнь, отраженная в слове (к 80-летию со дня рождения М. Е. Кильчичакова). — Абакан, 1999.
25. Кӧл тайгы (кип-чоохтар) [запись Н. Тенешева на ст. Сартак Есинского с/с Аскизского р-на Хакасской авт. обл.] // Рукоп. фонд ХакНИИЯЛИ, 1956. — № 717.
26. Киселев, С. В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951.
27. Бичурин, Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.-Л., 1950. — Т. I.
28. Катанов, Н. Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племен // Н. Ф. Катанов. Таллап алған піліг тоғыстары. Хакас фольклорының паза этнографиязының тексттері. — Анкара, 2000. — С. 402–404 (на турец., хак. и рус. языках).
29. Рерих, Ю. Н. История Средней Азии. — М., 2004. — Т. 1.
30. Майногашева, В. Е. Исторические хунну и эпические кӱннӱг кӱзі // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии: материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося евразийца XX в. — Л. Н. Гумилева. — СПб., 2002. — Т. 1. — С. 240–246.
31. Бутанаев, В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саяно-алтайских тюрков. — Абакан, 2005. — 184 с.
32. Монгольско-русский словарь. — М., 1957. — 574 с.
33. Майногашева, В. Е. Об общности основ мифологии и эпоса хакасов и осетин-потомков скифо-иранцев // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. — Абакан, 1998. — С. 42–50.
34. Короглы, Х. Г. Огузский героический эпос. — М., 1976.
35. Ача пиг // Рукоп. фонд ХакНИИЯЛИ, инв. № 98 [запис. А. Т. Кызласовой от сказителя Порлата Боргоякова].
36. Майногашева, В. Е. Аскизская земля: роль мастеров фольклора в духовно-нравственном развитии хакасского народа // 60 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории. — Абакан, 2005. — С. 119–125.
37. Майногашева, В. Е. Тема советника в древнетюркской надписи и хакасском алыптых нымаче (Тоньюкук и Ай-Хуучин): материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию древнетюркской письменности. — Абакан, 2002. — С. 91–101.
38. Пропп, В. Я. Русский героический эпос. — М., 1958. — 598 с.

СТЕРЕОТИП КАК СРЕДСТВО ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖА В АНЕКДОТЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Л. А. Теклева

УДК 398.22

В статье рассматривается роль стереотипов в изображении персонажей в анекдотах периода Великой Отечественной войны. Показана роль стереотипии в изображении обобщённого и исторического персонажей.

Ключевые слова: **фольклор, анекдот, стереотип, обобщенный персонаж, конкретный персонаж.**

Анекдот — «короткий устный рассказ о вымышленном происшествии злободневного бытового или общественно-политического содержания с шутливой или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой» [1, с. 20]. Его уникальность заключается в том, что он является живым, развивающимся жанром устного народного творчества, напрямую связанным со всеми событиями, происходящими вокруг.

В современной фольклористике накоплено достаточно материалов о характере бытования и жанровых особенностях анекдотов, но анекдоты периода Великой Отечественной войны практически не исследованы. Цель данной статьи — рассмотреть стереотипы как одно из средств изображения персонажей в анекдотах периода Великой Отечественной войны.

Материалом исследования послужили анекдоты, опубликованные в сборниках «Фронтной юмор» [2], «И поёт мне в землянке гармонь» [3], а также подборки фронтного юмора, сделанные по материалам архивных документов.

Сложность исследования заключается в том, что в годы Великой Отечественной войны очень активно шёл процесс заимствований: авторские шутки, передаваясь устно, превращались в фольклор, а популярные анекдоты, переделанные в соответствии с требованиями пропаганды, использовались профессиональными сатириками. Отсюда невозможность разграничения некоторых анекдотов и авторских текстов. В работе

использованы анекдоты, зафиксированные в 1941–1945 гг.

В период войны анекдот активно используется в целях пропаганды и агитации. Эффективность использования данного жанра была обусловлена следующими его свойствами: если анекдот не соответствовал мировоззрению большинства носителей фольклорной традиции, он не мог стать частью фольклорного процесса, если же сюжет соответствовал политическим настроениям определённой группы людей, его распространению не могли помешать никакие запреты. Попав в обращение, подобные анекдоты не исчезали из числа используемых сюжетов до того момента, пока не теряли актуальности.

М. А. Мельниченко в работе «Феномен фронтового анекдота: народное творчество или инструмент агитации» отмечает: «Одним из агитационных приемов является намеренное упрощение картины мира, апелляция к стереотипам: рациональные аргументы отступают на второй план перед активизацией подсознательных основ человеческого поведения» [5].

Термин «стереотип» (греч. *stereos* — твердый, *typos* — отпечаток) ввел в научный оборот американский социолог У. Липпман. Под стереотипом ученый подразумевал особую форму восприятия окружающего мира, которое оказывает влияние на данные наших чувств раньше, чем эти данные дойдут до нашего сознания [6, с. 95]. По утверждению У. Липпмана, человек, пытаясь постичь

окружающий его мир во всей его противоречивости, создаст «картину в своей голове» относительно тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Ясное представление о большинстве вещей человек имеет еще до того, как он с ними непосредственно столкнется в жизни. «В большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его» [6, с. 81]. Подобные представления-стереотипы формируются под влиянием социального и культурного окружения. По мнению В. П. Аникина, «стереотипная формула вобрала в себя комплекс бытовых и мировоззренческих представлений и понятий разных эпох» [7, с. 320]. Являясь фольклорной спецификой жанра, стереотипность распространяется, в первую очередь, на персонажей анекдота: «все события в анекдоте происходят со стереотипными типажамипародиями» [8, с. 23].

Кто же становился персонажем анекдота периода Великой Отечественной войны? В первую очередь, это обобщенный герой из реальной жизни, собирательный образ, стереотип. Именно обобщенные персонажи характерны для традиционного народного анекдота. Даже если анекдот рассказывается о том, как, к примеру, «немец пишет письмо жене с фронта...», персонаж всегда абстрагирован от конкретного человека, нельзя сказать, что анекдот — про какого-то конкретного немца. В анекдоте с обобщенными персонажами обязательно конкретизируется какой-либо дополнительный параметр, например, указано воинское звание персонажа:

— *Герр обер-лейтенант, во избежание ненужных потерь почаще зарывайтесь в землю.*

— *Мы и так зарываемся. Вчера две роты зарыли* [1, с. 221].

Из текста ясно, что один из персонажей — обер-лейтенант. Это не конкретный обер-лейтенант, а собирательный образ, стереотип имеющегося представления о немецком командире в звании младшего офицера.

Иногда персонаж назван по имени или по фамилии, но и в этом случае он не имеет

в нашем представлении реального единичного прототипа и поэтому является обобщенным:

— *Фриц, который час?*

— *Последний...*

— *А твои часы не врут?*

— *Нет. Я их сверял по берлинскому времени* [1, с. 223].

Использование в анекдотах имен Ганс, Фриц, Курт, Карл является следствием стереотипного представления о том, как зовут немцев. От распространенных немецких имен образованы прозвища немцев: «фрицы» и «гансы». Аналогичным образом немцы называли «иванами» всех советских солдат.

Чаще всего в анекдотах с обобщенными персонажами конкретизируется национальность:

— *Неужели русские снайперы так метко стреляют? — спросил впервые попавший на фронт немецкий солдат и высунул голову из траншеи.*

Покойник больше никогда ничего не спрашивал [1, с. 228].

При помощи собирательного лица, олицетворяющего собой «русского» или «немца», обыгрываются не характеры конкретного народа, а соответствующие группы: русские или немецкие солдаты. При этом явным (эксплицитным) персонажем большинства анекдотов является немец, а его потенциальным противником, (имплицитным) персонажем — русский. В анекдотах, построенных на конфронтации русского и немца, русские всегда выступают победителями, а немцы терпят поражение и показаны в бедственном положении:

— *Как у вас с зимним обмундированием, герр полковник?*

— *Получили по шапке... Русские дали...* [2, с. 105].

Русский является персонажем, в стране которого создан анекдот, немец — персонажем, о котором создан анекдот, в основе лежит оппозиция «свой/чужой». Образ русских солдат-освободителей создается через осмеяние немецких захватчиков. В одних анекдотах это легкое иронизирование над немцами:

— *Ну, каковы наши успехи, герр генерал?*

— *Великолепны! По моим данным, мы победно отступаем, а русские беспорядочно бегут за нами* [2, с. 104].

В других ирония сменяется злым высмеиванием:

Обер-лейтенант. *Герр полковник, что это значит? Я попросил надежное пополнение, а получил... роту хромых и слепых.*

Полковник. *Так это же и есть самые надежные: они назад не побегут* [1, с. 223].

При изображении персонажей данного анекдота образный аспект преобладает над функциональным: на первый план выдвигаются не описываемые события, а физиологические недостатки новобранцев.

Хотя персонажи в анекдоте изображаются схематично, часто это способствует разрушению устойчивых стереотипов, например:

— *Чистый ариец не должен дрожать.*

— *И я не дрожу. Это земля дрожит, а я с нею вместе — за компанию.*

В данном случае разрушается стереотипное выражение «чистый ариец», которое обозначало человека высшей расы, то есть идеального во всем. Комический эффект достигается при помощи игры слов, построенной на полисемии глагола «дрожать». Ариец дрожит — трясется от страха, земля дрожит — сотрясается от взрывов. Основным средством создания комического эффекта становится каламбур. Каламбур — это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова (полисемия), либо разных слов и словосочетаний, тождественных или сходных по звучанию (паронимия) [9, с. 427]. «Каламбур — результат словесного трюкачества, он производит комический эффект, в основе которого лежит обманутое ожидание. Контекст должен зафиксировать читателя на одном значении слова, и тогда переход к другому значению окажется неожиданным» [9, с. 495].

Словесное описание внешности обобщенных персонажей в анекдотах почти не встречается. В тех случаях, когда описание все-таки присутствует, оно предельно кратко и либо передает какое-либо гиперболизированное

качество, либо имеет существенное значение для сюжетного действия:

— *Почему у тебя, Ганс, перевязан глаз?*

— *Вчера ночью на русский штык напоролся.*

— *То-то русские говорят: такая темная ночь — хоть глаз выколи!* [1, с. 229]

Здесь важна лишь одна внешняя черта «перевязан глаз», которая и раскрывает ситуацию, произошедшую с персонажем.

Встречаются в анекдотах персонажи другого рода — это конкретные исторические лица, политики, существовавшие в действительности:

Гитлер (*Герингу*). *А что будет с нашими союзниками — Хорти, Маннергеймом, Антонеску, Муссолини, если мы проиграем войну?*

Геринг. *Ничего особенного. Изменится одна только буква: они станут нашими союзниками* [1, с. 218].

Попав в анекдот, политические деятели действуют в соответствии с законами жанра, одновременно сохраняя в сознании исполнителей и слушателей стереотипные черты и роли. Они, как правило, выполняют функции, свойственные им в жизни. Например, Гитлер — фюрер Германии, верховный главнокомандующий, Геббельс — рейхсминистр Германии по вопросам пропаганды и т. д.

— *Клейст, Гудериан, Рейхенау, Лист! Ведь это все сливки германского командования!*

— *Да. Битые сливки* [1, с. 223].

Клейст, Гудериан, Рейхенау, Лист — немецкие фельдмаршалы, воевавшие на Восточном фронте. Комический эффект этого анекдота построен на переносном значении слов: «сливки» — самая лучшая, отборная часть, «битый» — разбитый, побежденный в бою, в битве. Получается каламбур: самая лучшая, отборная часть германского командования разбита.

Анекдот делает образы политиков карикатурными через гиперболизацию известных характеристик, каких-либо особых свойств, ярких поступков. Эти качества становятся в анекдотах и средством описания персонажей, и объектом осмеяния, и средством

моделирования комической ситуации. Например, анекдоты про Геббельса обычно рассказывают о его умении приврать:

Генерал. *Нечем хвалиться, герр министр. Русские опять захватили огромное количество наших танков и пушек и ими же разгромили несколько наших батальонов.*

Геббельс. *Вот и прекрасно! Так и запишем: «Новая победа немецкого оружия»* [10, с. 42].

Внешний облик исторических персонажей чаще всего не описывается, а подразумевается, так как из средств массовой информации все знали, как они выглядят:

— *Чем воевать будем? Солдат не хватает, хотя всех уродов и калек собрали.*

— *А что, разве и Геббельс мобилизован?* [1, с. 222]

Для адекватного восприятия этого анекдота необходимо быть знакомым с биографией Геббельса. В анекдоте нашло отражение не только то, что в результате перенесенной в раннем детстве болезни у Геббельса была деформирована правая нога, но и то, что в 1944–1945 гг. он был уполномоченным по тотальной военной мобилизации. Восприятию подобных анекдотов способствовало «коллективное знание» бытующих стереотипов: всему населению были знакомы военные реалии, близко и понятно то, что происходило на фронтах.

Часто комический эффект достигается за счет совмещения в одном анекдоте обобщенных персонажей и исторических лиц. В подобных анекдотах политикам дается оценка (чаще всего негативная) со стороны обобщенных действующих лиц:

Гитлер, Геринг и Геббельс решили проверить, как относится германский народ к своему правительству. Они вышли на улицу спросили у первого попавшегося немца:

— *Скажи, что говорит наш народ о правительстве?*

Вместо ответа прохожий снял шляпу и протянул ее к спрашивающим. Гитлер, Геринг и Геббельс бросили в шляпу по марке.

Забрав деньги, немец снова протянул шляпу и получил еще три марки. Не говоря ни

слова, он проделал это несколько раз. Наконец Гитлер потерял терпение и крикнул:

— *Ну, с нас уже хватит!*

— *Именно это и говорит немецкий народ о своем правительстве, — сказал прохожий и весьма поспешно скрылся в ближайшем подъезде* [1, с. 205].

Группируясь вокруг определенного персонажа, анекдоты часто бытуют «сериями» или «циклами». Этому способствуют средства массовой информации, которые тиражируют и распространяют их. Сюжеты циклов анекдотов формируются ограниченным числом тем, группирующихся вокруг основного персонажа. Например, анекдоты про Гитлера. Встречаются переделанные анекдоты, сюжеты, которых в довоенное время рассказывались о Сталине и других политических деятелях, но большинство сюжетов являются новообразованиями, связанными с именем Гитлера. Многие анекдоты данной серии раскрывают негативное отношение современников к Гитлеру. Приведем пример подобного анекдота:

Однажды Гитлер и Геринг ехали в автомобиле через деревню. Шофер неожиданно затормозил — переехал собаку. Гитлер раздражен, так как может возникнуть недоразумение с владельцем собаки. Шоферу поручается передать печальное известие хозяину. Через некоторое время шофер возвратился, неся в руках много подарков.

— *Откуда это? — с удивлением спросил Гитлер.*

— *Я сказал владельцу: я от Гитлера, собака подохла. Он обрадовался и подарил мне все эти вещи* [11, с. 35].

Основным средством создания комического эффекта при изображении персонажей анекдота является пародия. В переводе с греческого пародия означает — «перепев, комическая переделка, пение наизнанку». По утверждению В. Я. Проппа, «пародия — это функциональная разновидность искажающей стилизации, заключающаяся либо в воспроизведении определенных особенностей речи с целью высмеять ее носителя, либо в имитации тех или иных особенностей

литературного произведения с целью высмеять ее автора» [12, с. 100].

За счет пародирования исторических лиц происходит развитие системы персонажей. Помимо возникновения оригинальных, новых сюжетов, с такими персонажами иногда связываются ранее существовавшие истории. Вариант возникал, когда заимствовались и переламывались в соответствии с требованиями времени сюжеты старых анекдотов. Например, в анекдоте «Разговор Гитлера с портретом» [2, с. 102] заимствован сюжет дореволюционного анекдота, в котором фигурировали в свое время некоторые политические деятели, этот же сюжет будет использован в середине 1990-х гг. с другими политиками, например с Ельциным [13]. Другими словами, носители фольклорной традиции включают этих персонажей в систему жанра, и они воспринимаются уже не только как обобщенные или конкретные стереотипы из жизни, но и как чисто анекдотические герои.

Таким образом, можно сделать вывод, что в основе изображения обобщенных и конкретных персонажей лежат стереотипы, но в анекдотах по законам пародии происходит гиперболизация того или иного свойства характера. Воплощая народное представление о русских и немцах, стереотипы суммируют определенные сведения о них и передают эмоциональное к ним отношение.

Однако не требует доказательств тот факт, что источником стереотипов выступают реальные факты, люди, отношения, от которых зависят содержание, эмоциональная окраска и истинность стереотипов. Адекватное понимание содержания анекдотов зависит от наличия фоновых знаний о событиях данного периода.

Анекдоты являются проявлением субъективного видения действительности и отражают сложившиеся в обществе стереотипные представления об участниках Великой Отечественной войны.

Большинство анекдотов военного времени в той или иной форме отражают патриотические настроения и выражают уверенность в победе. Они становятся популярными, так как их содержание соответствует политическим настроениям, героическому и патриотическому накалу большинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелева, Е. Я. Русский анекдот. Текст и речевой жанр / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. — М., 2002. — 143 с.
2. Вирен, В. Н. Фронтовой юмор [Текст]. — М., 1970. — С. 173–197.
3. И поет мне в землянке гармонь [Текст] / сост. Б. П. Кирдан. — М., 1995. — 288 с.
4. Каган, М. С. Анекдот как феномен культуры // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола (16 ноября 2002 г.) — СПб., 2002.
5. Мельниченко, М. А. Феномен фронтового анекдота: народное творчество или инструмент агитации // Российская история. 2009. — № 6. — С. 28–39.
6. Lippman, W. Public Opinion. — N.Y., 1950. — 156 p.
7. Аникин, В. П. Теория фольклора: курс лекций. — 2-е изд., доп. — М., 2004.
8. Соколов, Е. Г. Русская культура как феноменально-феноменологический анекдот // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола (16 ноября 2002 г.) — СПб., 2002.
9. Санников, В. Русский язык в зеркале языковой игры. — М., 2002. — 552 с.
10. Прямой наводкой: фронтовой юмор. — М., 1942.
11. Фронтовой юмор. Библиотека красноармейца. — М., 1942.
12. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха. — М., 1999. — 288 с.
13. Советский анекдот: живой героический эпос русской истории [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/programs/td/2003/td.111603.asp> (дата обращения 5 августа 2014 г.)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ И МОТИВЫ ЭПОСА «БЕЛЫЙ ЖЕРЕБЕНОК И СИВЫЙ ЖЕРЕБЕНОК»

Ю. И. Чаптыкова

УДК 398.22

В данной статье рассмотрены мифологические традиции, отраженные в хакасском героическом эпосе «Белый жеребенок и сивый жеребенок». В сказании встречаются архаичные мотивы бездетности, чудесного рождения, образов мудреца-наставника, двух уток-демиургов, двух жеребят — спасителей своих хозяев, образов чудовищ и поздних напластований: наличие письменности, летающего ковра и т. д.

Ключевые слова: **героический эпос, сказитель, мифология, мотивы, сюжеты.**

Миф стоит у истоков словесного искусства, мифологические сюжеты занимают значительное место в устной фольклорной традиции различных народов. Ранние формы героического эпоса также уходят корнями в миф. В них эпический фон еще заполнен богами и духами, а эпическое время совпадает с мифическим временем первотворения.

Мифологические архетипы и сюжеты становятся материалом для создания чудесной выдумки, волшебной сказки и героических сказаний.

Героические эпосы насыщены мифологией, фантастическое выражается в действиях персонажей, в описаниях пространства, мотивах волшебства, магии. К мифологическому пласту верований относятся чудесные предсказания, предупреждения.

В данной статье рассмотрим некоторые мифологические мотивы и сюжеты, представленные в алыптах нимахе «Белый жеребенок и сивый жеребенок» [1]. Существуют три записи этого сказания в исполнении разных сказителей, относящихся к двум сказительским школам. Первая запись была сделана Т. Г. Тачесвой в марте 1957 г. от М. К. Доброва, известного сказителя качинской школы. Вторая запись была сделана И. Ф. Спириным в 1958 г. от П. В. Сулековой, представительницы кызыльской школы сказителей. Третья запись сделана П. А. Трояковым в 1979 г. от Конгарова Сохана, представителя качинской школы. В данной статье рассмотрим вариант

Прасковьи Васильевны Сулековой, кызыльской сказительницы.

В эпосе почти всех тюрко-монгольских народов Сибири часто встречается образ волшебного коня, который является советчиком и помощником богатыря. Создатели героических сказаний — древние хакасы — верили в возможность превращения лошади в человека и, наоборот, верили в тождество лошади и человека, также имеются мотивы рождения человека от лошади и родства с ней. Формирование идеи о происхождении отдельных групп людей от животных, в том числе и от лошади, вере в коня как в прародителя, тотемического предка — реликты подобных суждений довольно устойчиво сохранились и в фольклоре хакасов.

В алыптах нимахах есть мотивы и сюжеты рождения богатырей от лошади. «Мотив происхождения от коней уходит корнями в общую древнюю традицию тюркоязычных племен, о которой свидетельствует наличие в эпосе ряда тюркоязычных народов Сибири мотива происхождения героя от лошади (у долган, якутов)» [2, с. 25]. В известном хакасском эпосе богатырка Ай-Хуучин рождается от коней — пего-саврасой кобылицы и пего-саврасого жеребца, у Ай-Хуучин имеется брат-близнец — пего-саврасый жеребенок. В героическом сказании «Алтын Арыг» героиня и ее бело-игреневый конь — близнецы, которые вместе рождаются внутри Белой скалы. По словам В. Е. Майногашевой, «здесь отголоски древнейшего

близнечного мифа, который в фольклоре хакасов в самостоятельном виде не сохранился. Его основа в эпосе обогащена сюжетом, непосредственно связанным с культом коня, восходящим к тотемическим представлениям древних тюркских предков хакасов» [3, с. 27].

У хакасов имеется ряд героических сказаний, где главными героями, наряду с богатырями, являются лошади: «Белый жеребенок и сивый жеребенок», «Два бело-буланых жеребенка», «Два сивых жеребенка» и др.

В хакасском эпосе «Алтын Сабах на светло-сером коне» конь втягивает в ноздрю дочь и сына хозяина, унося и спасая их таким образом от врагов. В другом эпосе «Хара-Хан на темно-гнедом коне» конь тоже спасает хозяина, давая советы, как следует действовать в трудные минуты жизни. В героическом эпосе «Белый жеребенок и сивый жеребенок» детей Ах-Хана спасают два жеребенка, которые убегают от кровожадного подземного врага Хыршотая.

Мотив бездетности часто встречается в хакасских алыпных нымахах, пожилые правители обычно не имеют детей, некоторым они достаются чудесным образом. В сказании «Ах-Хан и Синий-Хан» злой Ах-Хан остается в старости бездетным из-за своего скверного характера: он не любил ни животных, ни людей, был достаточно жестоким. Но жена втайне от него в золотой скале вырастила сына Кун-Тика, золотая гора, внутри которой вырос мальчик, представляется как бы материнской утробой, что восходит к очень древним воззрениям о скалах как священных тотемических центрах и отражает существование культа скал у предков хакасов. Известный фольклорист В. Е. Майногашева считает, что «в хакасских героических сказаниях и в древневосточных космических легендах есть общее — это связь происхождения людей с минералом, также с животными (конями)» [4, с. 82].

Из мотива бездетности вытекает архаический мотив чудесного рождения. В своем известном труде В. М. Жирмунский подробно останавливается на мотиве чудесного зачатия и чудесного рождения младенца. Он говорит, «что мотив чудесного рождения ребенка встречается в раннем эпосе» [5, с. 163]. В сказании

«Белый жеребенок и сивый жеребенок» также присутствует мотив бездетности и чудесного рождения: пожилые супруги Ах-Хан и Ах Олен Арыг не имеют наследников, страдают от такого несчастья, некому оставить многочисленный скот, правление народом. Дочь Моге-Хана подсказывает им, как стать родителями близняшек:

Хайзы-хайзы чирде, тиді,
Чирниң хыри чирде,
Тигірниң төзінде
Чир пөзігі ах сын пар.
Чир пөзігі ах сын үстүнде
Ат харағы ах сүт көл,
Алты хурлығ алтын хайа пар, тиді.
Алты хурлығ алтын хайаның алтында,
Ат харағы алтын көлде,
Алтын түктіг сомға өртек,
Күмүс түктіг көгін өртек
Чүс чөредірлер, тиді.
Аны, чидіп, ағыл килзер,
Паарыңардаң сыххан палаңар полар,
Оолнаң хыс полар, тиді [1].

В каком-каком месте, говорит,
На краю земли,
Под небом
Есть вершина земли хребет Ах-сын.
На вершине земли Ах-сын
Белое молочное озеро, напоминающее
конский глаз,
Золотая скала с шестью уступами,
говорит.

Внизу золотой скалы с шестью уступами,
В золотом озере, похожем на конский глаз,
Утка-нырок с золотыми перьями,
Сизая утка с серебряными перьями
Плавают, говорит.
Если их достанете и привезете,
Будут у вас дети родные,
Мальчик с девочкой будут, говорит.
(Здесь и далее примеры из рассматриваемого сказания даны в переводе автора.)

Здесь описано типологически известное во многих героических сказаниях волшебное место, где обычно обитают души богатырей. Характерно присутствие многих признаков

обиталища духов: вершина земли Ах-сын, Белое молочное озеро (Ах сүт көл), Белая скала с шестью уступами.

Души детей Ах-Хана находились в золотой и серебряной утках, которые плавали в молочном озере. Данный образ в эпосе не случаен, в хакасской мифологии две утки — птицы-демиурги, сотворившие мир. Мотив чудесного рождения реализуется при помощи чудесного помощника и волшебных предметов. Моге-Тас, живущий внутри Белой скалы, дал сыну белый летающий ковер с шестью крыльями; раздвоенный на конце кнут для управления летающим ковром; короткий черный стальной меч, который способен все разрубить на своем пути; расшитый золотом кожаный пояс с тремя узелками, дающий человеку храбрость.

Эркем-кенчiм Албынчы,
Алтына мўнер ат осхас полар,
Алты ханаттыг ах кебiс
Читпес чер чох полар.
Азыр хамчыдаң хайди сағынып хахсан,
Ах кебiс iди учуғар, тидi.
Табырах сағынзаң, табырах учуғар,
Кöөлче сағынзаң, көөлче учуғар.
Арғал чаттың черiн чөр чатсаң,
Ноо немее урунмин чадар, тидi,
Томыр хара молат хылыч пиген,
Ол тынмач ниме чох полар,
Ўч тўўнчектиг тим хур пиген.
Пiр тўўнчегiн иртире хуршанзаң,
Ол кичпеч ниме чох полар, тидi.
Iкiнчi тўўнчегiн иртире хуршанзаң,
Улуғ алыпнаң чер ўстўнде
Ортымах алып сағыстыг полазың,
Тицни сағынарзың, тидi.
Ўзiнчi тўўнчегiн иртире хуршанзаң,
Өлер дее немедең хорыхпассың.
Чадар даа немедең чалтанмассың, тидi.
Апчак кiзi, ўч тўўнчектиг алтын аршол
пирген.

Милый ягненочек Албынчы,
Будет тебе вместо оседланного коня,
Нет места, куда бы ни добрался
Шестикрылый белый ковер.

Раздвоенным на конце кнутом с какими
мыслями будешь трясти,
Белый ковер так и полетит, говорит,
Захочешь, чтоб быстро летел, быстро полетит,
Захочешь, чтоб медленнее летел, медленно
полетит,

По чужой земле будешь ходить,
Чего только на пути ни встретишь, говорит,
Короткий черный стальной меч дал.
Нет ничего, что он не разрежет,
Нет ничего, что он не разрубит, говорит.
Кожаный пояс с тремя узелками дал.
До первого узелка завяжешься,
Будешь обладать мужеством
среднего богатыря,
До второго узелка завяжешься,
Будешь обладать мужеством
Могучего богатыря, говорит.
До третьего узелка завяжешься,
Ни смерти не будешь бояться.
Ничего не будешь бояться.
Старик дал золотой пояс с тремя узелками.

Образ Моге-Тас — образ родоплеменного покровителя, инициатора чудесного рождения наследника пожилой пары. Он охраняет и покровительствует шестому поколению Моге-Хана, предка Ах-Хана. Образы покровителей генетически восходят к культу предков и священной горы. В сказаниях именно дед, живущий в Белой скале (по Чудоякову — «неумирающие деды»), выступает инициатором сотворения ханского наследника. Часто в хакасском героическом эпосе эта роль отводится женщине, например, в сказании «Ай-Хуучин» образом мудреца-наставника является образ Хыс-Хан, которая жила в течение трех поколений правителей.

При добывании душ детей Албынчы сталкивается с рядом преград: Золотое озеро, где плавали две утки, охраняли два шестикрылых, двухголовых змея. Они никого не подпускали к озеру, от одного их взгляда загоралась земля, от одного дыхания возгорались вершины гор:

Хыймыхтапчатхан хыр полады,
Чахсылаан оңнап көр турза,
Алтылар ханаттыг,

Два огромных черных пса, не выполнив своих обязанностей, оправдываются перед хозяйкой:

Хазыра улиинча ікі хара адай,
Хаңылазып, тура сегірген.
Ікі адай суулап турадырлар:
Узубысхабыс, көрбесбіс тіп турадырлар
ікі адай.

Две черные собаки величиной с телку,
Заскулив, вскочили.
Две собаки заговорили:
Уснули, не видели, говорят.

Образ двух черных собак известен в хакасской мифологии. Стражами у дверей Ирликхана служат две черные собаки величиной с теленка, носящие названия Игер-Кизер или Хазар-Пазар. Они привязаны на железную цепь с двух сторон дверей медного дворца. В эпосе хакасов образ черной собаки обычно встречается при описании богатырей, ханов подземного мира. В данном сказании они охраняют хозяйку Белой скалы, которая относится к высшему миру. Отойдя от глубокого сна, обнаружили, что уток на месте нет, и отправляют в погоню за ними двух двуглавых змей.

Албынчы на своем летающем ковре, увидев преследователей, при помощи золотого аршола (...) сначала вызвал сильный дождь, потом напустил крепкий мороз. Бесстрашный богатырь отрубает своим всемогущим мечом головы двух чудовищ и берет с собой две головы для доказательства своих подвигов. По пути к стойбищу Ах-Хана трофеи оттаяли и испортили золотой летающий ковер с шестью крыльями. Жизнь Моге-Таса зависела от целостности летающего ковра, сын, не зная таких ограничений, укорачивает продолжительность жизни своего отца. Но тем не менее он добыл двух уток для пожилой супружеской пары.

Один из типичных мотивов эпохи разложения патриархально-родовых и возникновения раннефеодальных отношений — пожилые супруги, страдающие от бездетности. В. Е. Майногашева в своей статье «О хакас-

ском героическом эпосе и алыптых нымахе «Ай-Хуучин» заявляет, что «к числу алыптых нымахов о ханской чете с поздним рождением наследника относятся сказания «Хара-Хан, который ездит на темно-гнедом коне» [9], «Ах-Хус, который ездит на бело-буланом коне» [10], «Хан-Алып, который ездит на буром коне» [11], «Чибет-Хан» [12] и др. Многие богатыри, родившиеся от старых родителей, очень рано проявляют героический характер. Часто их спасателями оказываются преданный конь, жеребенок или жеребята» [13, с. 20].

Через некоторое время у Ах-Хана с женой родились близнецы — мальчик с девочкой. Все случилось в тот момент, когда на чурт хана напали подземные богатыри, родившихся детей спасают белый жеребенок и сивый жеребенок. Они, убегая от злого, кровожадного подземного богатыря Хыршотая, спасли детей Ах-Хана, которые впоследствии победили врагов, восстановили чурт своих родителей.

Таким образом, миф служит почвой для развития героического эпоса, придает ему возвышенность, поэтичность. В героическом сказании «Белый жеребенок и сивый жеребенок» отражены такие древние представления, как олицетворение, вера в магию, анимизм в их слитности. Наличие архаичных мотивов бездетности, чудесного рождения, образов мудреца-наставника, двух уток-демиургов, двух жеребят — спасителей своих хозяев, образов чудовищ и поздних напластований (наличие письменности, летающего ковра, отражение патриархальных тенденций) свидетельствует о том, что сказание «Белый жеребенок и сивый жеребенок» создано на более поздних ступенях развития эпоса хакасов.

ЛИТЕРАТУРА

1. РФ ХакНИИЯЛИ, инв. № 25. — С. 1–132 [зап. И. Ф. Спирина от П. В. Сулековой].
2. Майногашева, В. Е. О хакасском героическом эпосе и алыптых нымахе «Ай-Хуучин» // Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / [запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой]. — Новосибирск, 1997.

3. Там же.
4. Жирмунский, В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. — М., 1960.
5. Майногашева, В. Е. Некоторые мифологические и эпические сюжеты и мотивы фольклора хакасов и древневосточные космические легенды // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. — А., 1999.
6. РФ ХакНИИЯЛИ, инв. № 504. — Лл. 113–179 [запис. Т. Г. Тачеевой от С. П. Кадышева].
7. РФ ХакНИИЯЛИ, инв. № 504. — Лл. 1–112 [запис. Т. Г. Тачеевой от С. П. Кадышева].
8. Чистобаева, Н. С. Героический эпос хакасов: тематика и поэтика: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Улан-Удэ, 2007. — 20 с.
9. РФ ХакНИИЯЛИ, инв. № 71. — С. 6–79 [запис. Д. К. Угдыжекова от сказителя П. В. Тоданова].
10. РФ ХакНИИЯЛИ, инв. № 104. — Лл. 1–109 [запис. сказитель Д. А. Сазанакон из своего репертуара].
11. РФ ХакНИИЯЛИ, инв. № 100. — Лл. 1–104 [запис. Н. Аткиной от сказителя В. Е. Тазьмина].
12. РФ ХакНИИЯЛИ, инв. 98. — Лл. 1–82 [запис. А. Т. Кызласовой от сказителя С. Т. Боргоякова].
13. Майногашева, В. Е. О хакасском героическом эпосе и алыпных нымахе «Ай-Хуучин» // Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / [запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой]. — Новосибирск, 1997.

ПРОЗА И. ТОПОЕВА: ТЕМАТИКА, ПРОБЛЕМАТИКА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Л. В. Челтыгмашева

УДК 82.01/09

Статья посвящена исследованию проблемно-тематических и художественных особенностей рассказов современного хакасского писателя Ильи Прокопьевича Топоева. Его сборники юмористических и сатирических рассказов, сборников рассказов для детей отличаются обращённостью к актуальным нравственно-философским и социальным проблемам общества в период перестройки, глубокий психологизм, яркий и колоритный язык.

Ключевые слова: хакасская проза, рассказ, тематика, проблематика, художественные особенности.

В хакасской прозе конца XX — начала XXI в. актуальны проблемы взаимоотношения поколений, гендерная тематика, философско-нравственная проблематика, вопросы бытия человека в его соотнесенности с вечными ценностями, традициями, мировоззрением своего народа. Одним из таких писателей является современный хакасский прозаик, драматург, переводчик, член Союза писателей России Илья Прокопьевич Топоев.

Илья Прокопьевич — автор многожанровой малой прозы, лирических этюдов, басен. Им издано четыре сборника рассказов:

«Көйтүк Миргенек» («Хитрый Миргешка», 1991), «Туғаннар» («Родные люди», 1992), «Хоңалтах өдік» («Болтунишка», 1997), «Сын нанчылар» («Верные друзья», 2005).

Онтологическая проблематика, глубокий психологизм, прекрасный язык отличают сборник рассказов «Родные люди», в котором изображена порожденная перестройкой конца 1980-х гг. неустроенная социальная среда 1990-х гг.: развал совхозов, вымирание малых деревень, пьянство, хамство, нивелировка моральных ценностей и т. д. При описании реальных картин действительности И. Топоев

стремится раскрыть важнейшие проблемы того периода и их влияние на личность, жизнь, тревоги, сомнения обыкновенного человека, чаще всего жителя хакасского аала, в условиях сложного, противоречивого времени постперестройки, поиска новых путей развития общества. В образах стариков Каратины («Родные люди») и Сиртока («Старик»), пересхавших из деревни в город, показан внутренний драматизм адаптации к нравственно чуждым им новым взаимоотношениям в обществе. Если добродушная старушка Каратина сохранила в себе народную мудрость, отзывчивость, гостеприимство (несмотря на недовольство дочери, она радушно принимала всех, кто приезжал из деревни) и, самое главное, живой взгляд на мир, то дед Сирток, покинув свой родной аал, в городе погибает. После смерти жены Манидек и продажи дома старик Сирток живет у своей дочери Лиды. Образ дома становится нравственно-философским символом, пространством, в котором прошла вся жизнь героя, выросли его дети, воспринимаемым Сиртоком как источник добра и счастья. Поэтому продажа построенного еще отцом старика Сиртока дома — средоточия рода и семьи как общечеловеческих начал — нарушила связь с предками, верность своим корням и самому себе.

Общественно-политические и экономические перемены в нашей стране, начавшиеся в конце 80-х гг. XX в., «демократизация», «гласность», «плюрализм», провозглашенные как новые формы общественной и культурной жизни, стали объектом осмеяния в сборнике сатирических рассказов И. Топоева «Болтунишка». Автор обращается к злободневным проблемам своего времени, начиная от политических выборов до очередей в магазинах. В рассказе «Хомзынминчам» («Не обижаюсь») главный герой так описывает то время: «С перестройкой начали жить по-новому. В магазинах исчезла водка — пришлось бросить пить, туго стало с продуктами — заняться лечебным голоданием. В неделю один день ничего не ем, иногда — три дня. Жену и детей к этому же приучил. Теперь нам ни конфет, ни печенья не надо. Там шлаков много гово-

рят. И мяса много не едим — сердце больное. Сахара тоже много нельзя, иначе диабет будет. Поэтому мне непонятно, почему все так государство ругают. Колбасу, водку, сигареты требуют. Ведь все это только вред здоровью приносит. Настала демократия — в доме перестали греть батареи. ЖЭК объявил забастовку. Мы несколько дней писали жалобы, потом рукой махнули. Привыкли к холоду. И дети наши закалились. Говорят, в магазинах ни одежды, ни обуви, а нам хоть бы что. В школу, на работу босыми ходим, рубашку накинём — и идем» [подстрочный перевод наш. — Л. Ч.].

Изображенная И. Топоевым окружающая действительность иногда доходит до абсурдности. Так, в рассказе «Хулатай усхун килгенде» («Когда проснулся Хулатай») один из героев алыпных нымахов — героического эпоса хакасов — Хулатай алып, проснувшись через много веков, оказался в конце двадцатого столетия и не понимает, что означает «третьим будущим», «деньги», «поллитра», «хозрасчет», «очередь на квартиру», «блат» и почему хакасы не знают своего языка. Несмотря на условность сюжета и изображения поступков героев рассказа, абсурд предельно реалистичен. Художник показывает вымышленные события, в ходе которых наибольшей полнотой раскрывается сущность их социального бытия, то есть, отражая и воспроизводя действительность, много говоря о времени, о «перестройке», вводя в ткань повествования имена реальных людей, названия населенных пунктов, улиц, Илья Проккопьевич тем не менее создает мир художественного вымысла, не соотносимый с реальностью.

Во многих рассказах И. Топоева заметно явное присутствие автора — «конкретного человека конкретного времени во всей специфичности его индивидуальности и социально-исторической типичности его мироощущения» [1, с. 384]. Автор прямо выражает и доносит до адресата свое мнение об изображенном в тексте, апеллируя к умственной активности читателя, его способности увидеть в гротескном, в стилевой манере «черного юмора» изображении сложные и актуальные проблемы современности. В рассказе «Сила

денег» автор, обращаясь к читателю с вопросом: «Что в настоящее время всего сильней?», рассуждает о том, что если в прежние времена сила была у КПСС, СССР, ВЛКСМ, то сегодня она у тех, кто имеет большие деньги, то есть за деньги можно купить все: известность, уважение, высокие должности. Возникают опосредованные текстом «диалогические отношения», в которых читатель, по М. Бахтину, преодолевает «чуждость чуждого», стремится «добраться, углубиться до творческого ядра личности» создателя произведения, при этом духовно обогащаясь [2, с. 131].

Речь художественных произведений И. Топоева тяготеет к разноречию, соединению в одном произведении разных манер высказывания. В его рассказах лексико-фразеологический пласт художественной речи составляют слова и словосочетания, имеющие разную стилистическую окрашенность: как присущие высоким жанрам хакасского фольклора, так и отклоняющиеся от норм литературного языка «заниженные», просторечные слова, вульгаризмы; как исконно хакасские, так и русские. В одном и том же произведении, например в рассказе («Аалчылар»), автор использует стиховую форму героического эпоса, построенную на ритмико-синтаксическом параллелизме, с включением характерных для фольклорных произведений парносогласующихся слов («Суум-саам тоозыл парды, тылаас-хабар хагыл парды», «Күзүрт-хазырт одырыбыстылар, сыгдыр-сагдыр азыран сыхтылар») и лексику разговорного языка («Кізілер чиде тўскеннер, соолганнар», «Итсе-де, ит кирегінең магазинде сидік, айна», «Че позы, олар пірее ниме чызып алган полбазыннар тіп, ізептерінче, хойныларынча хольнаң сыйбап парыбысча»). В рассказе «Суслики» автор поднимает одну из актуальнейших проблем современности — проблему сохранения родного языка. Председатель одного заседания, где собралось много ученых людей, поднимает вопрос о том, что хакасы на своем родном языке не разговаривают: «Э-э, дорогой аргыстар... Сегодня пістің мындаг мероприятие... Э-э, піске надо тілдеңер собрание иртірібізерге. Піс, понимаете, Хакас

Республиказын ит салгабыс, а тадар тілінең чоохтанчатхан кізі чогыл. Какой піс тадарбыс, хаңан пос тілінең не разговариваем...» Используя такое сочетание русской и хакасской лексики в речи героев рассказа, а именно так в быту разговаривает в настоящее время большинство хакасов, И. Топоев акцентирует внимание на том уродливом и плачевном состоянии, в котором находится наш язык.

Отличаясь богатством приемов комического, остроумными диалогами, «говорящими» фамилиями, именами (председатель сельсовета Пиргал Иванович Халынчўстеев, Мунзурухтаев, Арғасаков Кўйтігес Мучаевич, председатель профкома Айпораан Иванович, Чиркенекова, Ырдырнаков, Харамчаков, Аахтаска, Анза Тумайаков, сержант Держиморда), названиями аалов (Салбырлар аал, Тасталған аал) и организаций («Салбырпўдірігчол»), сатирически изображает процесс интеллектуального обнищания, морального разрушения современного общества, предающего забвению свои традиции, обычаи, родной язык.

Сборники рассказов И. Топоева «Хитрый Миргешка» и «Верные друзья» адресованы детям и охватывают темы дружбы и товарищества, любви к своей малой родине, окружающей природе, животным, уважения старших, почитания традиций своего народа и т. д. В его рассказах жизнь детей раскрывается в точных, хорошо увиденных подробностях. Писатель не стремится показать их идеальными. Так, Миргешка в рассказе «Хитрый Миргешка» показан не образцово-показательным, а обыкновенным мальчиком со всеми присущими его возрасту особенностями. Тонким юмором проникнуты, например, сцены, где Миргешка утром будит старшего брата, а затем оставляет его без завтрака. Автор с большой симпатией относится к своему герою, мальчику живому, подвижному, охваченному постоянным любопытством ко всему окружающему. Даже имя «Мирген», который можно перевести как «ловкий», «проворный», удивительно точно передает характер безудержного озорника, энергия которого плещется через край, проучившего брата, чтобы тот долго не спал и не перекладывал на других свои обязанности.

И. Топоев показывает не каких-то исключительных детей в экстремальных условиях, а обыкновенных детей хакасских аалов. Он один из тех талантливых писателей, которые тяготеют к сельской тематике, поэтому его герои с ранних лет помогают родителям управляться по хозяйству: Адик чистит стайки («Сын арғыс»), Пачах встречает коров и овец («Аалчыбай Микей»), братья Панюга, Тимке и Муклай в подарок матери на день рождения делают уборку дома, моют посуду («Сыйых»), Миргенек подмел полы и сам приготовил завтрак («Көйтiк Миргенек»). Писатель, избегая нравоучительности и навязчивой дидактичности, помогает своему читателю прочувствовать мысль о необходимости уже с раннего возраста воспитывать в себе привычку к полезному труду, потребность быть нужным людям.

В рассказе «Кемнің пабазы улугу?» («Чей отец важнее?») не показан трудовой процесс, но воспитательная направленность его несомненна. В нем дед Каарка, разрешивший спор друзей Алёши, Аркаса и Илке о том, чей отец важнее, высказывает главную мысль произведения — любая профессия почетна и уважаема, будь то директор школы, управляющий фермой или тракторист. Здесь дед Каарка выступает олицетворением доброты, человечности, народной мудрости и своими рассуждениями внушает молодому поколению, что человек велик своим трудом и память о нем сохраняют плоды его труда. Как заповедь звучат слова деда: «Хорошего человека по его работе судят. Как он будет работать, так и народ его будет уважать».

Традиционной темой детской литературы всегда были взаимоотношения человека с живой природой. Не обошел вниманием эту тему и И. Топоев. Он пишет пейзажные зарисовки, этюды о природе, животном мире. В рассказах «Түлгүчек» («Лисичка»), «Пулан» («Лось») он описывает повадки диких животных, точно подмечая в них самое характерное и передавая увиденное ярким, самобытным словом. Под его пером повадки животных становятся необычайно выразительными: автор кратко, но в то же время увлекательно описывает охоту лисы на мышей («Алнымда, ырах нимес

ачых чирде, хызыл өңнiг түлгүчек, аар-пеер ле атыгып, харда күскечегөк тілепчеткен осхас. Алын азахтарынаң, күбүр харны сапхлап, пурнынаң күслеен. Мына ниме-де хаап алды! А-а, пазох пір сизігі чох күске тутыр салды»), передает красоту движения таежного лося («Угаа сіліг паза ниик чүгүр парчатхан аң чүс метрче ырахта. Салгах чіли пальыңнапчатхан алтын тамахча ырахтагы күскү өрті ойналчатханына ол кииче, чирге дее теңмин, табырах учух парчатханга төбй полган»).

Рассказы-зарисовки И. Топоева побуждают маленького читателя увидеть мир природы глазами художника, ощутить его звуки, запахи и краски. Читая рассказ «Чаапчатхан харның сарыны» («Песня падающего снега»), нам действительно кажется, что падающий снег поет и белой шубой ложится на наши плечи («Тасхар сых киіп, пір чирде сым турыбыссаң, харның көлде сарнапчатханын пір дее ирікпін истерге чарир. Сагаа пілдіртпін, иңніңі, учаңы, пазыңны ах тоннаң чаап салар. Позың даа сизінмессің, нога іди аар улыбысты сагаа»). В другом рассказе «Тирек салаазы» («Ветка тополя») писатель с необыкновенным лиризмом, образно описывает наступление весны, распускание листьев тополя: «Часхы пілдіртпін кинетін не чиде түскен. Тура хырларынаң сурнахтар аймах үннерінең сыңыразыбысханнар. Чир үстү хысхыдагы ах хастырыгынаң көлде чарылчатхан. Хайылчатхан чирнің харалчыхтары күнге анда-мында көгліг чалтырасханнар. Күннің чылыг сустары ап-айас тигірдең чайылганнар». Автор удачно использует художественные сравнения: снежинки — с перьями птиц («Харыцахтар, аар халбастанып, хус чүгі чіли, халын уйгаа пастырған чирні сіліг хоостыг чорганнаң пүргепчелер»), дома — с курящими стариками («Туралар тамкы тартчатхан апсахтар осхастар. Улуг сагысха түзіп, трубаларынаң ах көк ыстар позытчалар»), падающие листья — со слезами («Аның сарыг пүрлері, харах чазы чіли, агас ползар пірердең көлде тоолааннар»). Подобные рассказы не только расширяют кругозор ребенка об окружающем его мире, но и преследуют цели сугубо педагогические: разбудить в

маленьком человеке интерес самому понять, что такое добро, справедливость, любовь к родителям, чувство красоты, сопричастность и единство с природой.

Итак, И. Топоев — активный писатель современности, поднявший в своих рассказах насущные и актуальные для народа вопросы (сохранение родного языка и культуры, падение нравов в обществе и т. д.) и творчески использовавший металитературные приемы, как интертекстуальность, диалогичность, сочетание реального и ирреального, включение

в ткань повествования вставных рассказов, разная стилевая манера художественной речи, внеся тем самым определенный вклад в развитие современной хакасской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория литературы. — Том IV. Литературный процесс. — М., 2001. — 624 с.
2. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — М., 2007. — 405 с.

ИЗУЧЕНИЕ ИСКУССТВА ХАКАССКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Н. С. Чистобаева

УДК 398.22

В общей системе творчества народов мира хакасский героический эпос занимает свое достойное место, что позволяет рассматривать его в контексте мировой культуры. Целью исследования является изучение внутренней поэтической фактуры образцов героического эпоса, а также особенностей эпической традиции хакасов, в том числе его традиционное строение, типические места и их своеобразие, дается анализ эпических формул и других поэтико-стилевых средств на примере исполнительских традиций ряда сказителей-хайджи.

Ключевые слова: героический эпос, жанр, типические места, фольклор, традиция, сказитель, эпическая формула, мотив, поэтика, композиция, вариативность.

В устно-поэтическом творчестве хакасов особое место занимают героические сказания. Создателями и хранителями хакасского героического эпоса являются сказители-импровизаторы. Искусство сказительства своими корнями уходит в глубокую древность. Специфика устно-поэтического творчества такова, что любое произведение фольклора, созданное вначале мастером слова — *хайчы*, в дальнейшем обрабатывается. Эпические сюжеты, передающиеся из поколения в поколение, обогащаясь и совершенствуясь сказителями, становятся впоследствии традиционными. Эти веками оттачивавшиеся фразы позволяют поэтическими средствами сразу же ввести слушателя в поэтический мир эпоса.

Отечественное эпосоведение накопило значительный опыт в решении проблем генезиса, структуры, сюжетосложения, семантики, стилеобразования эпических текстов. Вместе с тем интерес к постижению глубинного содержания и поэтико-стилевых средств эпических текстов не только не ослабевает, но и усиливается в связи с интенсивным накоплением материала.

Важными составляющими в устойчивости традиции являются типические места и эпические формулы, в структуре которых обязательно прослеживаются опорные слова и словосочетания. Типические места не связаны с определенным сюжетом и переходят из одного сюжета в другой и по своему словесному оформлению приобретают строго законченный вид.

В исследовании поэтико-стилевой системы эпоса рассмотрение типических мест является весьма важным.

А. Б. Лорд считал, что неверно полагать, что все певцы знают все формулы, которые есть в традиции даже у одного сказителя, запас формул не остается неизменным, а меняется вместе с его тематическим репертуаром. И тем не менее он признавал, что найдется, однако, «целая большая группа формул, известных всем сказителям, точно так же, как и в любом языковом коллективе есть слова и выражения, которые знают и употребляют все носители языка» [1, с. 77].

Эпическое произведение как в исполнении одного и того же сказителя, так и в разносюжетных сказаниях других исполнителей обладает определенным набором типических мест. У каждого народа в эпосе имеется своеобразная, самобытная поэтическая фактура, важными составляющими которой являются устойчивые формулы и стилистические клише со своими особенностями.

Манера и стиль исполнения фольклорных произведений у каждого сказителя индивидуальны и обусловлены как местными традициями, так и талантом исполнителя. У каждого талантливого сказителя своя манера исполнения, свой стиль. Особым талантом исполнения и широтой репертуара выделялись такие сказители-хайджи, как: П. В. Курбижеков, С. П. Кадышев, М. К. Добров, Е. Н. Кулагашева, Н. А. Абдин, Н. А. Попяков, А. С. Бунаков, С. И. Созыев, П. В. Сулекова и др.

По эпической традиции, сказители надеются главного героя чудесным свойством предвидения, тонким восприятием природы. О необыкновенных способностях богатыря говорят следующие устойчивые выражения:

Ай алтын айландыра,
Чир ұстўн читі ибіре кўр тур:
Азыр хулахха ниме истілбинче,
Ала харахха ниме кўрінминче.

Подлунный мир он шестикратно,
Наземный мир он семикратно
окинул взглядом:

Ничего не донеслось до слуха его,
Ничего не приметили глаза его.

Подобная эпическая формула имеется в сказании «Ай Хуучин», в характеристике могучей Хыс Хан, отличающейся прозорливостью и любознательностью: *Изебі чох Хыс Хан / Чир хулахтыг полган, / Пўгімі чох Хыс Хан / Чиген частыхтыг осхас полган* — ‘У могучей Хыс Хан / Земля была ухом, / У бесстрашной Хыс Хан / Вселенная как будто была подушкой’ [2, с. 88]. Другая формула, характеризующая способности богатыря, также передается устойчивым выражением, которое встречается и в репертуаре других хакасских исполнителей: *Тилекейні тиксілендіре кўрче, / Тигір тўзін слестіре кўрче* — ‘Вселенную он сплошь просматривает, / И поднебесье он все проглядывает’ [3, с. 2, пер. наш].

Приведем пример еще одного поэтического выражения, являющегося традиционным, которое включено в цитируемое типическое место: *Чабага азагы чарылдырбиндір, / Хулун азагы киндербиндір.* — ‘Нет лошади, у которой бы копыто надтреснуло, / Нет жеребенка, у которого бы нога была повреждена’. Это описание, с одной стороны, представляет богатые владения богатыря, с другой стороны, показывает мирную спокойную жизнь в его владениях. Это устойчивое выражение встречается в сказаниях Н. А. Абдина, С. В. Абумова, Е. Н. Кулагашевой, С. П. Кадышева и др. В эпосе ненцев тоже встречаются постоянные словесные формулы с данной семантикой. В героических сказаниях, чтобы показать спокойную мирную жизнь героя и его близких, употребляется выражение: «Никто к ним не приходит, никто от них не уходит» [4, с. 179].

В героическом эпосе хакасов есть и другая эпическая формула, характеризующая гармонию во владениях богатыря:

Ады чох кизее ат мўндірчададыр,
Кибі чох кизее кип кизірчададыр [5, с. 5].

Пешему человеку коня дает,
Человеку без одежды одежду дает
[пер. наш].

Эта эпическая формула является традиционной в эпосе хакасов. Представление о хорошей жизни неразрывно связано с наличием у человека коня. Встречается слово *кип* 'верхняя парадная одежда из шерстяной ткани — сукна или драпа'. Исследователь хакасского фольклора В. Е. Майногашева считает, что данная фраза подчеркивает возраст героя. В эпосе обычно шьют *кип* юному герою только с наступлением совершеннолетия. В старину одежду с поясом могли иметь только богатые люди, бедняки же подпоясывались обычной веревкой [6, с. 539]. У сказителя П. В. Курбижекова эта формула более развернутая за счет включения текста благопожелания. Данный пример показывает органичное взаимодействие разных жанров фольклора в хакасских героических сказаниях.

Чагазы чох кип киспенер!
 Чаргы-ўлгўзи чох чон полбанар!
 Аттаң чазағ кизи чўрбезин!
 Ат тудып мўнинер!
 Кибі чох кизи полбазын!
 Кип алып кизинер [7, с. 12].

Не носите одежду без пояса!
 Не будьте народом без суда, без
 закона!
 Пусть пешим никто не будет!
 Коней ловите, верхом садитесь!
 Пусть никто без кииа не будет!
 Берите кип и носите!
 [7, с. 254, пер. В. Е. Майногашевой]

Типическое место, характеризующее выезд богатыря из дома на осмотр владений, включает в себя описание народа и скота. В эпосе понятие «народ» имеет обобщенное значение и сочетается с характеристическими эпитетами: *аргал* 'весь', *кўп* 'многочисленный', *изеби чох* 'бесчисленный', *албаты чоны* 'платящий дань народ'. Часто употребляется устойчивый образ *кўп мал* 'много скота', *ах мал* 'белый скот'. По мнению исследователей хакасского фольклора, картина жизни в ханском стойбище рисуется идиллически — как жизнь одной спаянной семьи, в которой нет борьбы и противоречий

между бедными и богатыми [8, с. 121]. Приведем формулу, соответствующую вышесказанному:

Хадарған малы, кўр турза,
 Халын тайғаны тобыра тарап партыр;
 Халых тўбен чоны, ол полза,
 Ах талай хастада чуртап партыр.

Всмотревшись, увидел, что выпасной
 скот его
 По всей обширной тайге разбрелся;
 Разглядевши, увидел, что весь его
 народ
 По берегу белого моря, расселившись,
 живет, оказывается.

Обычно типическое место заканчивается следующими словами: *Алып кизи, айланьы, / Ах ўрге избер кир парган* — 'И, повернувшись, богатырь / В белую юрту свою вошел'. Это же устойчивое выражение с небольшой вариацией встречается и у других исполнителей, например у Н. А. Попиякова, А. С. Бурнакова, Д. А. Сазанаква. В сказании «Кюн Тёнгис на серебрякрылом сивом коне» С. П. Кадышев использует в описании времени суток: *Иир полза, анда / ибине ибiрiлiп нанчададыр* — 'Только вечером домой возвращается' [9, с. 2, пер. наш].

Рассмотрим типическое место, связанное с мотивировкой выезда богатыря из дома на охоту. В эпосе саяно-алтайских тюрков широкое распространение получил мотив изображения промысла охотника. Этот мотив встречается в самых разных героических сказаниях. В первобытном обществе охота была основным занятием, требующим силы и выносливости. В эпосе богатырь-охотник предстает удачливым, смелым, ловким. Данный мотив генетически восходит к «охотничьему» эпосу. Как правило, отправляясь на охоту, богатырь испытывал много трудностей или даже погибал. В героических сказаниях хакасов картина охоты высоко опоэтизирована. В первую очередь гиперболизируется богатырский лук, который никто, кроме самого героя, не в состоянии поднять с земли. По мнению

ния диалога, парных слов, дополнительных строк, эпических формул. Интересно отметить, что описание самого процесса охоты занимает лишь шесть стихотворных строк, тем самым сказителю важно было поэтически обрисовать изготовление орудия промысла и материал, из которого он сделан. Примеры: *хабыргадаң охчаа итті* — ‘из ребра лук сделал’, *табылгаттаң соған итті* — ‘из таволги стрелу сделал’, *ипізінің сазынаң кіріс хатты, хара чазаг пазып одыр* — ‘из волоса жены тетиву и черный узор расписал’. Данный пример содержит следующие парные слова: *ханча-ханча* ‘часто-часто’, *анча-мынча* ‘долго-предолго’. У сказителя А. С. Бурнакова эпическая формула, характеризующая место охоты, имеет сокращенный вариант:

Ах талайды хастап одыр,
Ах тасхылды паарлада
Пазып одыр [12, с. 25].

По берегу белой реки идет,
По подножию белого тасхыла идет
[пер. наш].

Широко распространено в хакасском эпосе такое стилистическое средство, как иносказание — метафорическое замещение прямого термина образным описанием явлений, благодаря чему художественность и выразительность изображения значительно возрастает и выявляется своеобразие эпического стиля. В данном примере иносказание выступает в форме парного словосочетания:

Аары парчинда, **алтон** пасха
Аймах хус атадыр,
Пеер айланза,
Читон пасха хус атадыр [12, с. 25].

Туда пойдет — шестьдесят
Разных птиц стреляет,
Сюда пойдет —
Семьдесят разных птиц стреляет
[пер. наш].

Здесь слова *аары* ‘туда’, *пеер* ‘сюда’ в своем сочетании означают большое пространство, а *алтон* ‘шестьдесят’ и *читон* ‘семьдесят’ теряют свое конкретное содержание и в контексте приобретают значение ‘много’. Такое замещение значения слов добавило художественной красочности и усилило эмоциональное его восприятие.

Данное «общее место» дополняется эпической формулой, передающей тяжесть груза и усталость богатыря, что встретилось только у А. С. Бурнакова:

Позының кўзі нинче сыдаанча
Атып алып, артынып алып одыр.
Арығ кўзі албаан ханча-ханча чирде
Тынанып, киліп одырадыр [12, с. 25].

Насколько хватило сил
Настреляв, навьючив на себя, идет.
Сильно уставая, часто-часто
Отдыхая, идет [пер. наш].

Приведем еще пример «общего места» из сказания «Палачах Алтын на бело-буланом коне», записанном в марте 1958 г. в исполнении Д. А. Сазанаква, принадлежавшего к сагайско-шорской школе. Анализ показал, что общим с предыдущим примером является то, что в это типическое место также включен диалог. Отличия: встречается новая эпическая формула, характеризующая желание юного богатыря сходить на хоту:

«Охчаа-соған ит пирген ползанаң,
Иб аралы ойлап чөрің,
Хусхачахтар атып чөрерчікпін» [13, с. 3].

«Если б сделали вы мне лук-стрелу,
Бегая вокруг дома,
Птичек стрелял бы» [пер. наш].

Также анализируемое типическое место интересно тем, что здесь изготовление лука и стрел отличается от предыдущего «общего места»: лук изготавливается из твердого дерева, но не называется, какого именно, стрелы, как

и в предыдущем сказании, сделаны из таволги. Нужно отметить еще одну важную особенность, что орудие промысла изготавливает не сам богатырь, а сестра, согласно эпической традиции, идет постепенное взросление богатыря.

В сказаниях «Хара Хан на темно-гнедом коне» и «Богатырь Хара Хан на вороном коне с шерстью длиною в пядь» охота также не описывается, речь идет лишь о намерениях богатыря пойти на охоту. В эпосе это передано такой эпической формулой:

Хара Хан ам чоохтапча:
— Хырых чылга читіре пол салдым,
Хара тайгамға чөрбин.
Ам, парып, аннап-хустап пар килим
[14, с. 2].

Хара Хан теперь говорит:
— Уже сорок лет прошло,
Как в черную тайгу не ходил.
Пойду, схожу на охоту [пер. наш].

Можно отметить, что в изображении охоты превалирует такой художественный прием, как гипербола. В эпосе место охоты представлено традиционным формульным описанием: *ах талайны хастада, ах тайганы чагали* — ‘по побережью белого моря, по краю седой тайги’. Использование типического места, характеризующего процесс самой охоты и реже — желание пойти на охоту только ради дичи. У сказителей А. С. Бурнакова, Д. А. Сазанаква есть описание подготовки охотничьего снаряжения. У А. С. Бурнакова добавилась новая эпическая формула, передающая тяжесть груза и усталость богатыря. Но, несмотря на все эти различия, структура типического места сохраняется, и оно узнаваемо в силу традиционных эпических формул, устойчивых слов и словосочетаний.

Таким образом, «общие места» варьируются за счет изменения в них слов, строк, использования разных изобразительных средств, но, несмотря на все изменения, «общие места» остаются узнаваемыми бла-

годаря опорным словам и словосочетаниям, эпическим формулам.

Типическое место, связанное с мотивировкой выезда богатыря из дома, как показал материал, может быть самой разнообразной. Данный мотив определяет последующие подвиги богатыря. Описания примерки одежды для мирной поездки даются в кратком изложении по сравнению с описаниями сборов на войну; отмечаются и необыкновенные способности богатыря. Наиболее развернуто типическое место, где показан сам процесс охоты. У сказителей А. С. Бурнакова, Д. А. Сазанаква встретились формульные описания подготовки охотничьего снаряжения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лорд, А. Б. Сказитель. — М., 1994. — 368 с.
2. Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин» / [запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой]. — Новосибирск, 1997. — 479 с. // Памятники народов Сибири и Дальнего Востока. — Т. 16.
3. «Палазы чох Ах Хан» — «Бездетный Ах Хан» [запис. от сказителя Абумова С. В. 20–22 декабря 1972 г.]; Рук. фонд. — № 682.
4. Куприянова, З. Н. Эпос ненцев // Специфика фольклорных жанров. — М., 1973. — С. 172–199.
5. «Хамағында ай чарыхтығ ах сабдар аттығ Хан Мирген» — «Хан Мирген на бело-игренем коне с полумесяцем во лбу» [запис. Майногашевой В. Е. от сказителя Абдина Н. А. 20–23 декабря 1972 г.]; Рук. фонд. — № 681.
6. Майногашева, В. Е. Хакасский героический эпос «Алтын Арығ» // Алтын Арығ [запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой]. — М., 1988. — С. 490–534.
7. «Алтын Арығ» / [запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой]. — М., 1988. — 592 с. // Эпос народов СССР.
8. Унгвицкая, М. А., Майногашева, В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. — Абакан, 1972. — 311 с.
9. «Күмүс ханаттығ көк пора аттығ Күн Төңіс» — «Кюн Тонис на серебрякрылом

- сивом коне» [запис. Чанковым Д. И. от сказителя Кадышева С. П. в январе 1948 г.]; Рук. фонд. — № 17.
10. Чудояков, А. И. Этюды шорского эпоса. — Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1995. — 221 с.
11. «Алтын Чүс» — «Алтын Чюс» [запис. Тачесвой Т. Г. от сказителя Доброва М. К. в 1941 г.]; Рук. фонд. — № 34.
12. «Ах ой аттыг Ах Хан апчах» — «Старик Ах Хан на бело-буланом коне» [запис. Субрако-
вой О. В. от сказителя Бурнакова А. С.]; Рук. фонд. — № 534.
13. «Ах ой аттыг палачах Алтын» — «Палачах Алтын на бело-буланом коне» [запис. Албычаковой Т. М. от сказителя Сазанакова Д. А. 6 марта 1958 г.]; Рук. фонд. — № 66.
14. «Харыс түктіг хара аттыг алып Хара Хан» — «Хара Хан на темно-гнедом коне с шерстью длиною в пядь» [запис. Тачесвой Т. Г. от Кадышева С. П. 13–14 июня 1961 г.]; Рук. фонд. — № 504.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О РАБОТЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ» (18–24 августа 2014 г.)

Н. А. Данькина

В статье подведены итоги работы летней научной школы исследователей русской и национальных литератур народов России, которая проходила в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории под руководством доктора филологических наук, профессора Альбины Леонтьевны Кошелевой.

Ключевые слова: научная школа, литература, Южная Сибирь, методология отечественной литературы и культуры, научно-исследовательский проект.

В августе 2014 г. Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории была организована работа научной школы на средства гранта Министерства образования и науки Республики Хакасия в рамках реализации государственной программы «Развитие инновационной, научной и научно-внедренческой деятельности в Республике Хакасия».

Цель проведения научной школы — формирование у молодых исследователей навыков научно-исследовательской деятельности на уровне требований современной научной школы и современного литературоведения.

В ходе работы школы реализованы поставленные задачи:

— расширить представление начинающих исследователей о различных методологических концепциях в изучении литературы и культуры России, в том числе Южной Сибири, Хакасии, Тувы, Горного Алтая;

— познакомить начинающих исследователей с актуальными проблемами современного литературного процесса и литератур Саяно-Алтая;

— сформировать у молодых исследователей навыки научно-исследовательской работы;

— научить развивать профессиональную активность молодых исследователей в коллективе.

Осуществлены следующие направления работы научной школы:

— изучение вопросов современной методологии отечественной литературы и культуры;

— изучение актуальных проблем литературы и культуры народов Южной Сибири, Саяно-Алтая;

— разработка молодыми исследователями собственного исследовательского проекта по вопросам методологии и степени изученности под руководством ученых — участников школы по избранным индивидуальным темам.

Программа работы научной школы включала курсы лекций по современным методологическим подходам в изучении отечественной литературы и культуры, в том числе литературы и культуры народов Саяно-Алтая, практические занятия по разработке научно-исследовательского проекта, написанию научных статей и два выездных семинара, связанные со знакомством с литературными и эпистолярными архивами, историческими памятниками Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова и древними археологическими памятниками Салбыкской долины.

Участниками научной школы стали 20 человек: доктора и кандидаты наук, докторанты, аспиранты и магистранты, являющиеся в основном учениками доктора филологических наук, профессора кафедры литературы ХГУ им. Н. Ф. Катанова Альбины Леонтьевны Кошелевой. Тематика научных исследований всех участников школы связана с решением проблем истории литературы, исторической поэтики отечественной литературы, в том числе литератур Хакасии, Тувы, Горного Алтая, проблем интеграции литературы и культуры, проблем современной методологии исследования литератур, истории и теории фольклора народов Саяно-Алтая.

В рамках школы участники имели возможность прослушать лекции ведущих ученых из Абакана, Кызыла, Горно-Алтайска.

Работа научной школы началась с круглого стола, в рамках которого состоялась презентация участников данного мероприятия, в котором были обозначены сферы их научных интересов, цели и задачи работы школы. Лекционную часть своим выступлением (лекцией) открыла руководитель школы доктор филологических наук, профессор заведующая сектором литературы ХакНИИЯЛИ А. Л. Кошелева. Лекция носила отправной, методологический характер и была посвящена современным методологическим подходам в исследовании отечественной литературы и культуры — «Современный художественный процесс и концептуальные акценты его исследования». А. Л. Кошелева обратила внимание участников школы на существование концептуально-инвариантного ядра (смысла) произведения, которое и определяет принадлежность данного произведения к тому или иному художественному направлению, помогает исследовать авторский «почерк», авторскую индивидуальность. Было подчеркнуто, что инструментом анализа художественного процесса является типология художественных взаимодействий, а выявление внутренних и внешних связей литературного процесса имеет важное методологическое значение, тем более для нашего региона (Саяно-Алтая), где так актуальны взаимодействия межнациональной

модификации и внутри национальной. Внимание слушателей было также акцентировано на решении одной из важных концептуальных проблем художественного процесса — «регламентация и свобода» — как она решалась в ходе историко-культурной эволюции и как решается на современном этапе.

Следующий лектор — доктор филологических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета Н. М. Киндикова — в своих лекциях «Тюркские литературы, проблемы взаимодействия», «Периодизация национальных литератур Сибири» рассказала слушателям о современном подходе к исследованию проблем литературогенеза литератур народов Южной Сибири, их периодизации на основе новейших изысканий, открытий современных ученых.

В лекции «Вопросы исторической поэтики тувинской литературы» докторант, кандидат филологических наук заведующая сектором литературы Тувинского института гуманитарных исследований У. А. Донгак убедительно обосновала предложенные ею этапы периодизации исторической поэтики тувинской литературы, насчитывающей 80 лет своей эволюции. Причем эта периодизация органична для типологических параметров развития исторической поэтики всех литератур, а молодые исследователи, слушатели школы могут эти нормативы периодизации использовать в индивидуальных изысканиях.

О проблемах развития хакасской литературы — периодизации, поэтики, проблемах перевода, новых произведениях современных хакасских писателей (прозаиков, поэтов, драматургов) — выступили ученые сектора литературы, старшие научные сотрудники, кандидаты филологических наук Н. С. Майнагашева и Л. В. Челтыгмашева. Н. С. Майнагашева в докладе «Актуальные проблемы новейшей хакасской литературы» познакомила слушателей школы с содержательным и эстетическим уровнем произведений современных хакасских прозаиков, поэтов, драматургов, проблемами поиска ими читателя и зрителя. Л. В. Челтыгмашева в лекции «Тематика, проблематика современной хакасской прозы» остановила

внимание слушателей на очень важной проблеме традиций и новаторства в творчестве современных хакасских прозаиков.

Интересной и полезной для молодых ученых и всех участников научной школы была встреча с писателями Республики Хакасия. Секретарь Союза писателей Хакасии Л. В. Костякова начала свое выступление с сообщения о подготовке межрегионального семинара (18–21 сентября 2014 г.), посвященного 65-летию со дня образования Союза писателей Хакасии. Речь шла о том, с чем пришла писательская организация к этой дате: ее многочисленный, интернациональный состав, тематика, проблематика, аксиологические параметры творчества и, конечно, проблемы. Проблема завоевания литературного пространства связана с решением ряда других трудноразрешимых проблем: проблема подстрочников и перевода, проблема финансирования тех, кто творит, создает основу для творческой деятельности ученых, воспитательного эквивалента учителей. Интересными, содержательными и эмоциональными были выступления писателей Ю. А. Иванова и А. А. Баинова, которые прочитали свои произведения.

Полезными для аспирантов и магистрантов стали практические занятия (семинары) докторов филологических наук

А. Л. Кошелевой, Н. М. Киндиковой, докторанта У. А. Донгак, кандидата филологических наук Н. С. Майнагашевой, посвященные методологии научного исследования и правилам подготовки научной статьи.

На заключительном круглом столе, семинаре научной школы выступила директор ХакНИИЯЛИ доктор исторических наук, профессор В. Н. Тугужекова, которая подчеркнула научную значимость, креативность проведения подобных научных школ, являющихся действенной формой подготовки современных научных кадров, поделилась опытом проведения научной школы «Актуальные проблемы истории и культуры Восточной Сибири», состоявшейся летом 2012 г. под ее руководством, издания сборника научных статей по результатам работы научной школы, приняла участие в процедуре вручения сертификата об окончании нашей научной школы ее участникам.

Завершилась работа научной школы обсуждением и защитой исследовательских проектов участников школы, подготовленных в форме научных статей. По результатам её работы подготовлено издание сборника статей «Актуальные проблемы исследования литературы и культуры народов Южной Сибири».

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ», ПОСВЯЩЕННАЯ 70-летию ХАКАССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
(г. Абакан, Республика Хакасия, 24–26 сентября 2014 г.)**

В. Н. Тугужекова, Н. А. Данькина

В статье освещается работа Международной научной конференции «Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий», посвященной 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. В ней представлен краткий анализ докладов и выступлений участников конференции.

Ключевые слова: конференция, история и культура народов, Южная Сибирь, тюркские языки, фольклор и литература народов России.

Международная научная конференция «Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий», посвященная 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, проведена по инициативе Правительства Республики Хакасия.

Цель конференции — обобщение и апробирование научных исследований по истории и культуре народов Южной Сибири и сопредельных территорий, выявление новых научных подходов и актуальных проблем исследования.

В работе конференции приняли участие руководители Правительства Республики Хакасия и Верховного Совета Республики Хакасия, преподаватели и ученые Княжества Монако, Японии, Китая, Монголии, Казахстана, субъектов Российской Федерации: Республики Татарстан, Республики Бурятия, Республики Тыва, Республики Алтай, Республики Саха (Якутия), Республики Хакасия, Кемеровской области, Новосибирска, Красноярского края, представители общественных организаций Республики Хакасия.

На конференции работало три секции:

Секция 1. «Народы Сибири в прошлом и настоящем». Руководитель: доктор исторических наук, профессор, директор Института татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан Валеев Рамиль Мир-

гасимович. Секретарь: кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник ХакНИИЯЛИ Самрина Елена Васильевна.

Секция 2. «Тюркские языки Сибири: прошлое, настоящее и будущее». Руководитель: кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Центра педагогического образования НФИ КемГУ Телякова Вера Михайловна. Секретарь: кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка ХакНИИЯЛИ Чебокакова Ирина Максимовна.

Секция 3. «Художественное наследие фольклора и литературы народов России в современном культурном пространстве». Руководитель: доктор филологических наук, профессор, советник ректора университета им. С. Демиреля Дандай Ыскакулы (Казахстан). Секретарь: кандидат филологических наук, зав. сектором фольклора ХакНИИЯЛИ Чистобаева Надежда Степановна.

В работе конференции приняло участие более 140 человек. С докладами выступило более 70 человек.

Конференция началась 25 сентября 2014 г. с пленарного заседания, на котором с приветствиями к участникам конференции выступили: Председатель Верховного Совета Республики Хакасия В. Н. Штыгашев, Заместитель Главы Правительства Республики Хакасия — Председателя Правительства Республики

Хакасия кандидат юридических наук И. Г. Смолина, Министр образования и науки Республики Хакасия кандидат педагогических наук Г. А. Салата, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от Правительства Республики Хакасия В. А. Петренко.

Благодарственные письма от Верховного Совета Республики Хакасия были вручены ученому секретарю Н. А. Данькиной, заведующему сектором языка А. С. Кызласову, старшему научному сотруднику сектора экономики и социологии Г. М. Шапошникову, заместителю директора по административно-хозяйственной работе Е. И. Таштандиновой.

Правительство Республики Хакасия удостоило Почетной грамотой заведующего сектором археологии Ю. Н. Есина, благодарностями Главы Республики Хакасия — заведующую сектором литературы А. Л. Кошелеву, заведующего сектором истории В. К. Чертыкова. Грамотами Министерства образования и науки Республики Хакасия были отмечены начальник отдела по международным связям Б. У. Амзараков, заведующая сектором экономики и социологии И. Н. Трошкина, старший научный сотрудник сектора языка И. М. Чебочакова, старший научный сотрудник сектора истории Т. А. Кискидосова.

Председатель Республиканского Совета старейшин родов хакасского народа кандидат экономических наук В. М. Торосов вручил Орден «За благие дела» доктору исторических наук, профессору, директору Института татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан Р. М. Валееву за вклад в изучение и популяризацию научного наследия хакасского ученого Н. Ф. Катанова. В свою очередь Р. М. Валеев поблагодарил организаторов конференции за приглашение и сотрудничество, которое продолжается более 10 лет. Он выразил признательность людям, которые принимали решение и стояли у истоков создания подобных институтов, так как в 2014 г. свой 75-летний юбилей отмечает и Институт языка, литературы и истории Татарстана. Р. М. Валеев поздравил

сотрудников ХакНИИЯЛИ с юбилеем от имени Академии наук Республики Татарстан, Института востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета. В качестве подарка от Академии наук Татарстана институту была вручена Энциклопедия Республики Татарстан.

На пленарном заседании было заслушано три доклада. По истории создания и современного развития института выступила директор института доктор исторических наук, профессор В. Н. Тугужекова. Ее доклад сопровождался научно-популярным фильмом «Наука Хакасии», снятым ГТРК «Хакасия».

Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института филологии СО РАН И. В. Силантьев выступил с докладом «Язык и фольклор хакасов в исследованиях Института филологии СО РАН». В своем докладе он акцентировал внимание на вкладе Института филологии СО РАН в изучение хакасского языка и фольклора. При этом были отмечены научно-исследовательские работы ученых Хакасии, которые проводились на базе Института филологии СО РАН.

В заключение пленарного заседания с докладом «Искусство первых кочевников от Хакасии до Монголии» выступил Жером Магайл, доктор, руководитель археологической экспедиции Музея доисторической антропологии Княжества Монако. Он отметил, что уже в течение трех лет ХакНИИЯЛИ, Музей доисторической антропологии Княжества Монако, Институт археологии Академии наук Монголии совместно занимаются изучением эпохи бронзы и начала железного века от Монголии до Тувы, включая Хакасско-Минусинскую котловину, в частности, изображений на каменных стелах окуневской, карасукской и тагарской археологической культур. Жером Магайл провел аналогии между стилями изображений на оленных камнях, расположенных в центре Монголии, с изображениями тагарской культуры в Хакасии.

Самой большой по численности была первая секция: «Народы Сибири в прошлом и настоящем». На секции выступили ученые из Японии, Монголии, Республики Татарстан,

Горного Алтая, Якутии, Новосибирска и других территорий. Председатель секции Р. М. Валеев говорил о том, что большой интерес у участников секции вызвали выступления археологов. В своем докладе заведующий сектором археологии Ю. Н. Есин на материалах наскального искусства показал историю колесного транспорта Минусинской котловины с III тыс. до н. э. по XIX в. и выделил четыре основные технологические традиции, которые представлены в сфере колесного транспорта региона за это время. Комплексный анализ погребальных памятников знати хунну на территории Монголии был представлен в докладе заведующего сектором хунну Института археологии Академии наук Монголии Еруул-Эрдэнэ Чимиддоржа, а руководитель монголо-монакской археологической экспедиции Института археологии Академии наук Монголии Гантулга Жамбьян-Омбо представил выступление о тамгах памятника Хуругийн узур в Монголии, которые относятся к разным историческим эпохам.

Часть выступлений на этой секции была посвящена вопросам этнографии коренных народов Южной Сибири: алтайцев (Н. О. Тадышева), телеутов (Е. А. Орлова), шорцев (В. М. Кимеев), якутов (В. В. Ушницкий), бурят (Т. Е. Санжиева) и др.

На второй и третьей секциях, которые работали совместно под руководством доктора филологических наук, профессора, советника ректора университета им. С. Демиреля Дандай Ыскакулы (Казахстан), были заслушаны в основном доклады местных исследований по проблемам билингвизма хакасской литературы (А. Л. Кошелева), национальном своеобразии хакасской литературы (Н. С. Майнагашева, Л. В. Челтыгмашева), особенностей формирования хакасского литературного языка (А. С. Кызласов) и др.

26 сентября 2014 г., на второй день конференции, для ее участников был организован полевой научный семинар по достопримечательностям Аскизского района. Гости конференции посетили Анхаковский музей «Хуртуях тас» и Полтаковский музей наскального искусства.

В рамках работы секций участники конференции выработали следующие рекомендации:

1. Создать и ежегодно обновлять электронный журнал «Ученые записки ХакНИИЯЛИ».

2. Министерству образования и науки Республики Хакасия один раз в три года проводить мониторинг по выявлению детей, изучающих хакасский язык как предмет, в целях поддержки обучения, сохранения хакасского языка.

3. Рекомендовать Министерству образования и науки Республики Хакасия ежегодно проводить мониторинг социально-экономического положения ученых Хакасии и размещать результаты мониторинга на сайте официальных органов Республики Хакасия.

4. Установить тесное сотрудничество средств массовой информации Республики Хакасия и научной общественности в целях популяризации научных исследований.

5. Рекомендовать Министерству культуры Республики Хакасия и научной общественности Республики Хакасия обратить внимание на реконструкцию и формирование хакасской культуры путем проведения научных мероприятий, направленных на сохранение и изучение духовной культуры и мировоззрения хакасов.

6. Рекомендовать Министерству образования и науки Республики Хакасия, Министерству культуры Республики Хакасия оказывать непосредственное содействие библиотекам республики в пополнении библиотечного фонда научными и научно-популярными изданиями.

7. В связи с возрастающим интересом к археологическим памятникам Хакасии рекомендовать ХакНИИЯЛИ проводить работу по координации археологических исследований в республике и на юге Красноярского края, по учету основных направлений археологических исследований в мире.

8. Рекомендовать Министерству образования и науки Республики Хакасия и ХакНИИЯЛИ организовать научную конференцию, посвященную анализу главных достижений археологического наследия региона и выявления слабых мест и недоработок

в археологии. Результаты такой конференции позволят уточнить перспективные направления работ для ХакНИИЯЛИ, других научных и научно-образовательных центров.

9. Ходатайствовать перед органами государственной власти Республики Хакасия об увеличении софинансирования регионального конкурса Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

10. Обратиться в Министерство образования и науки Республики Хакасия с предложением о включении в состав Рабочей группы

по сохранению и развитию хакасского языка и культуры, развитию этнотуризма при Совете по экономическому развитию Республики Хакасия представителей Терминологической комиссии.

11. Участникам конференции объединить усилия по комплексному изучению истории и культуры тюркских народов.

12. ХакНИИЯЛИ рассмотреть вопрос о создании на его базе единого центра тюркских народов по сохранению и развитию языка и культуры.

ПЕРСОНАЛИИ

ЗИНАИДА ЕФРЕМОВНА КАСКАРАКОВА — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

А. С. Кызласов

УДК 809.43.001

Статья посвящена исследователю современного хакасского языка З. Е. Каскараковой. В ней рассматриваются главные этапы биографии и творческой работы вышеназванного автора. Освещается кратко содержание основных научных трудов исследователя и другие аспекты ее деятельности.

Ключевые слова: **З. Е. Каскаракова, исследователь, хакасский язык, словари, статьи, монография.**

Зинаида Ефремовна Каскаракова родилась 26 мая 1954 г. в селе Верх-Киндирла Бейского района Хакасской автономной области.

С 1961 по 1964 г. училась в Верх-Киндирлинской начальной школе, в 1971-м окончила Бондаревскую среднюю общеобразовательную школу. Первые годы трудовой биографии Зинаиды Ефремовны связаны с работой на трикотажной фабрике «Хакасия» в Абакане. В 1975 г. она поступает на филологический факультет Абаканского государственного педагогического института и по его окончании, в 1980 г., получает специальность «учитель русского языка и литературы, хакасского языка и литературы». Затем З. Е. Каскаракова работает учителем в Нижне-Тейской и Усть-Абаканской общеобразовательных школах, старшим библиотекарем в Абаканской объединенной городской библиотеке.

Научный путь Зинаиды Ефремовны Каскараковой начинается в 1992 г. с должности младшего научного сотрудника в секторе языка ХакНИИЯЛИ, где ей поручают заниматься составлением словника рукописи «Краткий толковый словарь хакасского языка».

С декабря 2001 г. и по настоящее время она работает старшим научным сотрудником, ведет исследование по теме «Названия растений в хакасском языке». Основной целью

работы является выявление и описание флористической лексики хакасского языка с точки зрения их структурных и семантических особенностей. Анализируются варианты названий растений хакасского языка по диалектам, говорам — это фонетические, морфологические и лексические. Совпадая по денотату, они отличаются друг от друга звуковым обликом, сферой употребления, эмоционально-экспрессивной окраской. Так, например, в числе фонетических соответствий находим хак. *ипсек*, *имзийек*, *эпчегей* — ‘чертополох’; *милегір* и *миреген* — ‘бубенчик, дикая морковь’ и т. д. Характер действия многочисленных фонетических законов в хакасском языке свидетельствует о его самобытности, специфике его исторического пути. Также исследуются проблемы структурных особенностей фитонимов хакасского языка и принципы номинации растений. Как известно, любое растение характеризуется многими признаками. Эти признаки объективны, конкретны и могут служить основанием номинации тех или иных растений. В хакасском языке выделяются следующие принципы номинации фитонимов по мотивировочным признакам: цвет, форма, запах, вкус, звук, качество, функция, место произрастания и др.

В настоящее время З. Е. Каскаракова также принимает участие в коллективной работе сектора языка — составлении и редактировании рукописи «Краткий толковый словарь хакасского языка».

В 1998–2002 гг. Каскаракова училась в заочной аспирантуре Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова под руководством доктора филологических наук, профессора В. Г. Карпова. В 2005 г. она успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Омонимы в хакасском языке» в диссертационном совете при Институте языкознания РАН (г. Москва).

Ее научная деятельность связана с исследованием лексики, терминологии хакасского языка, а также подготовкой словарей для учащихся высших учебных заведений и общеобразовательных школ. На ее творческом счету более 50 научных публикаций, в том числе статьи в научных журналах из перечня ВАК, в зарубежных изданиях (Турция, Индия, Китай).

Зинаида Ефремовна издала монографию «Омонимы в хакасском языке» (Абакан, 2007), которая посвящена системному описанию омонимов хакасского языка. В работе на достаточном лексическом материале дается детальное описание омонимов различных типов в плане синхронии и определения их структуры. Основное внимание уделено их классификации, источникам и путям возникновения [1].

Она внесла определенный вклад в значимый лексикографический труд сектора языка ХакНИИЯЛИ — «Хакасско-русский словарь» (Новосибирск, 2006). Этот словарь явился результатом многолетней работы языковедов ХакНИИЯЛИ, которые трудились в 70–80-е гг. XX в. Современное поколение ученых занималось дальнейшей доработкой словарных статей и редакторской работой [2].

З. Е. Каскаракова занимается составлением словарей различного типа. Продолжением вышеупомянутой монографии стал «Словарь омонимов хакасского языка» [3], это первый в хакасоведении оригинальный лексикографический труд, в котором систематизи-

рованы хакасские омонимы. Возникновение омонимов в языке — естественный и закономерный процесс. Многозначное слово в ходе своего исторического развития может стать источником возникновения семантических омонимов, когда одно или несколько значений отрываются от исходного, нарушая смысловое единство слова. Несмотря на наличие в хакасском языке значительного количества омонимов, различных по типу и источникам появления в языке, они в словарном фонде не так заметны. Принадлежность компонентов омонимических рядов к различным частям речи, контекст и речевая ситуация устраняют возможность смешения слов-омонимов.

В 2012 г. Зинаида Ефремовна опубликовала лексикографический труд «Русско-хакасский словарь общественно-политических терминов» [4]. Этот словарь охватывает основную, наиболее употребительную лексику социально-политического характера, передающую понятия современной общественной жизни и часто используемую в средствах массовой информации. Словарь-справочник содержит более четырех тысяч словарных статей. В отдельных случаях термины не переводятся, а в некоторых случаях толкование терминов дается в скобках: *апоис* (*чарлаг, афиша*), *антагонизм* (*iki пасха көрiстернiң, сағыстарның кўрезии*), *бутик* (*аарлыг кип-азах сатчатхан улуг нимес магазин*).

При переводе значений русских слов автор старался подыскать наиболее точный эквивалент в хакасском языке: *начинание* *пастаг*, *посвящать* *чарыдарга*, *железнодорожный вокзал* *тимiр чол вокзалы*.

В некоторых случаях для более полного раскрытия значения слова приводится иллюстративный материал: *воля* 1) *пос*; *на воле* *пос чуртаста*; 2) *сындыр*; *сильная воля* *пик сындыр*; 3) *кўстенiс*; *воля к победе* *чиңиске кўстенiс*.

Она принимала участие в создании внеплановых коллективных трудов ХакНИИЯЛИ: «Ширинская летопись: от века камня до современности» (Абакан, 2007) и «Таштыпский район: история и современность» (Абакан, 2008).

Зинаида Ефремовна участвует в работе международных и всероссийских научных конференций. Также принимает участие в составительской работе: в 2012 г. в Стамбульском университете с ученым секретарем ХакНИИЯЛИ Н. А. Данькиной занималась отбором научных материалов в библиотеке Н. Ф. Катанова. По итогам этой работы был опубликован II том «Избранные труды Н. Ф. Катанова», включающий малодоступные для исследователей труды по языкам, истории, этнографии, фольклору тюркских народов.

В 2012 г. З. Е. Каскаракова выиграла индивидуальный грант Министерства образования и науки Республики Хакасия на издание «Русско-хакасского словаря общественно-политических терминов».

В 2013 г. принимала участие в коллективном проекте «Кызыльский диалект хакасского языка: современное состояние, проблемы, перспективы» (руководитель — внс, к.филол.н. Р. Д. Сунчугашев), выигранного по линии основного конкурса РГНФ. Она занималась сбором и обработкой диалектного материала в Ширинском и Орджоникидзевском районах Республики Хакасия, в Шарыповском районе Красноярского края.

В 2014 г. Зинаида Ефремовна участвует в коллективном проекте сектора «Качинский диалект хакасского языка: современное состояние и перспективы» (руководитель — внс, к.филол.н. Р. Д. Сунчугашев), выигранного по линии основного конкурса РГНФ.

З. Е. Каскаракова систематически пишет рецензии на монографии, учебные пособия, отзывы на авторефераты диссертаций, выступала оппонентом диссертационной работы. Периодически выступает в СМИ РХ и публикует газетные материалы по теме исследования.

З. Е. Каскаракова — ветеран труда (с 2008 г.). Она занимается и общественной деятельностью, является членом «Лиги хакасских женщин «Алтынай», а также членом Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия. Она принимает активное участие в общественной жизни института. За достижения и заслуги в научной деятельности Зинаида Ефремовна имеет ряд благодарностей и поощрений, отмечена Орденом Республики Хакасия «За благие дела», Почетными грамотами Правительства Республики Хакасия и Министерства образования и науки Республики Хакасия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каскаракова, З. Е. Омонимы в хакасском языке. — Абакан, 2007. — 150 с.
2. Хакасско-русский словарь. — Новосибирск, 2006. — 1114 с.
3. Каскаракова, З. Е. Словарь омонимов хакасского языка. — Абакан, 2009. — 260 с.
4. Каскаракова, З. Е. Русско-хакасский словарь общественно-политических терминов. — Абакан, 2012. — 187 с.

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ НОМЕРА (на английском языке)

Abumova O. D.

THE MEANS OF EXPRESSION CONCESSIVE RELATIONS IN RUSSIAN KHAKASS AND TUVAN LANGUAGES

In the article the comparative analysis are means of expression of concessive relations in Russian, Khakas and Tuvan languages is presented.

Key words: *concessive construction, concessive unions, concessive relations, intensifying particle, participial form*

Beloglazov P. Ye.

TO THE QUESTION OF CAUSATIVE IN THE KHAKASS LANGUAGE

The article examines the history of the motive of the pledge in the Khakas language in connection with the formation of the verb.

Keywords: *Khakas language, the verb, an affix, category of mortgage, etymology*

Dybo A. V., Sheimovich A. V.

AUTOMATIC MORPHOLOGICAL ANALYSIS FOR CORPORA OF KHAKASS AND OLD TURKIC LANGUAGES

The paper describes the main principles of work of the automatic morphological analyser for Turkic language corpora. Its main components are: the grammatical dictionary; the range model of a wordform (including a set of ranges with series of morphophonological forms of inflectional affixes for each range); the set of compatibility rules for affixes and the two-level set of phonetic rules that constrain the choice of components of a wordform. The algorithm of automatic morphological annotation was developed by Ph.Krylov using of StarLing database processing system. The automatic morphological analyser for the Khakas language is shown below as an example.

This research follows the framework of the RAS corporate project in regards to the development of corpora for languages of the Russian Federation, including Turkic minority languages.

Key words: *corpus of a language, morphological analysis, morphological parser, inflection, computational model of a wordform, StarLing system*

Kaskarakova Z. Ye.

TYPOLGY OF PLANT NAMES IN THE KHAKASS LANGUAGE

Object of the article is to describe terms typology of plant names in the Khakass language. The detected main terms are classified according to several criteria such as form, content, origin.

Key words: *terms typology, classification, native and borrowed terms, consubstantial terms, descriptors*

Ye. N. Kuzmina, I. Ya. Selyutina, I. V. Silantyev, N. N. Shirobokova

THE KHAKASS' LANGUAGE AND FOLKLORE IN RESEARCHES OF THE INSTITUTE OF PHILOLOGY OF THE SB RAS

The article contains an analysis of researches in the sphere of the Khakass language and folklore which are conducted in the Institute of Philology of the SB RAS. A role of founders of a Turkologic school in Novosibirsk such as Ye. I. Ubryatova, M. I. Cheremsina, who had made a great contribution into the development of Khakass study of language, is noted.

Key words: *the Khakass language, dialectology, syntax, word formation, sound systems of South-Siberian Turkic languages, Khakass folklore*

Sunchugashev R.D.

ABOUT RESULTS OF THE KYZYL LINGUISTIC EXPEDITION OF KHRILLH

In the work the problems of the Kyzyl dialect of the Khakass language are described. The Kyzyls are a small numbered group of the Khakass living in Ordzhonikidze and Shirinsky districts of the Republic of Khakassia. The article is presented modern data on the sociolinguistic situation of the kyzylskiy ethnic group.

Key words: *the kyzylskiy dialect of the Khakas language, fieldwork, language situation, vocabulary, modern data*

Chebochakova I. M.

ABOUT SOME QUESTIONS OF STRUCTURE OF A VERBAL WORD FORM IN THE KHAKASS LANGUAGE

Materials of the Khakass language show examples of obscuration of morphological structure of a word connected both with historical fixation in a word of morphonologic changes and with regular deformation of a word form under word change. Usage of some particles as affixes influences on amplification of structure of Khakass word forms. In the article integration of particle =ox into structure of a word form is under consideration.

Key words: *the Khakass language, morphemic word organization, agglutination, fusion, affix, particle, word form*

Chertykova M. D.

SYSTEM RELATIONSHIP OF VERBS OF EMOTION IN THE KHAKASS

In article the main types of system relationship of the Khakass verbs with sense of emotion in lexical-semantic group are analyzed. Such main types of relationship as a synonymy, an antonyms ratio, functional equivalence are revealed. The multiple-valued verb represents the whole micro-system which lexical components interacts at the functional and semantic level with other lexical units of lexical-semantic group. All described phenomena are confirmed by the actual material of written and oral speech.

Key words: *emotion verbs, synonyms, contextual synonyms, antonyms, functional equivalence, multiple-valued verb, system relationship, Khakass (language)*

Kindikova N. M.

CREATION PROBLEM OF E. PALKIN'S LITERARY BIOGRAPHY

In the article the issue is creation of literary biography of Altaian writers particularly of E. M. Palkin's biography (1934-1991) based on archive material, autobiography, reminiscences about the writer. Photos from private archive and exhibits of school museums are of scientific interest. Especial attitude is paid to the first opinion about creative work of the poet and prose writer. Translation of E. Palkin's works into Russian and other languages of Russian peoples is still a problem.

Key words: *study of literature, a writer's archive, autobiography, reminiscences, lyrics and epos, problem of translation and creation of a writer's literary biography*

Konysheva L. M.

PECULIARITIES OF FOLK SONGS PERFORMANCE BY THE ENSEMBLE OF THE KHAKAS FOLK INSTRUMENTS

The relevance of this paper depends on the fact that there is little of study of peculiarities of development of the Khakas folk songs performed by Khakas folk instruments. Historical musical analyses provide an opportunity to see the tendency in the integral evolutionary process of the Khakas folklore song, which is reflected in the development of one of the trends in the Khakas music.

Key words: *song, ensemble of the Khakas folk instruments, folklore, instrumentation*

Kosheleva A. L.

TRANSNATIONAL POETRY OF KHAKASSIA: IDENTIFICATION PROBLEM AND SPECIFICITY OF INDIVIDUAL STYLE OF A. KYSHTYMOV'S LYRICS

Universal human significance of Russian-speaking poet A. Kyshtymov's lyrics is talented reconstruction of great harmony of the world of nature and the world of a man, which helps each of us to obtain spiritual support.

Key words: *lyrics, identification, landscape, semantics, function, tradition, intertextuality, cultural consciousness*

Kyargina S. V.

MODIFICATION ETNOPOETIKI IN ARTISTIC STRUCTURE SHORT PROSE V. SHUKSHIN

The article discusses modification etnopoetiki in artistic structure of short prose V. Shukshin disclosing the phenomenology of consciousness contemporary 60-70s.

Keywords: *story, writer, poetics, art, literature, and folklore*

Mainogasheva V. Ye.

KHAKASS HEROIC EPOS ALYPTYKH NYMAKH OF THE EPOCH OF THE OLD KHAKASS (OLD KYRGYZ) GOVERNMENT OF THE VI-XIII CENTURIES A. D. (IN XIONGNU-IRANIAN-KHAKASS HISTORICAL ASPECT)

As it is used to any genre of folklore alyptykhymakh has undergone stages of creation, development and formation in its life. In this article there is an attempt to give more specific view of historism of some alyptykhymakhs reflecting an epoch of functioning of the Old Khakass (the Old Kyrgyz) Government in the VI-XIII centuries A. D.

Key words: *alyptykhymakh, heroic epos, early forms, epoch of the Old Khakass Government, the Xiongnu-Sarnatian epoch, the Xiongnu Empire, historical and mythological heroic epos of a governmental stage*

Tekleva L. A.

THE STEREOTYPE AS THE MEANS OF THE IMAGE OF THE CHARACTER IN THE PERIOD JOKE THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article considers the role of stereotypes in the depiction of the characters in anecdotes of the great Patriotic war period. The role of stereotipi in the image of generalized and historical characters.

Key words: *«folklore», «anecdote», «stereotype», «generalized character», «specific character»*

Chaptykova Yu. I.

MYTHOLOGICAL CHARACTERS AND MOTIVES OF EPOS «WHITE COLT AND GREY COLT»

In the article mythological traditions, reflected in the Khakass heroic epos «White colt and grey colt», are under consideration. Archaic motives of childlessness, miraculous birth, image of a wiseman-guru, two ducks-demiurges, two colts-savers of their hosts, images of monsters, presence of script, a flying carpet and etc., appear in a folk tale.

Key words: *heroic epos, a story-teller, mythology, motives, plots*

Cheltygmasheva L. V.

I. TOPOYEV'S PROSE: TOPICS, PROBLEMATIC, ARTISTIC PECULIARITIES

The article is devoted to the research of problem-topical and artistic peculiarities of stories of modern Khakass writer Ilya Prokopyevich Topoyev. His collections of humorous and satirical stories, collections of stories for children are distinct for their relevance to current moral, philosophical and social problems of society during the period of post-restructuring, deep psychologism, a bright and racy language.

Key words: *Khakass prose, a story, topics, problematics, artistic peculiarities*

Chistobayeva N. S.

RESEARCH OF ART OF KHAKASS EPIC TRADITION

In a general system of world peoples' creative work Khakass heroic epos takes its rightful place. That makes it possible to consider it in the context of world culture. The research aim is study of inner poetic texture of

samples of heroic epos and also peculiarities of the Khakass' epic tradition including its traditional structure, typical places and their distinctness. An analysis of epic formulas and other poetic-stylistic means is given on the example of performing traditions of a range of story-tellers — khaidzhi.

Key words: *heroic epos, genre, typical places, folklore, tradition, story-teller, epic formula, motive, poetics, composition, variability*

Dankina N. A.

ABOUT WORK OF A SCIENTIFIC SCHOOL «CURRENT STUDY PROBLEMS OF LITERATURE AND CULTURE OF SOUTH SIBERIAN PEOPLES» (AUGUST 18-24, 2014)

In the article working results of a summer scientific school of researchers of Russian and Russian peoples' national literatures are summed up. It was held in Khakass Research Institute of Language, Literature and History under supervision of Doctor of Philology, Professor Albina Leontyevna Kosheleva.

Key words: *a scientific school, literature, South Siberia, methodology of domestic literature and culture, a research project*

Tuguzhekova V. N., Dankina N. A.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «PEOPLES AND CULTURES OF SOUTH SIBERIA AND ADJOINING TERRITORIES» DEVOTED TO THE 70TH JUBILEE OF KHAKASS RESEARCH INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY (ABAKAN, THE REPUBLIC OF KHAKASSIA, SEPTEMBER 24-26, 2014)

The article is devoted to the work of International scientific conference «Peoples and cultures of South Siberia and adjoining territories» devoted to the 70th jubilee of Khakass Research Institute of Language, Literature and History. In it there is a brief analysis of conference participants' papers and speeches.

Key words: *a conference, history and culture of peoples, South Siberia, Turkic languages, folklore and literature of Russian peoples*

Kyzlasov A. S.

ZINAIDA YEFREMOVNA KASKARAKOVA IS A RESEARCHER OF THE MODERN KHAKASS LANGUAGE

The article is written about Z. Ye. Kaskarakova, a researcher of the modern Khakass language. Basic stages of biography and creative activity of the abovementioned author are under consideration in it. Synopsis of the researcher's main scientific works and other kinds of her activity are presented.

Key words: *Z. Ye. Kaskarakova, a researcher, the Khakass language, dictionaries, articles, a monograph*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абумова Ольга Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Белоглазов Петр Егорович — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Данькина Надежда Анатольевна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Дыбо Анна Владимировна — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник, зав. отделом урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук

Каскаракова Зинаида Ефремовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Киндикова Нина Михайловна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории художественного наследия и сравнительного изучения литератур Северо-Востока и Сибири РФ СВФУ им. М. К. Аммосова; профессор Горно-Алтайского государственного университета

Коньшева Людмила Михайловна — аспирант кафедры литературы Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Кошелева Альбина Леонтьевна — доктор филологических наук, зав. сектором литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Кузьмина Евгения Николаевна — доктор филологических наук, профессор, зав. сектором фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Кызласов Артем Самуилович — кандидат филологических наук, зав. сектором языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Кяргина Светлана Владимировна — аспирант кафедры литературы Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Майногашева Валентина Евгеньевна — кандидат филологических наук

Селютина Ираида Яковлевна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая лабораторией экспериментально-фонетических исследований Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Силантьев Игорь Витальевич — доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Сунчугашев Радион Дмитриевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Теклева Любовь Александровна — аспирант кафедры литературы Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Тугужекова Валентина Николаевна — доктор исторических наук, профессор, директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Чаптыкова Юлия Иннокентьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Чебочакова Ирина Максимовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Челтыгмашева Лариса Викторовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Чертыкова Мария Дмитриевна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Чистобаева Надежда Степановна — кандидат филологических наук, зав. сектором фольклора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Шеймович Александра Валерьевна — младший научный сотрудник сектора урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук

Широбокова Наталья Николаевна — доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Предоставляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология, культурология;
- история, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки;
- история международных отношений и внешней политики;
- история и структура языка;
- языковые связи;
- литературоведение;
- фольклористика;
- персоналии.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

Автор предоставляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10).

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п. л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков, объем информационных заметок и рецензий — 0,2 п. л.

Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал — 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;
- поля: сверху и снизу — 2 см, слева — 3, справа — 1,5 см.

Фамилия, имя, отчество автора и расположенный под ними заголовок должны быть написаны строчными буквами, жирным шрифтом и выровнены по центру страницы. Сведения об авторе размещаются под заголовком с правой стороны. Ниже следует аннотация с ключевыми словами на русском языке, под ними — фамилия, имя, отчество автора, заголовок, аннотация и ключевые слова на английском языке.

Текст статьи начинается на этой же странице.

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21];
- сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т. д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;
- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы предоставляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000; иллюстрации в формате JPG.

От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру.

Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://haknii>

Рукописи направлять по адресу: 655017, Абакан, Щетинкина, 23.

Редакция журнала «Научное обозрение Саяно-Алтая».

E-mail: khaknauka@mail.ru

Научное издание

Выпуск 2
Серия: Филология

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Редакторы:

И. П. Кызынгашева, З. И. Султрекова, О. П. Субракова

Компьютерная верстка *Л. Г. Топоевой*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел./факс: (3902) 244-354, 243-039
E-mail: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 03.12.2014.
Формат 60x90 1/8.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,75.
Тираж 300 экз. Заказ № 143.

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173